

СОНЖОНСКИЙ ЗАМОК

Томас Амзельгрубер, командир 3-го взвода 3-й роты

Еще толком не рассвело, когда меня разбудил топот дежурного, крики и визг противопожарной сирены. Я, как был в белье, выскочил в темный коридор. Спрашивать «что случилось» или «в чём дело» было бесполезно, поэтому я рывкнул изо всех сил, перекрывая тревожные трели сирены:

- Вырубите к чертям эту трещотку!

Что бы там ни было, я вернулся к себе и успел натянуть брюки и водолазку. Всегда держу в шкафчике под рукой водолазку, потому что знаю, что в экстренной ситуации не справлюсь с пуговицами — пальцев на правой руке у меня на четыре меньше, чем полагается. Я потерял их под Курском во время «Цитадели». Запах дыма еще не чувствовался — может быть, ничего серьезного... И тут сирена наконец заткнулась, и снизу, с первого этажа, донеслось приглушенное «Тревога! Рота, подъем!» Дежурный взбежал по лестнице и понесся по этажу, открывая подряд все двери, включая свет и повторяя: «Тревога! Подъем!»

Первая мысль была: высадились! Вторая: боеприпасы! Если загорится склад — нас накроет взрывной волной. Склад расположен слишком близко к жилым помещениям. Замок — объект сугубо гражданский, для военных нужд не приспособленный. Всё это я уже сто раз излагал командиру роты, который каждый раз отвечал, что мы здесь ненадолго, скоро начнутся бои, Амзель, не ворчи, 1-ю роту вообще в монастыре расквартировали.

- Что горит? — окликнул я дежурного.

- Не знаю, — вяло пробормотал он в ответ. — Не могу знать, унтерштурмфюрер.

Наверняка он спал на дежурстве, а теперь не может найти собственные мозги.

- Кто доложил о пожаре? Кто заметил огонь?

- Никто. Никто не докладывал.

Вот дурак!

- Почему сработала сирена?

Этот вопрос оказался слишком сложным для бедняги. Необходимость ответить офицеру и нежелание совершать умственные усилия рвали его пополам.

- Боевая тревога или пожарная, мать твою бронебойную! — не сдержался я.

- Боевая. Тревога боевая.

Я махнул рукой: «Иди!» Сейчас сам спущусь вниз и всё выясню.

Всё, чему мы учили солдат — спокойно, согласно плану... — всё это моментально вылетело у них из головы. Внизу опрокидывалась мебель, рвались штанины — началась суматоха.

Со шнурками та же история, что и с пуговицами. Я, в принципе, неплохо с ними лажу, но на это требуется время. Когда подъем по тревоге, то времени как раз в обрез. Поэтому я сунул ноги в ботинки и, чтобы они случайно не свалились, обмотал голенища черной изоляционной лентой. Если не приглядываться, то незаметно. Отовсюду доносились голоса, глухой стук босых пяток перемежался звонким шарканьем подошв. Через минуту я был уже в кителе и фуражке. На первом этаже началась перекличка механиков-водителей. Когда я застегивал портупею, на пороге моей комнаты появился связной — штурманн Редель, радиооператор из моего же экипажа. «В роте введена полная боевая готовность», — доложил он. И добавил: «Хайль Хитлер!» Я не стал ничего отвечать — мальчишка он еще зеленый, может не так понять, — но постарался выжать из него еще хоть немного сведений.

- И? — спросил я самым требовательным образом.

Редель только растерялся и ничего к моему «и» добавить не смог. Он промямлил что-то про «оповестить офицеров» и окончательно скис. Тем временем механики-водители с дружным топотом

отправились в парк. В танковый парк или просто в парк. Танки мы держали в задичавшей части парка позади замка.

В дверь командира роты уже стучался унтершарфюрер Риттер, а дальше по коридору всклокоченный, еще не до конца проснувшийся Гюнтер в недоумении смотрел сразу на двоих связанных — своего и Гёргенса. Связной Гёргенса решил, что подъем офицеров в пять утра — дело коллективное, с товарищем будет сподручнее.

Я спустился вниз в надежде получить дальнейшие указания, а может быть, и разъяснения «какого черта?» Вместо этого я увидел служащих медицинского взвода различной степени одетости, из которых выделялся только наш доктор, как всегда застегнутый на все пуговицы. После обмена приветствиями я осторожно выразил удовольствие, что вижу его в столь ранний час. На самом деле удовольствия я не испытывал никакого, и даже скорее напротив. Едва я увидел медиков, как у меня зашевелились самые нехорошие предчувствия. Один из санитаров в белом фартуке с красным крестом на груди держал складные носилки, другой — переносную капельницу. Неужели выступаем? Вот так внезапно? Меняем дислокацию или уже на позиции? Неужели высадились? Почему нас не предупредили, не дали хотя бы полчаса, чтобы собрать личные вещи? Я окинул мысленным взором свою комнатку. Какие полчаса! Мне хватило бы и пяти минут, чтобы побросать в чемодан туалетные принадлежности, фотографию жены и две книжки — Гудериана и «Азбуку тигра». Уважаю читающих людей, но сам, к сожалению, к ним не отношусь. Просто времени не хватает. В книгах же удобно хранить чеки и квитанции.

С доктором надо держать ухо востро. Он каким-то уму непостижимым образом всегда знает, что происходит и что надо делать. Не удивлюсь, если сейчас он построит нас, боевых офицеров, и поведет в атаку. По крайней мере, он самый старший по званию.

- Наш эшелон тоже принимает участие в учениях, — сообщил мне доктор и как-то нескладно пожал плечами. Наконец-то стало понятно, что речь только об учениях. Уровень напряжения упал, и я вздохнул с облегчением.

- А остальная 4-я рота? — спросил я.

- Нет, только мы, — ответил доктор.

Значит, по тревоге подняли только тех, кто был расквартирован в замке. До обеда побегаем, а потом всё вернется на круги своя. Не самый плохой вариант.

На лестничном пролете появился наш командир, оберштурмфюрер Рааш, а следом за ним — унтерштурмфюреры Гюнтер и Гёргенс, командиры 1-го и 2-го взводов. Не успели они еще дойти до конца лестницы, как двери в столовую распахнулись и на пороге появился адъютант батальона. Так-то обычно я зову его Рихард — мы с ним приятели, но сейчас он был целиком и полностью при исполнении, и это было видно за километр. Как только я увидел его торжественно-насмешливое лицо, так сразу меня царапнула нехорошая догадка: наверняка же это он врубил сирену... Чтоб нам скучно не было. С него станется!

- Господа офицеры, — с чувством произнес он, — прошу вас следовать за мной.

Он просто над нами издевался. Ему бы еще парадный ремень, перчатки и аксельбант! Чтобы подчеркнуть контраст с нашими помятыми рожами. Гюнтер к тому же порезался, когда брился. В столовой вместо утреннего кофе и тостов нас ждали командир батальона, стопка карт и унтерштурмфюрер Бельбе, который всеми силами дел вид, что он тут ни при чём. Его месяц назад перевели из нашей роты в штаб на должность ордонанц-офицера.

Хайн выглядел ужасно. В общем-то, мы все были далеки от того, что называется утренней бодростью, но Хайн, видимо, не спал уже несколько суток. Помню, как однажды он пропал в конце февраля или в начале марта, перед наступлением на Харьков — мы его тогда всем дивизионом искали, тогда у нас еще штуки были, а не «тигры», искали, не могли найти. Вот это был номер — несколько часов не могли найти! Я-то сразу догадался, что он просто где-то отсыпается, потом даже сообразил, где, пошел

проверить догадку, но всем сказал, что в сенном сарае никого нет. Просто мне хотелось, чтобы он поспал лишний часок, пока наши остолопы будут наворачивать круги по деревне в поисках командира. Хайн — наш командир. Но обычно мы зовем его просто Хайн. В Крийоне, где расположен штаб, на въезде в город висит картонка с красной стрелкой, а рядом с самим зданием штаба — растяжка, кусок простыни, на которой красной краской написано «Хайн». Это вместо «расположение штаба 101-го тяжелого...» и прочих ненужных слов. Пока еще никто не заблудился.

Мы получили задания и инструкции. Значит, по D930 выдвигаемся в район Марсей-ан-Бовези, где, по сведениям разведки, расположился противник. На подходе к месту боевых действий перестраиваемся из колонны в колонну по два. Задача 1-го взвода — привлечь внимание к себе. 2-й взвод — подавить огневые точки противника и закрепиться на железной дороге. И 3-й, это мой, — выехать в тыл, пересечь водную преграду и взять под контроль перекресток D930 и D901. Основная работа у Гюнтера с Гёргенсом, у меня так, халтура. Стрелять нам, конечно же, не разрешили. Гражданские и так перепугаются до смерти. 1-й взвод произведет пару холостых выстрелов. Вроде бы всё просто.

Сложности начались, когда оказалось, что всё это надо повернуть без дозаправки. Не только марш и маневры, но еще и возвращение на исходное надо было сделать на одном баке. Глаза у нашего ротного стали с блюдце.

- Боевое задание есть, топлива нет. Выполняйте, — отрезал Хайн.

Вообще-то подобное случается на фронте сплошь и рядом: постоянные перебои со снабжением, топливо дороже крови. Если рассчитать каждый метр до ниточки, то может, еще и получится — до места назначения не так уж далеко. В настоящем бою мы, конечно, первым бы делом кинулись «доить» бензиновую технику противника. В учебном придётся применять другие трюки. В конце концов, две запасные канистры у нас никто не отнимет. Чтобы заправиться, «тигру» нужно двадцать семь таких канистр, но две лучше, чем ничего. Должно хватить, чтобы доползти до дома «на парах». У меня проблем будет больше всех, потому что по заданию я должен преодолеть самое большое расстояние.

Но проблемы начались еще до того, как мы начали движение. У 332 отказал электростартер. Движок удалось завести при помощи ручного, но только со второй попытки. В парке творился форменный бедлам. Те, кто стояли спереди, не могли завестись, те, кто завелись, стояли сзади и не могли проехать. Топливо утекало сквозь пальцы. «Тигры» были расположены повзводно в шахматном порядке. Это обеспечивало хоть какую-то маскировку с воздуха, но сильно затрудняло выезд. Парк был плотно набит басовым рычанием двигателей, которое давило на уши и на грудную клетку. Когда уже выбрались на шоссе, неприятности у 332 продолжились. Он шел последним, и вся пыль, которую поднимала колонна, оседала у него в фильтрах. Еще немного — и двигатель начнет перегреваться... «Клиническая картина ясна», — как говорит наш доктор. Я приказал Варнеке, командиру 332, присоединиться к 1-му взводу: до перекрестка он всё равно не дотопал бы. Хорошо хоть, Хайн забыл объявить нам радиомолчание.

Хайн, конечно, не был бы Хайном, если бы весь бой отсидел в командном пункте. Он и не сидел. Сначала он ехал в машине Гёргенса, а потом они с Раашем залезли на броню к Гюнтеру, Рааш вроде как командовал, а Хайн наблюдал. Я подвозил Лихта. У него с собой оказалась небольшая фляжка; я сначала подумал, что со спиртным, но нет — во фляге оказался кофе. Холодный, но крепкий и настоящий. Рихард сообщил мне по секрету, что в ближайшее время планируются общевойсковые учения в районе Амьена. Там будут боевые снаряды и залейся бензина. Я всё пытался поточнее узнать дату, но Рихард только отшучивался. Пообещал разбудить меня за пять минут до объявления тревоги. Опять придется спать вполглаза.

В замок мы вернулись только к двум часам дня. С топливом выкрутились, перекресток взяли, все показали себя молодцами и продемонстрировали слаженную работу в рамках взвода и роты. Обедать, разумеется, никакого не было, сухпай трогать было не разрешено. Где-то уже в двенадцать у меня начал ныть желудок, в котором не было ничего, кроме пары глотков кофе. Завтрак-то мы тоже пропустили. Но

зато на обратном пути Рихард вполне недвусмысленно намекнул, что раз мы такие молодцы, то не худо бы это дело и отметить! Но сначала было общее построение, потом собрание командиров экипажей, потом командиров экипажей отпустили и они наконец-то пошли есть, остались только офицеры — и тут-то Хайн нам и сообщил, что древние греки считали, что мир покоится на трех китах: авиации, флоте и сухопутных войсках. Не знаю, как там насчет авиации у древних греков, но в целом мысль правильная.

- Два кита стухли, остался последний. Сухопутные войска. То есть мы.

Я не ожидал, что он это скажет.

Хайн никогда не врал нам про близость окончательной победы, превосходство немецкого оружия, серию молниеносных ударов, про гений фюрера, который спасет Германию, и про многие другие вещи, которые говорили командиры, когда было нечего сказать по существу. Он всегда называл вещи своими именами, что в немецкой армии обычно приравнивается к пораженчеству. Сначала я считал, что он просто честнее других, но потом понял, что в данном случае честность неотделима от тактической прозорливости. Он никогда не скрывал от нас истинного положения дел, каким бы тяжелым оно ни было. Поэтому мы знали, что нас ждет, и худо-бедно всегда выкручивались. С потерями, но выкарабкивались. Наш старый дивизион штургов никогда не терял, в отличие от других подразделений дивизии, по две трети или по три четверти личного состава.

Он и сейчас не стал рассказывать сказки про превосходство на море и в воздухе, которое мы давно уже утратили. Но я не ожидал от него этого сухопутного «мы». Из него сухопутчик — как из меня балерина. Он же всегда был другим, он же всегда был флотским, вымоченным в соленой воде. Мы сначала долго не понимали, в чём дело, что за «справа по курсу», «три румба влево» и «лагом к волне». Потом долго привыкали к его непробиваемому спокойствию, даже к некоторой медлительности, к его тотальному пренебрежению страхом. Удивлялись умению определять скорость ветра на глаз, ждать и угадывать момент, удивлялись умению мыслить огромными расстояниями, периодами и циклами. То ли море их такими делает, то ли в море уходят те, кто уже такой с рождения, — не могу сказать, но не только бинокль у него был морской, мозги у него были морские, и это несмыслица. Наверное, понять смысл, который стоял за его словами, могли только мы с Гюнтером и Бальбо, помнившие еще того хауптштурмфюрера, который получил батарею в нашем дивизионе самоходных артиллерийских орудий. Война выжгла и его, осушила Атлантику в его глазах, оставив только серый пепел.

- Надеяться нам не на кого, кроме себя самих. Если мы падём, мир рухнет. Вопросы есть? Нет. Все свободны, кроме оберштурмфюрера Рааша.

От всех этих совещаний аппетит пропал совершенно. Я заглотнул нечто напоминавшее рагу, поднялся к себе, повалился на кровать, не снимая ботинок, и тут же вырубился.

Ханно Рааш, командир 3-й роты

Еще трех недель нет, как я командую ротой. Восемнадцать, к чертовой матери дней, — сегодня как раз восемнадцатый, и он не заладился с самого начала. Проснулся я от визга сирены. Чэ Пэ! Чертов понедельник! Что бы ни случилось, кто в ответе? Командир в ответе. Кто командир? Я командир.

Весь день — ни поест, ни присест, устал как собака. Сидение в танке — не в счет, от него устаешь как от десятикилометровой пробежки. Какой из меня к чертям танкист? Мне только ротой маляров командовать! Я посмотрел на свои руки и брюки. Перемазался весь с ног до ушей.

Когда я закончил возиться с краской, было уже шесть. Теперь мне надо срочно выпить! Один глоток, ну максимум два, чтобы собраться с мыслями. Вообще пить надо бросать, но сейчас — срочно пару глотков! Я думал, в самом лучшем случае Хайн потребует, чтобы я писал заявление о переводе в другое подразделение. Это в самом-самом лучшем случае. Чем я там командую? Танковой ротой? Ага, в мечтах. Восемнадцать дней покомандовал — и адъё, полный гуд бай, арривидерчи, буэнос айрес. Нет,

ни о чём думать не могу, пока не выпью. Мне надо. Для нервов. Пока красил, руки тряслись. Брюки заляпал и китель. Сейчас переодеюсь и...

У двери своей комнаты я столкнулся со своим ординарцем, Два Пэ — Пауль Плайтген; он куда-то волок прикроватную тумбу, на которой были сложены мое белье, одежда, бумажник, письменный прибор, книги и прочие мои же вещи. Я немедленно потребовал его к ответу. Он сказал, что согласно распоряжениям ордонанц-офицера в моей комнате будет спать командир батальона, а я расположусь в крайней комнате за туалетом, в чулане, то есть.

Нет жизни в ваффен-СС от этих очкариков!

- А командир там? — спросил я Два Пэ, мотнув головой в сторону бывшей своей комнаты.

Два Пэ кивнул и потащил дальше мои вещи. Я мысленно застонал и поплелся за ним. Что ж ты наделал, Бальбо, подлец ты такой очкастый! Дело же не в том, что мне жалко прекрасную светлую комнату с просторными шкафами и двуспальной кроватью для командира батальона. Конечно, не жалко, особенно в свете последних событий, мне и целого замка не жалко — было бы королевство, отвалил бы половину! Так что дело не в том, что ближайшую ночь мне придется спать на покосившейся раскладушке с продавленным матрасом, дело намного тоньше и деликатнее. Дело не в самой кровати, разумеется, а в том, что под кроватью, под моей прежней кроватью, один из квадратов паркета снимается, а под ним выдолблено углубление. Не знаю, кто его и когда сделал, но оно как раз подходит под полуторалитровую бутылку «Хеннесси», которая, собственно, сейчас там и лежит. К ней-то я и стремился душой и помыслами, когда был подрезан коварным Два Пэ, выполнявшим черную волю Бэ Бэ — Бельбе, по прозвищу Balbo¹. Брат у него, кстати, Бельбе, по прозвищу Bűding². Бальбо перевели в штаб в тот же день, когда меня назначили ротным, а Бюдинг, которого вообще-то зовут Аугустом, остался в роте.

Сменив брюки и поручив китель заботам ординарца... какой чёрт меня вообще дернул красить в форме?! Наверно, это был чёрт неожиданной радости, мелкий такой бес, который шепчет на ухо: «ты будешь жить», — и человек начинает вытворять невообразимые глупости. Например, красить стены подвала, не сняв китель. Приведя себя в условный порядок, я отправился на выполнение сложного маневра, от которого зависела теперь моя жизнь. Я, может, не бог танков, но по части тактики тоже что-то слышал краем уха. Направился я прямо к Лихту, который — по сведениям, полученным от Два Пэ, — расквартировался вместе с Бальбо на третьем этаже.

Лихт расчесывался перед зеркалом. Красавец-адъютант, мать его тра-та-та, улыбка от уха до уха, глаза блестят, печень здоровая. Я тут погибаю в неравном бою с жизненными обстоятельствами, а он причёску поправляет!

Я сразу перешел к делу, без предисловий:

- Лихт, дай мне глотнуть из твоей фляги, я видел, вы с Амзелем прикладывались.

Но и тут меня постигла неудача. Пэ Пэ — полный провал. Во фляге оказался кофе, точнее — остатки кофейного запаха. Что за день сегодня такой? Лихт тут же начал расспрашивать, в чём дело. Видимо, он действительно ничего не знал. Всё должен был знать Бальбо, который оставался в замке, пока мы были на учениях. Я стрельнул у Лихта сигаретку, мои-то остались в кителе, естественно, сел на его кровать и рассказал ему всё. Про бутылку пока что. Остальное пообещал поведать потом, когда он вернется с триумфом, мы выпьем, и я приду в себя.

- А почему ты сам не пойдешь?

- Ну, потому что ты ростом выше, станом тоньше, голосом звонче, короче... — в меня что-то полетело, кажется, какая-то тетрадка, — короче, потому что ты адъютант. Ты что-нибудь придумаешь, я в тебя верю. Вы, штабные, вечно что-то придумываете...

¹ Заика (нем.)

² Чистюля (нем.)

В меня опять что-то полетело и, причём, стукнуло в висок. Хорошо, хоть не в глаз!

- ... а представь, если я приду... Бе-ме, — мне нужен предлог.

- А мне не нужен? Я пойду, постучусь и скажу: штурмбаннфюрер фон Вестернхаген, разрешите доложить, у командира 3-й роты алкоголизм, а тут где-то валяется его бутылка, без которой он...

- Да нет же! Так говорить не надо! Она не валяется, объясняю еще раз, она лежит в тайнике под кроватью. Под. Кроватью. Повторите, как поняли.

- Вас понял. Под. Кроватью. Куда прикажете деть командира батальона на время проведения операции?

- Проведите отвлекающий маневр Можно, например, включить пожарную сирену...

- Старо. Уже было. Еще варианты?

- Боевое задание есть, вариантов нет. Выполняйте.

Мы расхохотались. На самом деле мне уже полегчало и без всякого «Хеннесси». То ли капля кофе, которую мне удалось слизать, то ли трехминутная болтовня с Лихтом подействовала, но настроение у меня улучшилось, дышать стало легче, жизнь ощутимо продолжалась. Однако дело из разряда потребностей перешло в разряд принципов. Теперь стащить бутылку из-под носа командира стало для нас увлекательной игрой, которую надо было осуществить именно во имя того самого принципа, который зовется «тигры легких путей не ищут». Теперь мне уже хотелось не алкоголя, а адреналина. Я буду переживать за Лихта, пока он будет осуществлять задуманное.

- И с какой стати я буду тебе таскать твою бутылку?

- Почему мою? Половина бутылки — твоя.

Лихт нахмурился, пытаюсь просчитать, стоит ли игра свеч.

- Я один не справлюсь. Запрашиваю поддержку артиллерии.

Это кого же? Бельбе? Он же из бывших артиллеристов, из бывшего дивизиона самоходок, часть которого Хайн перетаскил в новый тяжелый танковый батальон.

- Очкарика? Знаешь, у меня предрассудки, связанные с людьми в очках...

- Можно Амзеля.

- А он тоже артиллерист? Да, точно я забыл... Короче, подключай кого хочешь, только смотри, чтобы не очень много народу. В бутылке всего полтора литра, к тому же она уже початая. На крупномасштабную операцию не хватит.

Честно говоря, я стал что-то сильно сомневаться в успехе. Пока он там будет ходить вокруг да около двери в комнату командира, я решил прилечь, еще покурить и подумать.

Как только что мне подсказал Лихт, Амзель тоже был из старого дивизиона самоходных артиллерийских орудий — значит, Гюнтера он знал давно и хорошо. Ну и свинью же они мне подложили — жирную и волосатую! Не нарочно, конечно, и не специально. Но нервов мне эта история стоила порядочно.

Дело было на днях. Мы выпивали, было весело, приятная атмосфера. Градус повышался, компания становилась всё уже, анекдоты — всё острее, злее и с возрастающим политическим уклоном. Гюнтер стал рисовать на листках бумаги иллюстрации к этим анекдотам; там были и штандартен-, и группен-, и разные прочие фюреры. Мы потом из них самокрутки делали, это я прекрасно помню. Мне еще было жаль, что такая красота пропадает, — он хорошо рисует. Дело было ночью, дело было в подвале. Мне кажется, что на финальном этапе не было никого, кроме нас троих, хотя я не уверен, когда именно ушел Гёргенс. Мы были пьяны — это само собой, но было еще что-то... Гюнтера в какой-то момент словно прорвало. Он схватил малярную кисть, банку с краской, которая осталась после покраски комнат, и с ненавистью принялся рисовать свои карикатуры прямо на стене. Амзель ему помогал и во всем поддерживал. Всё-таки Гюнтер очень талантлив. Я никогда не думал, что малярной кистью можно рисовать с таким вдохновением и с таким остервенением. Я старался ни в чём от него не отставать. Я

тоже неплохо калякаю. Они оба старше меня, я обоих ценю, уважаю, всегда прислушиваюсь к их мнению, Гюнтер — кавалер Рыцарского Креста. Это мое отношение, чрезмерное доверие, сыграло со мной злую шутку. Они втравили меня в свою игру. Гюнтер увлек меня своими трехговыми уродцами, гориллами, гидрами, зловещими лицами с волчьим оскалом; Амзель делал вид, что это всё нормально — все офицеры СС рисуют сослуживцев в виде летучих мышей, райхсминистров — в виде крыс, а райхсмаршала авиации — в виде жабы. Все так делают, это в порядке вещей. Алкоголь и эта парочка совершенно свели меня с ума. Я тоже принялся художествовать, образы у меня были не такие сильные, как у Гюнтера, и мне хотелось придумать «гвоздь» — что-то из ряда вон, чтобы переплюнуть его. И я нарисовал. Землеройку в круглых очочках с райхсфюрерскими петлицами. А сверху я еще и фуражку приделал.

Уетерштурмфюреры Гюнтер и Амзельгрубер застыли, открыв рты. Это было свежо и не затерто. И главное — никакой двусмысленности. Вышло очень похоже.

Поэтому когда Хайн сегодня сказал:

- Ну, Йоханнес... — меня никто никогда в жизни не называл Йоханнес, и я сразу понял, что дело дрянь, — показывайте ваши достопримечательности, — мне показалось, что земля уходит из-под ног, и я раскачиваюсь в петле.

Пока мы спускались в подвал, я как будто поднимался на эшафот. Отнекиваться, вилять, юлить — бесполезно: было видно, что Хайн уже всё знает. Пока мы сегодня колесили по полям, унтерштурмфюрер Бельбе был в замке более шести часов, у него была возможность рассмотреть все художества в деталях.

На следующий день после той пьянки у меня дико болела голова — я почти ничего не помнил и весь день просто лежал пластом. Потом, спустившись в подвал, я ужаснулся, подумал, что надо всё закрасить, но солдат звать не хотелось, краски под рукой не было, и я просто заставил, что смог, ящиками с провизией и запер подвал на ключ. Поднимать эту тему с Амзелем и Гюнтером было неудобно: они вообще не вспоминали наши художества, как будто это было что-то такое же незначительное, как разбитая чашка. Кто будет поднимать суматоху из-за таких пустяков? Я поймал себя на мысли, что завишу от их мнения. Но всё-таки кошки на душе скребли, не хотелось, чтобы посторонние увидели рисунки и что-то неправильно поняли. Я решил заняться этим сам. Пока я решал и думал, в гости нагрянул Хайн.

Когда мы спустились вдвоем в подвал, меня начало знобить. Ящики были отодвинуты, как я и ожидал. Хайн внимательно рассматривал мое творчество. Я сразу решил говорить «мое» — всё делал сам, никто не помогал, не подсказывал, идей не подавал. Присвою все лавры себе. Я, может, по танковой части не Бог весть какой ас, но я командир роты и своих подчиненных не сдам. Кто бы что ни сделал, вся ответственность на мне. Хайн, видимо, считал также.

Дальше основных вариантов было два. Либо он, во избежание огласки, просто потребует, чтобы я выметался из батальона, — и тогда у меня еще есть надежда помереть офицером где-нибудь в пехоте, но это была бы просто сказка, просто невероятно счастливый конец, который в жизни случается крайне редко. Либо он напишет рапорт и пустит дело по инстанциям. Тогда меня исключат из партии и СС, и счастливым концом будет Ханно Рааш, рядовой штрафбата. Ну а если конец будет несчастливым, меня повесят. Диверсия, подрывная деятельность, измена присяге. Опять же и тут всё зависит от Хайна, от того, как он сформулирует свое донесение. Первые слова самые важные. Либо я буду неосознательным пьянчужкой, не соответствующим занимаемой должности, либо врагом Германского Райха, агентом иностранной пропаганды.

Даже сейчас, когда я уже лежал на кровати Рихарда в относительной безопасности, меня снова прошиб холодный пот. Там, в подвале, я стоял ни живой ни мертвый. Что тогда чувствовал Хайн, каково это — вот так держать жизнь другого человека в своих руках? Я чувствовал себя покойником. Чудовища

на стенах, казалось, издевались надо мной, корча рожи и хихикая. Если бы он сказал: «Стреляйтесь, Рааш», я бы пустил пулю себе в лоб в ту же секунду. Но он сказал:

- Мне нравится. Приятный цвет. Покрасьте еще раз, чтобы белых пятен не было.

Цвет? Обыкновенный защитный зеленый... И это всё, что он собирался мне сказать? Приятный цвет? А как же измена, позор, поступок, не совместимый с офицерской честью, германская кровь, политические солдаты фюрера?! Но он ничего больше говорить не собирался, поскольку развернулся и пошел к выходу. Больше всего в тот момент мне хотелось догнать его и обнять. Это не передать словами! Никакие «спасибо» не выразят благодарность человека, который только что избежал отправки на тот свет. Я помнил тех шестерых ребят, которых расстреляли за то, что они украли кусок ветчины и, кажется, курицу. Мародерство, расстрел. Им было по восемнадцать. Шестеро. Неужели нельзя было иначе? Это ведь люди, а не картонные солдатики, которых можно смять одной рукой. Да, армия и дисциплина — это одно и то же, но можно ведь иначе... Те шестеро из 1-го танкового полка провинились намного меньше, чем я. Если их расстреляли за кусок ветчины с формулировкой «плохой человеческий материал», то что сделали бы со мной? Из какого я материала? Каков бы был приговор? Но, несмотря ни на что, внутренний голос говорил, что моя вина невелика. Нарисовал десяток ублюдков такими, какие они есть на самом деле! Формально — предательство, измена Родине, но в глубине души я никого не предавал и все также люблю свою Родину, за которую готов умереть в любой момент. Всё-таки, внутренний голос мне говорил, что если бы я действительно совершил какое-то преступление, что-то по-настоящему ужасное, или не я, а кто-то другой, Хайн бы не стал смотреть сквозь пальцы.

Я убрал руки за спину, сжал кулаки и вместо всего того, что кипело у меня в голове, спросил хриплым шепотом:

- ... а как вы узнали?

Хайн обернулся и посмотрел на меня с прищуром:

- Местное привидение рассказало. В старых замках всегда есть привидения.

Чертов замок! Мне он с самого начала показался довольно-таки жутким.

Потом я послал за краской, схватился за кисть и принялся уничтожать улики. Я вложил в дело два ведра краски и всю душу. Когда дело было сделано, один вопрос не давал мне покоя. Кто же всё-таки стукнул? С этим вопросом был сопряжен еще один — кто мог проникнуть в подвал, если ключ только у меня и у месье-бонасье, местного сторожа, который еще заодно у нас на кухне подвизается. Я не допускал, что донес Гюнтер или Амзель, — это был бы верх абсурда! Я выкурил всю пачку сигарет, но так и не пришел ни к какому выводу. Не француз же в конце концов! Ему-то какая с этого радость? Тем более вряд ли он знает, где наш штаб и как связаться с командиром. Если что — он мог бы стукнуть прямо в гештапо. Да... я опять похолодел. Вот это было бы совсем не весело. Все-таки я бестолочь, и Гюнтер тоже. И сыщик из меня аховый — не знаю даже, кого подозревать. Но не привидение же, в самом-то деле!

Я встал и сделал пару шагов по комнатке, где стояли две кровати, комод и, собственно, больше ничего. Вторую кровать, на которой будет спать Бельбе, приволокли только сегодня. Я выглянул в окно. Воздух посвежел, и поднялся ветер. Гроза будет. Лихт не возвращался, и я начал сомневаться в его успехе. Надо пойти найти его. Я спустился по центральной лестнице с третьего этажа на второй и услышал голоса, доносившиеся снизу. Я слегка перегнулся через перила, чтобы посмотреть, кто там. И увидел, что у подножия лестницы стоят двое — француз и человек с нашивкой тайной полиции.

Рихард Лихт, адъютант батальона

В три утра Хайн с Мишелем вернулись из Гурне-ан-Брэ, где находился штаб 1-го танкового полка. Слава Богу, мы к полку никакого отношения не имеем, мы — отдельный батальон корпусного подчинения. Хайн просто ездил проведать старых друзей. Бывают такие друзья, которые постоянно норовят отравить тебе существование то тем, то иным образом. И врагами же их не назовешь — в одном окопе сидим. Хотя в последнее время система окопов становится всё более и более изощренной, уже не понятно, где свои, а где враги, оборонительные сооружения ползут в самых неожиданных направлениях, и пулеметные гнезда часто оказываются за спиной. Старые друзья могут запросто сдать тебя фельджандармерии, военному трибуналу или гештапо. Я отказался от приглашения. По причине чрезвычайной занятости. Приближалось десятое число, на которое были назначены общепатальонные учения, и я каждый день колесил по округу Бове между расположениями рот. Тогда для прикрытия флангов Хайн взял Мишеля. Пробыли они там больше сорока восьми часов и вернулись только сегодня ночью. Мишель тут же отправился спать, а Хайн, посмотрев на меня несмыкающимися глазами цвета позднего августа, сказал:

- В полпятого мы выезжаем в Сонжон. Разбудите Бельбе, он едет с нами.

Он весь пропах дешевыми сигаретами и плохими вестями. Череп на фуражке неодобрительно блеснул в мою сторону, предупреждая, чтобы я не вмешивался в мысли командира.

По прибытии мы оставили машину у ворот парка, пешком дошли до замка и долго тарабанили в дверь, пока нам не открыл заспанный дежурный.

- Ну, чё вам надо-то? — поприветствовал он командира батальона.

У Бельбе даже стёкла очков запотели от возмущения. Во 2-й роте подобная ситуация была невозможна, в 1-й — полностью исключена. 3-я на особом счету во всех смыслах слова.

- Вопросы буду задавать я, — предельно вежливо напомнил Хайн. — Фамилия, звание, взвод.

- Бе... Бенкхофф, — пролепетал резко пришедший в себя дежурный, — рядовой медицинского взвода.

Всё ясно. Танкисты заставляли медиков, расквартированных вместе с ними, отдуваться на ночных дежурствах.

- СС шютце Бенкхофф — сон на посту, неуставное обращение. Взыскание будет назначено хауптштурмфюрером Эрвингером.

Бальбо записал и подмигнул мне. Доктор назначит. Мы не сомневались.

- Объявите тревогу. Всех офицеров соберите... что у вас там?

- Столовая, — ответил я, поскольку уже бывал в замке.

Массивная двустворчатая дверь справа от лестницы вела в длинное и широкое помещение, заставленное двумя рядами самодельных столов.

- Офицеров, включая командира медицинского взвода, пригласите в столовую.

Я уже предвкушал, что сейчас начнется, когда заметил на стене в холле звонок противопожарной сигнализации. Можно было бы и его включить — ради усиления неразберихи, паники и деморализации личного состава. То есть для приближения учебных условий к боевым. Противопожарная сирена могла бы заменить противовоздушную.

Первыми в холл посыпались механики-водители. Кто в чём был, в том и побежал — мало кому удалось надеть и брюки, и ботинки, в основном присутствовало или то, или другое. Попадание в кители было в основном успешным, но что там под кителями, лучше было не спрашивать. В общем-то, их первейшая задача — обеспечить движение машин, а не наряжаться. Для пяти часов утра в целом неплохо. Мехводы — народ собранный и ответственный, отдали офицерам честь и побежали заводить двигатели. А вот полезшие из каких-то щелей медики сильно напоминали стадо гражданских баранов, за исключением доктора Эрвингера, который выглядел и держался безупречно. Как всегда безупречно. В следующий раз потребую, чтобы его будили в моем присутствии. Хочу посмотреть, как доктор

откидывает одеяло, а его кожа в тот же миг обрастает формой с нашивками и наградами. Слева, где сердце, набухает пульсирующий ком, из которого прорывается Железный Крест, а справа колючим угловатым цветком распускается Германский Крест в золоте. Боевой у нас доктор, и награды у него соответствующие. Он был первым, кому Хайн сообщил о цели нашего визита. Ротные учения, плюс мед взвод. Если «тигры» перегреются, медики поставят им компрессы.

Через несколько минут подтянулись офицеры.

- Ты что — не мог позвонить, предупредить? — прошипел мне на ухо Рааш.

- Я отправил тебе открытку, — ответил я.

Учения откатали вкривь и вкось. Сразу было видно, что те, кто прошел Восточный фронт, выберутся из любой передрыги хоть пешком, новички сядут в лужу при первом же затруднении. Хайн хмурился, но ничего не говорил. Может, действительно, назначение Рааша было, мягко говоря, преждевременным? Лично мне будет жалко, если его отстранят. Всё равно тон в роте задают взводные — Амзель и Гюнтер, Рааш играет не большей роли, чем до него Шваймер. Гёргенс играет какую-то мне не до конца понятную роль, но явно не роль боевого лидера. Вообще, темная лошадка этот Гёргенс из Эскортного батальона фюрера. Видимо, на фронт уже гонят всех подряд — всех, кто на ногах стоит. Тугие времена. СД тоже хорошо почистили. Правильно Хайн сегодня заметил: война проиграна, да здравствует война! Воевать надо учиться заново — новые тактики, новые методы. Целый час он сегодня объяснял командирам экипажей особенности боев в условиях бокажа. Не будет больше ни танковых клещей, ни танковых кулаков. По сути, мы в обороне. Маскировка и упор на пехоту. Но в том или ином виде война никогда не закончится. Я не представляю себе, что бы я делал, если бы не было войны. Лежал бы целыми днями на диване с книжкой? Скучота. Мы женаты на этой войне. Это тоже слова Хайна. Хотя если бы у меня была такая жена, как у него...

Она приезжала в апреле в Монс, а Хайн, как назло, был в это время в штабе корпуса; она прождала его больше суток, но потом уехала. Мы с Доллингером умоляли ее остаться — не столько ради Хайна, сколько из эгоистических побуждений. Нам давно не попадались такие интересные собеседники. Еще до ее приезда я спросил Бельбе, какая она, и тот сказал: «Она хорошая». Бельбе не соврал. В брюках и черном свитере она совершенно не походила на жену высокопоставленного начальника. Она не пыталась нам понравиться или составить о нас какое-либо мнение. Мы просто сидели и говорили обо всем подряд. Она рассказывала про Аргентину, в которой выросла, про Чакскую войну, про знакомого своего отца — русского генерала, который жил в Парагвайском лесу и учил индейцев читать. И про то, почему у фламинго красные ноги. Она словно принесла с собой другой мир, а теперь забирала его обратно. Она должна была ехать, чтобы в понедельник, в семь выйти на дежурство. Тут уж нечего возразить — долг есть долг. Оказалось, что этнограф и фольклорист работает в детском отделении Шарите в Берлине. Мы с Доллингером провожали ее на поезд. Перед тем как пройти в вагон она задержалась в тамбуре, наклонилась ко мне и сказала тихо: «Есть разные звери в Лесу, Рихард». У меня поползли мурашки по спине. «Есть аллигатор, он жаден и жесток, обезьяна — обольстительна и лжива, шакал — коварен и труслив. Самые опасные — змеи, запомни, Рихард, — змеи». Она скрылась из виду. Я стоял и не мог пошевелиться. Ее голос продолжал звучать у меня в голове. «Они хитры и изворотливы, яд их смертелен. Но нет в Лесу зверя сильнее ягуара...» Она снова мелькнула в окне вагона. Губы ее шевелились, Доллингер ей что-то ответил, но я продолжал слышать ее голос, который говорил совсем другое: «... Он бьется со змеей и всегда побеждает. Потому что благороден и справедлив». Поезд с шипением тронулся и пополз на восток. На обратном пути в расположение штаба я, видимо, был немного не в себе, потому что Доллингер спросил, не влюбился ли я. Очевидно, он не слышал то, что слышал я, иначе бы не стал задавать глупые вопросы про «влюбился».

После общего совещания Хайн оставил Рааша для детального разбора полетов. Бальбо успел мне намекнуть на какие-то рисованные сюжеты в подвале, в которых фигурировали большие шишки, но из

этого Хайн не будет делать историю. Скорее прополощет мозги по поводу уровня подготовки и боеготовности. Когда начало вечереть, я пошел посмотреть комнату, в которой нам с Бальбо предстояло провести ночь. Бальбо уверял, что выбирать было не из чего, поэтому спасибо, что не на улице. Спать мы будем на третьем этаже с медиками, хотя вряд ли кто-то сегодня уснет. Мы же знали, куда мы едем. У нас в машине ящик «Шато де Флёри». Специально для командира 3-й роты с приветом от оберштурмфюрера Феллера, нашего интенданта. Рааш пока что ничего не знает. Сюрприз было решено преподнести после ужина. Но у Рааша тоже обнаружили скрытые резервы в размере бутылки коньяка, из-за которой он сильно переживал, потому что бутылка была спрятана в его бывшей спальне, которая теперь перешла в распоряжение Хайна.

Я отправился вызволять пленницу, хотя на особый успех не рассчитывал. Но удача мне улыбнулась, что она обычно делает довольно редко. Около двери в комнату командира стоял небольшой лысоватый человек с охапкой постельного белья. Не иначе как смотритель замка. Хитрый, настороженный взгляд. Стараются быть незаметным и незаменимым, пытается услужить и заработать. Не удивлюсь, если он уже не одну купюру выудил из кармана Рааша. Если он не дурак, то ворует у нас бензин, а он, судя по всему, не дурак.

- Ne fermez pas la porte³, — крикнул я ему, собрав остатки давно забытого французского в подобие осмысленной фразы. Он как раз поворачивал ключ в замке. Как бы ему объяснить, что я адъютант и имею право совать нос в дела командира на законных основаниях? Хайн вообще никогда не запирает дверь. Все военные секреты у него в голове, папка с текучкой — всегда у меня. Адъютантская папочка. Досталась мне в наследство от Доллингера, он был адъютантом до меня и устроил торжественную церемонию передачи папки как атрибута полномочий. Сейчас ее охраняет Рааш, и я за нее спокоен. Хотя бы это ему можно доверить.

Француз как-то странно посмотрел на меня — скосив глаза, но не поворачивая головы.

- Я оставляю вам клюш, господинь адъютанть, — ответил он по-немецки, открыл замок и распахнул передо мной дверь. Слегка поклонившись, он сделал шаг назад, а затем развернулся и шмыгнул вниз по лестнице. Скользкий тип. Я смотрел ему вслед, вместо того чтобы сразу же приступить к действиям. Наконец, придя в себя, я шагнул в комнату. И сразу же расчихался. Ну и накурено! Не смотря на открытое окно, запах еще не выветрился. Хайн не просто «много курит», у него постоянно в пальцах сигарета. Он может так выдохнуть дым, словно что-то сказал. Кроме запаха табака, ничто больше не выдавало того, что Хайн был здесь. Безликая, просторная комната. Раньше, наверно, была обставлена на широкую ногу. На потолке виднелись остатки осыпавшейся лепнины, на полу — истертый мозаичный паркет. В простенке между окнами стояла высокая кровать, вероятно, когда-то имевшая балдахин. В одном стиле с кроватью были выполнены стенные шкафы из светлого лакированного дерева. Стены украшали всевозможные пятна и разводы, кое-где виднелись попытки ремонта, из-под которых пробивалась многовековая история замка. Перекособоченные настенные часы довершали унылый интерьер.

С бутылкой всё вышло намного проще, чем я себе представлял. Через минуту дело будет сделано. Я подошел к кровати, откинул свисавшее покрывало и заглянул под нее. Зазор между полом и днищем приличный — человек средней комплекции поместится без проблем, а моя комплекция не дотягивает до средней добрый десяток килограммов. Я залез под кровать, нащупал тот самый квадрат, о котором говорил Ханно, подцепил угол пальцем, открыл и вытащил бутылку. К бедняжке давно никто не прикладывался, недели две точно — она уже успела покрыться тонким слоем пыли. Всё. Дело было сделано. Я вернул кусок паркета на место и собирался уже вылезать, когда услышал, как в комнату кто-то вошел и повернул ключ в замке. Меня пробрала дрожь. Какой же я идиот! Забыл вытащить ключ! Что будет дальше, я не имел ни малейшего понятия. К тому же мне стало трудно дышать. Из-за дыма, пыли

³ - Не закрывайте дверь (фр.).

или сквозняка — не знаю, но у меня начали слезиться глаза и заложило нос. Буквально через пару секунд я не выдержал и чихнул.

Тут же раздался звук взводимого курка.

- Это я, — сказал я тихо и, может быть, даже жалобно. Очень уж мне не хотелось быть пристреленным именно в этот момент кем-то из сослуживцев.

Через мгновение я увидел дуло «вальтера» и перекошенное лицо Рааша.

- Фу, — прошептал он, выпрямляясь. — Как ты меня напугал.

Да, он явно был не в лучшей форме. Я открыл было рот, чтобы спросить, но он приложил палец к губам. Жестами и кривлянием он пытался мне что-то объяснить. Кто-то идет по коридору. На цыпочках Ханно подошел к двери и прижался к ней, прислушиваясь. Меня охватила тихая паника. Либо с ним что-то не так, а он продолжал держать в руке пистолет, либо там за дверью действительно что-то... что-то страшное. Ханно показал на свой левый рукав. У того, который там, — у него что-то с рукой? Больная рука? Что бы это могло значить? Я постучал пальцем по лбу, намекая, что у него не все дома, и в этот момент дверь задергалась, после чего раздался стук. Мы замерли. Кто бы там ни был, ситуация складывалась очень не красивая. Я спрятал бутылку за спину и кивнул Раашу, чтобы тот открывал. Иного выхода у нас не было. В юнкерской школе нас учили, что офицер — это человек, для которого безвыходных ситуаций не существует. Конечно, преподавать всякую дребедень в тылу — отличный выход! Конечно, выход всегда есть, только иногда он такой, что потом уже обратный ход дать невозможно. По-видимому, сейчас был как раз один из тех случаев. Двое младших офицеров проникли без спроса в комнату командира, где заперлись с бутылкой и кроватью. Я не знаю, какая это статья, возможно, их тут сразу несколько.

Когда Ханно открыл дверь, мы увидели еще одного оберштурмфюрера — среднего роста и самой обыкновенной наружности, вроде бы ничем не примечательного, кроме того факта, что на нём была форма Главного Управления Имперской Безопасности с пустой правой петлицей и нашивкой СД на левом рукаве. И тут до меня дошло, что именно имел в виду Рааш и почему его лицо было перекошено. К нам в батальон пожаловал сотрудник гештапо. Поскольку его явно никто сюда не звал, значит, — он прибыл в силу должностных обязанностей. Ситуация из разряда «некрасивых» переместилась в разряд «совсем дрянных».

- Ах, вот вы где, — промурлыкал незнакомец тихо и дружелюбно, хотя совершенно неискренне. — Ой, — он шутливо приподнял руки вверх, — только, Бога ради, не стреляйте!

Рааш убрал пистолет в кобуру. К моему сожалению. С трупом намного меньше хлопот, чем с живым офицером безопасности.

Мы стояли и молча смотрели друг на друга. Пауза затягивалась, но незнакомца это совершенно не смущало, он внимательно нас изучал, словно уже составлял в голове протокол.

- Хайль Хитлер! — вдруг воскликнул Рааш, резко выбросив руку в уставном приветствии и едва не щелкнув незнакомца по носу. Я поспешил последовать его примеру, но так как в правой руке я за спиной держал бутылку, то первым моим движением было поднять левую руку. Спohватившись, я всё-таки вскинул правую, уронив при этом бутылку. Вслух я ничего не сказал, потому что на языке вертелось только одно: «Три литра!» Так приветствовали друг друга солдаты «Шарлеманя». Французы, одним словом. В бутылке трех литров не было, но всё равно жалко. Она разбилась с приглушенным звоном, и коньяк разлился по полу, наполняя комнату терпким алкогольным ароматом. Дальше хуже быть не могло, по всем законам вероятности — дальше могло быть только лучше. Но я ошибался, а закон вероятности был неправ. Человеческая глупость не знает предела, как и бездны космоса.

- Как жаль, — сказал незнакомец, улыбаясь. — Примите мои соболезнования, оберштурмфюрер... — и он вопросительно посмотрел на меня, как будто я ему уже представился, а он запомнил фамилию.

- Лихт, — ответил я.

- Замечательно, — кивнул он. — Значит, вы адъютант батальона?

- Откуда у вас такие сведения? — спросил я удивленно.

- Ну, право же, оберштурмфюрер Лихт, это не такая уж военная тайна. Мне сказал мсье Делиба, когда я поднимался вверх, что в комнате командира батальона я найду адъютанта, мсье Лишта. Так он выразился. Вот видите — я вас нашел. А теперь, не будете ли вы столь любезны, — он обратился к Раашу, — не подскажите, где я могу найти самого командира?

И тут Рааш выдал экспромтом, без подготовки:

- Я командир батальона, и я вас слушаю.

Если бы можно было провалиться сквозь землю, я бы сделал это незамедлительно. Интересно, чисто умозрительно, если бы гештаповец спросил про генерала Дитриха, Рааш бы и тогда сказал «это я»? Есть ли лимит неисчерпаемым талантам командира 3-й роты?

Самым потрясающим было то, что офицер безопасности ничуть не смутился. Может быть, их этому специально учат? И глазом не моргнув, всё так же улыбаясь, он сказал:

- Тогда вы в курсе, кто я и по какому делу.

Если бывает гробовая тишина, то это была она. Собственно, Рааш уже был в гробу одной ногой. Еще пара реплик — и он покойник.

- Я бы хотел приступить немедленно, если вы не возражаете.

Возражать Раашу было нечего. Финиш. Спасти нас могло только чудо. Но чудо сегодня слегка запаздывало.

Вольфганг Эрвингер, батальонный врач

Я сидел у себя в комнате и заполнял на печатной машинке бланки. Наименования надо было в строго алфавитном порядке втиснуть в среднюю колонку. Я уже дошел до «пинцеты анатомические — 100 шт», когда лента совсем выдохлась и бледные буквы стали едва читаемыми. Если сейчас поменять ленту, то новая будет мазать, и слова не будут помещаться в колонку. Я вытащил лист и отложил его в сторону. Затем я прошел в смежное помещение и сказал:

- Бенкхофф, оставьте на время автоклав, возьмите печатную машинку, поменяйте ленту и перепечатайте из второго тома Краузе страницы с шестидесятой по шестьдесят вторую включительно. Потом можете продолжать.

Я делаю это не из желания досадить бедняге, а потому, что у нас нет гауптвахты, двое суток которой ему причитаются. В подвал я не могу его поместить — там он отравится сохнувшей краской. Так что в качестве дисциплинарного взыскания проштрафившийся санитар будет двое суток терпеть мое занудство и тиранию, стерилизовать инструменты, а также проводить инвентаризацию.

Я вернулся в свою комнату с лошадаками. Возможно, кто-то находил смешным, что меня разместили в бывшей детской, но я находил в этом определенное удовольствие. Возможно, мальчик, когда-то живший в этой комнате, тоже в детстве бинтовал медведям лапы, а потом стал хирургом. А потом началась война. Та, эта или какая-то другая. Замок был построен в начале восемнадцатого столетия. С тех пор не одно поколение мальчишек выросло в этой комнате, и не одна война отгремела по Европе.

Под мерный стук, доносившийся из соседней комнаты, я разграфил чистый лист на пять столбцов, вверху отчеркнул линию и надписал последние три столбца: тиф, паратиф, холера. Завтра начнем вакцинацию. В первых двух столбцах надо будет указать роту и дату.

Он постучал и, не дожидаясь ответа, вошел. Я хотел было встать, но он похлопал меня по плечу, чтобы я сидел.

- Вы слышали сегодня Бельбе, как он кашляет? Доктор, сделайте что-нибудь! Выслушайте его хотя бы.

- Вы же знаете ...

- Я знаю, Вольфганг, что вы не пульмонолог, но он кашляет уже два года...

- ... это хроника, скорее всего, обструктивный бронхит, — я постучал обратной стороной карандаша по столу. — С таким диагнозом ему не место в танковых войсках. Его должны отправить в тыл...

- Сейчас — это исключено. Офицера-танкиста с опытом боев из недоукомплектованного батальона... Накануне высадки. Вы же помните, что было со Шваймером.

Конечно, я помнил. Мы едва добились в штабе корпуса отстранения от должности — ввиду необходимости длительного лечения — хауптштурмфюрера Шваймера. У него был гепатит. Я написал тридцать три бумаги о необходимости немедленной госпитализации и угрозе летального исхода, прежде чем его наконец отпустили. Но у него был острый гепатит — с хроническим бронхитом ничего не выйдет. Мы, конечно, отдельный батальон, но ввиду сильного кадрового дефицита штаб корпуса с непониманием относится к длительным отпускам и отправке в резерв по состоянию здоровья. Зачем вам лечить бронхит, если вы все равно умрете от противотанкового снаряда? Будь моя воля — я бы списал половину личного состава батальона, начиная с командира, адъютанта и ордонанц-офицера.

- Просто помогите ему дышать. Кстати, что там на счет дифтерии в 1-й роте?

- Не подтвердилось.

- Ну, хоть что-то хорошее.

Он сделал несколько шагов по комнате, открыл дверь в смежную — и стук печатной машинки тут же прекратился. Послышался звук отодвигаемого стула.

- Продолжайте, — сказал Хайн и через минуту вернулся назад.

- «Общая хирургия болезней мозга»? — Он кивком указал на дверь. — Сурово вы с ним, доктор.

Я хотел было начать оправдываться, но спохватился. Он ведь шутил.

Кажется, я тоже рассмеялся. В его присутствии я забывал о том, что я механизированный медицинский чиновник. Сейчас я уже сомневаюсь в этом, но, кажется, я рассмеялся вместе с ним. Иногда мне казалось, что я напрочь утратил эту способность. Я понимал шутки, понимал, что кому-то они могут казаться смешными — например, оберштурмфюреру Раашу — но не мог выдавить из себя ничего хотя бы отдаленно напоминающее смех. Я разучился смеяться и плакать. А ведь именно это отличает нас от животных.

- Когда вам дадут дивизию, не забудьте обо мне.

- Дивизию?

- Да, упорные слухи об этом ходят среди младшего офицерского состава.

- Слухи беспочвенны, Вольфганг. Я не доживу до дивизии, ни даже до полка.

Он продолжал смеяться, а у меня в одно мгновение задеревенели мимические мышцы. Я встал. Надо было что-то сказать, но я не знал, что. Но сказать надо было хоть что-нибудь, и я сказал глупость:

- Болит голова? Она будет болеть время от времени. Это не страшно.

Он закивал: «да-да, конечно».

- Я могу вам дать анальгин с кофеином.

Он отмахнулся: мол, пустяки, не надо.

- Ну а так всё нормально?... — мне не хватало слов, — боль терпимая?

- Да-а, вполне. Всё нормально, доктор, — он улыбался совершенно обезоруживающе. Я был готов ради него вывернуться наизнанку. И он это знал.

Он протянул мне сложенный вдвое листок бумаги и сказал:

- Мне выписали новое лекарство. Оно хорошо помогает.

Я взял листок и развернул его. Корявые буквы заскакали у меня перед глазами. Единственное, что я смог прочесть, было «амидон». Вверху бланка стояла печать главного берлинского госпиталя, а внизу — подпись очередного штандартенфюрера от медицины. Я опять начал мучительный поиск слов.

- Хорошо помогает? — язык весил тонн десять, и ворочать им было невыносимо тяжело.

- Да, мне кололи его в Берлине. Когда приступы были сильные.

Я сжал рецепт с такой силой, что он бы сдох, если бы был живым.

- Хайн, это не лекарство, это метадон — это сильный наркотик. Это... это как морфий, только искусственный.

- Синтетический опиоид. Открыт в тридцать седьмом году. Я из семьи врачей, — при этом он продолжал улыбаться. — Поэтому я пришел к вам. Надеюсь, вы не отступили от должностной инструкции, и доступ к сильнодействующим препаратам есть только у вас, а не у каждого унтерарта?

Так вот почему он пришел ко мне.

- Так вот почему вы приехали в Сонжон!

- Хауптштурмфюрер Эрвингер, мне не нравится ваш тон!

Мне трудно было сформулировать, что именно не нравится мне, но попадись мне тот ублюдок, который выписал этот рецепт, я бы задушил его собственными руками.

- Мне не нравится, что вы принимаете амидон, — я долго подбирал слова. — Мне не нравится то, что вы с собой делаете, штурмбаннфюрер фон Вестернхаген.

Самым ужасным было то, что он продолжал улыбаться — спокойно и всепонимающе.

- Мне давали его в госпитале по назначению врача, у меня есть рецепт.

Наверно, он просто не понимал, о чём идет речь. Как врач, я должен был объяснить ситуацию.

- Хайн, послушайте, амидон не менее опасен, чем морфий. Он точно так же накапливается в тканях, вызывает физиологическое привыкание, при отмене начинается абстинентный синдром. Он разрушает печень, почки, ЖКТ, угнетает сердечную деятельность... Он не лечит! Он убивает!

Я довольно медлителен и неуклюж, когда дело доходит до объяснений. Я не успел ничего добавить, потому что он воскликнул:

- Да бросьте, Вольфганг, всё кончено. Мне надо как-то дотянуть хотя бы до высадки. Я же не могу сказать американцам: дорогие мои, подождите, у меня болит голова, и я плохо соображаю. А американцы в ответ: конечно, сэр, нет проблем, сэр, — как насчет завтра? Завтра? Завтра — нет, завтра никак — мой принципиальный доктор не дает мне таблеток. Давайте попробуем числа пятого.

Он опять смеялся, и я смеялся вместе с ним, хотя должен был плакать.

- Вам нужен покой, здоровый режим, диета и ... Вам надо вернуться в Берлин и пройти курс терапии.

- Это я уже прошел. Вы видели карту? Там написано: состояние удовлетворительное! Я практически здоров! Просто иногда у меня болит голова, и время от времени я пью таблетки.

- Как часто? Хайн, это очень серьезно. Самым лучшим для вас — лично для вас, я не говорю сейчас ни о ком и ни о чём другом — самым лучшим для вас будет уйти в отставку по состоянию здоровья. Чёрт с ними, с американцами, с батальоном, с Францией, чёрт с ним со всем! Вам надо...

Он не дослушал.

- В отставку? Вы шутите? Кто же будет выписывать амидон отставному майору? Нет, доктор, амидон — это только для фронта. Все лучшее — для фронта. И для райхсмаршала. В Берлине не то, что анальгетиков — там хлеба найти нельзя!

Всё-таки он ввернул про райхсмаршала! Только он был способен на эту страшную, циничную иронию, которая позволяла нам всем держаться на краю. А какая-то тварь подсадила его на амидон. Чтобы он продолжал нас вести за собой, потому что без него мы — стадо баранов, чтобы он продолжал шутить, не давая нам сорваться в пропасть, чтобы одни из нас продолжали убивать, а другие — резать и зашивать. Военная машина трещала по швам и разваливалась на ходу. Не хватало деталей. Некоторые особо важные винтики, чтобы они не выпали, сажали на амидон. Меня словно резали тупым скальпелем где-то в области сердца. Я молчал. Мне было больно.

Я молча порвал ту бумажку, которую он мне дал.

- У вас нет рецепта, а у меня нет амидона.

Я не знаю, есть ли слово, которым можно назвать то, что я сделал. Но я слишком часто и слишком близко видел людей, в венах которых текли опиаты, — как натуральные, так и синтетические.

- Когда болит — это хорошо, — сказал я, не разжимая зубы. — Мертвое — не болит!

Эту фразу любил повторять один мой преподаватель в Венском университете, имея в виду, что потеря чувствительности — признак отмирания, мертвые ткани не причиняют нам боль. Не знаю, так ли он меня понял.

Он ушел, я сел и стал машинально крутить в пальцах карандаш.

Я всегда считал, что на войне не место дружбе. Мы все выполняем свой долг. И выполнять его, например отнимать ноги лейтенанту А. или докладывать о сифилисе у обер-фельдфебеля Б. мне намного легче, если А. и Б. не называют меня своим другом. С другой стороны, если А. и Б. погибнут, что на войне вполне вероятно — на то она и война — я не буду испытывать сильного душевного страдания, которое опять-таки могло бы отвлечь меня от исполнения долга. Мне казалось, что все разумные люди придерживаются схожего с моим мнения.

Когда я рассуждаю о «разумных людях», я никогда не включаю в эту категорию Хайна.

Я достал из кармана ключ, открыл скрипящую дверцу несгораемого шкафа и взял карту. Еще раз. Сотый, как минимум. Три черных рентгеновских снимка. Я опять автоматически поднял руку на уровень глаз и повернулся к свету. Опухоли нет, гематомы нет, инородных тел нет. В отличие от Искарриота я руководствовался исключительно благими намерениями. Ими-то и выстлана дорога в ад.

Было три часа утра — помню, как сейчас. Осколочное ранение левой стороны головы. Лицо, волосы, иммобилизационный «бублик» — всё было залито кровью. Что я могу знать? Нестойкая анизокория, нарушение дыхания, брадикардия. Обычно сопутствуют. На снимке видно слепое непроникающее ранение. Хорошо виден осколок и свободные отломки кости, но без крошева. Что я должен делать? Стабилизировать жизненные функции или провести вмешательство? До войны я был нейрохирургом, оперировал в АКХ и Вилеминеншпиталь, но уже три года без практики, подвизаюсь на общей хирургии. Из-за острого дефицита общих хирургов меня временно перевели в моторизованный полевой госпиталь дивизии. Я могу отправить его дальше в стационар, могу вытащить осколок здесь, «в поле». Оперировать сейчас — значит взять всю ответственность на себя. Только на себя. Больше винить будет некого. Отправить в тыл — значит отправить в неизвестность. Осколок может сместиться, пробить кору — возможно, его просто не довезут. Я должен был сделать выбор и не имел права ошибиться. Я до сих пор не знаю, поступил ли я тогда правильно. На что я могу надеяться? Гематомы нет, опухоли... я повторяю это, как молитву. Сработано чисто. Три снимка — в полевом госпитале, в Харькове и затем через полгода в Лихтерфельде. Осколок я извлек без затруднений. Идеальный шов, отличное заживление. Весь период восстановления — под наблюдением в Лихтерфельде. Один из лучших госпиталей Райха. Откуда? Откуда эта запись от десятого февраля: «Жалобы на сильные головные боли»? Я знал его карту наизусть. «Боли стойкие, не прекращаются... нарушения сна, бессонница, потеря аппетита, снижение веса...» Если на Страшном Суде я предъявлю эти снимки и скажу «гематомы нет...» — меня оправдают? Или запись от десятого февраля, которая ляжет на противоположную чашу, перетянет вниз? Я физически не выношу неизвестность. На любой вопрос, в конце концов, должен быть четкий однозначный ответ.

Похрюкивающее туканье печатной машинки начало действовать мне на нервы — казалось, металлические литеры били меня прямо по затылку.

Хайн фон Вестернхаген, командир батальона

Я решил оставить машину у ворот и пройти до замка пешком. Мне была нужна минута внутренней тишины, чтобы собраться с мыслями. Уже двое суток я не мог дозвониться до Алекс. Наверно, она просто разъединила телефон, когда пришла после ночной смены, а потом забыла включить. Но всё равно. Сегодня позвоню Эриху.

Соловьи трещали как сумасшедшие, как будто это была последняя весна. С легкой печалью, словно прощаясь, цвела сирень. Сад был старый и запущенный, деревья разрослись и одичали, аллеи превратились в едва намеченные тропинки. Кое-где ветви приходилось раздвигать руками. Местами груши и яблони были выломлены танками, древесный сок блестел на искореженных стволах. Они тоже «отдали все свои силы ради Германского Райха и Новой Европы».

Прошлой зимой она написала, что учится на курсах медсестер. Нет, я не имею ничего против всех этих почтенных женщин — старых, бездетных стерв, с садистскими наклонностями, скучающих кухарок, решивших поиграть в войну, и молоденьких потаскушек, перепутавших проституцию с медициной, — все они на своем месте. Возможно. Но Алекс среди них делать нечего. И похотливые взгляды сотен солдат, которые не в состоянии думать ни о чём, кроме удовлетворения своих половых потребностей, а офицеры — еще хуже, поскольку уверены, что им всё дозволено, — это не для нее. Она бы сама это быстро поняла, но я должен был суметь на бумаге объяснить ей всё заранее. Я вплотную сталкивался с ДРК и знал, что это такое. Гражданские в последнее время вообще озверели — каждой медсестре подавай Железный Крест. В феврале прошлого года под Харьковом они попытались развернуться на моем участке, я им сразу сказал: «Сумки в зубы и у-лю-лю на тридцать километров за линию фронта». На моем участке благотворительности не будет. Когда пришло письмо от Алекс, я разнервничался не на шутку. Пусть учится, но не может же она на самом деле... Через два дня я получил письмо от Эриха. Алекс учится на детскую медсестру и будет работать у него в Шарите, в педиатрии. За всю войну Эрих написал мне два раза. Первый раз — когда у Алекс был выкидыш, второй — когда она решила пойти на курсы. Хотя нет — он писал еще, когда отцу стало плохо. «Считаю своим долгом довести до твоего сведения, что...» И четыре страницы латинских терминов. И никаких «привет, брат, как поживаешь?» Теперь, чтобы узнать, как дела у Алекс, я должен был звонить Эриху. Меня это раздражало невероятно.

- Сначала проверим караул, — сказал я Лихту и Бельбе.

Мы дошли до спящих «тигров», но никакого караула не обнаружили. Вот оно, диверсантское счастье.

- Хайнц... — я не смог договорить — Бельбе зашелся душераздирающим кашлем.

- Простите, — просипел он едва-едва, доставая блокнот. Он и Лихт всё время прячутся за свои бумаги и папки, цепляются за них, как за последний рубеж обороны.

- Вы лечитесь собираетесь? Пишите. Первое: консультация у доктора Эрвингера. Второе: организация караула. Ограждение складов с боеприпасами и топливом, пулеметная позиция — два человека. Два патруля по периметру парка — четверо с автоматическими винтовками. На учения вы не едете, останетесь в замке. Проверите все.

Что он должен был проверить, мы успели обсудить в Крийоне. Но на всякий случай я решил напомнить, чтобы он не забыл про остальное:

- Санитарное состояние, кухня, журнал боевой подготовки ... — я сделал правой рукой круговые движения.

- ... журнал дежурств, наличие посторонних лиц и предметов.

Я посмотрел на часы. Пять ровно.

- Именно. Идемте их будить.

Учения прошли более-менее, я ожидал худшего. Всё было бы вполне терпимо, если бы не головная боль. Замок словно давил мне на череп, сжимая мозг. Потом была разговорная часть. Ну, а затем мы с Раашем пошли любоваться на наскальную живопись времен национал-социализма. Ну что ж... все тенденции эпохи нашли свое отражение и получили соответствующее воплощение. Вообще же беда

юных художников — не только в изобразительном искусстве, но и в более широком смысле слова, всех юных дарований — в том, что, навалив какую-нибудь посредственную банальность, они считают себя гениями, открывшими Америку, колесо и двигатель внутреннего сгорания одновременно. Естественно, они ждут реакции публики. Удивления, восхищения или хотя бы негодования. Ну хоть чего-нибудь! Райхсфюрер СС Химмлер — крыса с очками, как свежо! Еще в тридцать шестом, когда он пожал мне руку, у меня было ощущение, что меня кто-то тяпнул за палец. Я сказал Раашу, чтобы он замазал свои шедевры, чтобы, не дай Бог, потомки не обнаружили их и не принялись изучать как памятник материальной культуры. Хотя очевидно, что большую половину из них рисовал не он, а Гюнтер. Они с Амзелем проверили нового командира на прочность — в общем, провели обряд инициации. Теперь есть надежда, что в 3-й роте будет хоть какой-то порядок, потому что предыдущий ротный пришелся им не по вкусу, и роту постоянно лихорадило от происшествий.

Стиль Гюнтера мне известен хорошо. Первым, что я увидел в начале сорок второго, был Дитрих с проклюнувшейся картошкой вместо носа. В той же тетрадке были еще Вюнше, Реттлингер, Эрвингер и другие. Я тогда спросил: «А меня нарисовать можешь?» Он кивнул и набросал какое-то чучело с ушами и усами, как у кота. Совсем не похоже. «Ну, всё, — говорю, — Фредди, сейчас я тебе руки повыдергиваю». С тех пор и дружим. В этот раз он опять меня нарисовал. Рот, нос, глаза, а дальше полголовы срезано — спасибо, я оценил — и два холма, словно полушария мозга, а между ними растёт дерево, корни которого изгибаются, как мозговые извилины. Кровь, отростки корней или просто капли краски текут на глаза. Жуткое впечатление. Это не я. Не похоже, не хочу быть таким, не хочу, чтобы у меня в мозгу рос какой-то чертов Иггдрасиль.

Надо было еще поговорить с Гёргенсом, но симфонический оркестр в моей голове пошел в разнос. Большие терции валторнами ревели в ушах и лупили по затылку медными тарелками, выскабливая нервы до слепящего блеска. Я едва поднялся по лестнице из подвала на первый этаж. Окна, двери и стены закружились вокруг меня. Всё вокруг — небо, парк и замок — гремело ужасающим ре-мажором. Он прорывался сквозь людей и предметы, словно радиосигнал сквозь помехи. Голова шумела, как плохо настроенный приемник. Теряя очертания и плотность, огромный холл плавился в свете заходящего солнца. Стены струились вертикальной зыбью, казалось, пройти их насквозь не составит труда. Абсурдная мысль, порожденная головной болью. В голове ревели «die Stalinorgeln»⁴, и взрыв каждого снаряда резонировал под куполом темени.

Я зашел в столовую, чтобы поискать воды и запить таблетки. Время обеда уже прошло, и в столовой не было ни души. Не было даже съестного запаха. Пахло просто нежилым помещением. Здесь постоянно ели около семидесяти человек, за вычетом офицеров, а пахло штукатуркой и голодом. Наш постоянный враг, с которым мы воюем всегда и везде, — серый господин голод. Иваны тоже с ним воюют. «А що нам комісар брехав, що у німців є сало і мука? А в них лише паскудна картопля! Тьху на них!»⁵ В артиллерийском дивизионе было сто с лишним человек хиви, я практически не понимал того языка, на котором говорило большинство из них, и постоянно просил Романа переводить. Маленький, щупленький человечек с длинным острым носом и бесцветными волосами, на свет он казался прозрачным. Сын священника из дворян. Они называли его каким-то обидным словом («это потому, что я русский», — объяснял он), постоянно опрокидывали его миску на землю, отнимали хлеб, ненавидели его больше, чем коммунистов, больше, чем нас, больше, чем чёрта. То же самое было в других батареях, в других подразделениях; мы обычно не вмешивались в их разборки — пусть, как говорится, выживают сильнейшие. Но не в этом случае. Я не желаю командовать стадом скотов. Или ты человек, или марш в стойло. Основа человеческого общества — взаимовыручка. Двоих я сдал полиции, одного Амзель притопил в чане с похлебкой. За что его ненавидели? Про себя он говорил, что

⁴ «сталинские органы» (нем.), БМ-13 «Катюша»

⁵ - Почему комиссар нам врал, что у немцев есть сало и мука? А у них только мерзкая картошка! Тьфу на них! (укр.)

«дохаживает». Откуда он знал, что умирает? Он объяснял, что так говорила его мать, когда была на последних сроках беременности. Он слышал слово в детстве, и оно ассоциировалось у него с приближением чего-то неминуемого, терминального, после чего будет радикальный поворот. Хотя умер он не от своей загадочной болезни, а от того, что его повесили партизаны, вспоров живот и выколов глаза. Почему-то именно сейчас в памяти всплыло его лицо — узкое, изможденное лицо затворника. О его смерти я узнал совершенно случайно спустя уже приличное количество времени. Тогда я уже командовал дивизионом, а его отправил в роту к ремонтникам. Однажды я понял, что мне не хватает его, и Гашниц рассказал, как он умер. И какого чёрта я стою сейчас посреди французского замка и вспоминаю мертвого русского хиви? Всё дело в том, что в голове у меня всё перемешано — настоящая Kascha. И кашу мы тоже ели. Чего только мы не запихивали в себя, лишь бы животы не сводило от голода. Поначалу выручали итальянцы со своими макаронами, потом уже каждый выручал себя сам, как мог.

Внезапно я ощутил во рту горьковатый металлический привкус. Мысли о еде были мучительны. Я еще раз напомнил себе, что ищу воду. Ничего похожего на чайник, бидон, ведро или в чём обычно прячется вода. Надо было бы позвать кого-нибудь, но я не был уверен, что доползу хотя бы до поста дежурного. Я осторожно опустился на стул, держась за стол.

Мир перед глазами сначала посерел, потом стал темнеть и гаснуть. Сквозь грохочущую тишину прорывалось пиццикато контрабасов. В сумерках си-минора вступали скрипки. Кирка уже нащупала трещину в породе, гвоздь вошел в еле приметную щель — и теперь мерные удары на сильные доли раскалывали голову. Это был Григ. Это значило, что у меня есть еще тридцать секунд до того, как всепоглощающее крещендо выкрутит мозг до черноты перед глазами. Это значит, что ётуны и тролли уже собрались в тронном зале высоко в горах и мой череп вот-вот лопнет в их каменных пальцах. У меня оставалось только тридцать секунд, за которые можно было успеть рвануть ремень, расстегнуть кобуру и приставить дуло к виску. Выступивший из мрака тролль был огромен и отвратителен. Его серая кожа поблескивала, словно покрытая слизью. Жидкие, как гнилая прошлогодняя солома, волосенки облепили щеки и лоб. Нет. Всё бессмысленно. В патроннике нет патрона. Сквозь толстые губы тролля блеснули похожие на дольмены зубы, чудовище разинуло пасть и впилося мне за левое ухо. Slagt ham! Slagt ham!⁶ Литавры.

Не знаю, сколько времени я просидел, обхватив голову.

Вдруг откуда-то справа сквозь приоткрытую дверь донесся тоненький голосок:

- Les vipères sont dangereuses pour l'homme⁷.

Показалось? Я поднялся, толкнул дверь и оказался на кухне. За массивным деревянным столом расположился с книжкой какой-то худенький мальчуган в очках.

- Salut, — сказал я. У меня всё еще кружилась голова, и я прислонился к косяку. Станный какой-то мальчишка. — Qu'est que tu fais ici?⁸

Он испугался, вздрогнул и, вжавшись в стол, посмотрел на меня с недоверием.

- Moi, j'habite ici.⁹

Я подошел поближе. Он сидел на деревянной лавке той же грубой, но прочной работы, что и стол и вся остальная кухонная мебель. Казалось, все предметы были сколочены много веков назад настоящими великанами. В огромном каменном камине можно было зажарить целиком быка.

- Qu'est ce que tu lis?¹⁰

Он помедлил, но потом поставил книгу вертикально, чтобы показать мне обложку.

⁶ Убей его! (норв.)

⁷ - Гадюки опасны для человека (фр.).

⁸ - Привет. Что ты здесь делаешь?

⁹ - Я живу здесь.

¹⁰ - Что ты читаешь?

- Les serpents de France¹¹, — ответил он стеснительно.

Крупные передние два зуба придавали ему сходство с кроликом.

- Ouf... j'ai horreur des serpents¹².

- Moi aussi¹³, — согласился со мной мальчишка.

Он выглядел призрачно хрупким и почти бестелесным по сравнению с окружающими его предметами — мисками, разделочными досками и ножами. Я подошел к столу, и он придвинул ко мне книгу. Мне не хотелось ее рассматривать; исключительно из вежливости я перевернул пару страниц и открыл передний форзац. Книга была подписана аккуратным почерком без наклона.

- Georges Delibas, est-ce que c'est ton papa?¹⁴

- Oui, et c'est un livre à lui.¹⁵

- Et tu t'appelles comment?¹⁶

- Jiles. — Он сидел на скамье и смотрел на меня снизу вверх. — Votre français est très bon.¹⁷

- Oh non, pas du tout.¹⁸

- Aber doch, — тут же возразил маленький подлиза, — Ihr Französisch ist ausgezeichnet!¹⁹

Ему просто хотелось поболтать.

- А ты молодец, говоришь по-немецки.

- Да, я лучше всех в классе говорю по-немецки, даже лучше учителя, мсье Лабаля. Меня учит Одетт, моя старшая сестра. Она была замужем за немецким солдатом. Но он погиб. Был взрыв, кто-то подорвал железную дорогу. Поезд сошел с рельс. Тут было недалеко, после Бовэ. Они только поженились. У меня есть вырезка из газеты.

Он достал из-за спины довольно затертую папку с красными завязками. Видимо, мальчишка с ней не расстается. Из нее он вынул самодельный альбом — листы бумаги, сшитые грубой веревкой, — из которого достал газетную статью о крушении поезда с двумя фотографиями. Я быстро пробежал ее глазами.

- Грустная история. — Несчастный случай и горе сестры, по-видимому, произвели на мальчишку огромное впечатление.

- А еще я много читаю по-немецки. После солдат остается много книг...

Мне было страшно себе представить, что это были за книги, и насколько их содержание подходило для юного ума. Обычно ничего длиннее порнографической открытки солдаты прочесть не в состоянии.

- Я ничего не выкидываю. До вас тут стоял учебный саперный батальон, полтора года назад, — он поправил очки, видел, как это делают взрослые, и решил, что это придаст ему важности. Уморительный персонаж. — Да, кажется, года полтора или около того, — продолжал он рассуждать. — Они почти всё побросали. Я спросил у отца разрешение их оставить, книги, в смысле. Сначала отец не хотел, но потом даже просил меня кое-что перевести ему. Я никогда не выбрасываю книги.

Ну прямо обхохочешься! Я решил присесть на минутку рядом с ним.

- А какие тебе книги больше всего нравятся? — Я попытался припомнить, что я сам читал в его возрасте. Хофмана, Хауффа, Карла Мая ... или Мая уже чуть позже, когда стал постарше. Помню, как читал в двадцать девятом «Эмиль и сыщики» — тайком от младшей сестры, чтобы она не засмеяла

¹¹ - Змеи Франции.

¹² - Уф... я терпеть не могу змей.

¹³ - Я тоже.

¹⁴ - Жорж Делиба — это твой папа?

¹⁵ - Да, это его книга.

¹⁶ - А тебе как зовут?

¹⁷ - Жиль. Вы хорошо говорите по-французски.

¹⁸ - Вовсе нет.

¹⁹ - Да-да. У вас отличный французский (нем.).

меня. Мне было уже семнадцать — я, конечно, тогда считал себя сильно взрослым для детских книжек, но оторваться не мог, пока не дочитал до конца.

- Я люблю про войну, — ответил шпингалет в очках и у меня аж брови полезли на лоб. — Про солдат. Я вырезаю портреты из газет. Я тоже хочу быть солдатом.

Господи, о чём только думают нынешние дети! Я в его возрасте ни за что не хотел быть солдатом. Я хотел быть адмиралом и никак не меньше. Жиль отвернулся и опять резким жестом поправил очки.

- А почему ты хочешь быть солдатом?

- Потому что у них красивая форма и награды. Они сильные и все могут. И... и... — он закусил губу, чтобы справиться с волнением, но слова всё равно вырвались наружу, — и папаша их боится. Он врет, что нет, но я точно знаю, боится!

Он стукнул кулачком по столу и из глаз брызнули слезы. Как же должно было накопиться у человечка внутри, чтобы он все выложил незнакомцу, которого первый раз в глаза видит.

- *Tel parle de la guerre qui ne sait ce qu'elle est...*²⁰ Знаешь песенку?

Он кивнул, но подпевать не стал. Я снял фуражку и нахлобучил ему до самого носа.

- Давай меняться. Ты будешь солдатом, а я буду сидеть книжки читать. Идет? Только не про змей. Какие-нибудь другие у тебя есть?

Он опять закивал, а потом мотнул головой куда-то в сторону очага:

- Да там их сколько хочешь.

- Где? — удивился я. Может быть, он имел в виду полку над очагом или навесной шкаф рядом? Но что-то книг я там не заметил.

Моя идея его не воодушевила. Он снял фуражку и положил перед собой на стол. Потрогал козырек, затем убрал руки и что-то прошептал так тихо, что я не смог разобрать.

- М-м? Передумал быть солдатом?

- Я не могу. У меня ноги не ходят.

- Ох... — выдохнул я. — Мне жаль. Но ты ведь можешь быть инженером, знаешь? Это ничуть не хуже, а по-моему, так даже лучше. Ведь кто придумывает самолеты и танки...

- Но я хочу быть солдатом!

Ну, что тут скажешь?

- Можно мне посмотреть, что у тебя еще в альбоме?

Он молча протянул мне альбом. Там была пара фотографий, вырезки и детские рисунки. В основном винтовки, пистолеты и танки, про которые невозможно было точно сказать — ни модель, ни страну-производителя. На общем фоне выделялся рисованный карандашом поезд. Он был прорисован детально и с необычного ракурса. Наблюдатель смотрел снизу, словно лежа рядом с железнодорожной насыпью. На обороте того же листа был нарисован изгиб железнодорожного полотна, но уже без поезда. Я не стал ничего спрашивать. Видно было, что мальчишке не хочется вопросов на эту тему.

- Отлично придумано, — оценил я наклеенные кармашки, внутри которых тоже лежали какие-то мелочи, я не стал любопытствовать, что именно.

Я встал. Надо было идти — найти Гёргенса.

- Где мне взять воды? — спросил я своего нового знакомого, оглядываясь по сторонам.

Я достал их кармана брюк бумажную упаковку анальгина, порылся еще и нашел таблетку ДПХ. Одна? Последняя? Неужели я забыл остальные в Крийоне? В прошлый раз, чтобы заснуть, я их съел штуки четыре. Это было четыре дня назад. Я ненавижу этот искусственный, химический сон, который еще сильнее выматывает тело и душу, но другого у меня нет. Я разучился спать. Я безумно хочу спать, но не знаю, что для этого надо сделать.

²⁰ - Некоторые говорят о войне, не зная, что это такое... (фр)

- Вода в графине на столе, а стаканы там, в шкафу, — мальчик указал на подвесной шкаф рядом с очагом.

Я открыл дверцу шкафа и достал стакан.

- Где, говоришь, вода? — На столе ее не было.

- Ой... — мальчишка завертелся на скамейке. — На каминной полке. Вон графин! Я думал, он тут...

Каминная полка была заставлена всякой всячиной — шкатулками, декоративными тарелками, статуэтками, рамочками и большим количеством сломанных, полуразобранных часов. Рядом лежали маленькие отвертки и еще какие-то неизвестные мне инструменты часового дела. Пыли на вещах не было — хозяин заботится обо всей этой дребедени.

Я налил воды и на секунду замер.

Последняя таблетка ДПХ, надо придержать ее на ночь... Пока просто анальгин. И тут я вспомнил, что в Крийоне у меня ничего не осталось — последние две штуки я положил в карман, а пузырек выкинул. И из тех двух осталась только одна. Таблетки кончились, и где их теперь взять я понятия не имел. Это было новое американское лекарство, его захватили в Италии. Аммиз что-то темнили, говорили, что оно в принципе от аллергии, но еще до конца не исследовано. Наши тут же кинулись изучать это новое слово в фармакологии. Алекс, аллергик, была в группе добровольцев, которые его испытывали. У американских таблеток обнаружилась еще масса других свойств — например, они действовали как снотворное. В апреле Алекс передала мне их через Додо в стеклянном коричневом пузырьке, в письме она написала дозировку и то, что оно называется ДПХ. Где и как она их достала? Судя по пузырьку без маркировки, это была довольно непростая «схема». Таблетки были ужасно горькими, от горечи немел язык и деревенело нёбо; кроме того, у них был тошнотворный металлический привкус — как будто лижешь кусок железа, — но они отлично работали, по крайней мере первое время. Потом пошло похуже, но вот они почти закончились, и ... я не знал, что будет дальше. Сегодня утром — я вспомнил — часа в три я принял предпоследнюю таблетку, она не подействовала, со злости я решил разбудить Лихта, но тот уже не спал.

Выпив воды, я попрощался с мальчишкой и поднялся на третий этаж, где был расположен медицинский взвод. Я постоял несколько секунд, держась за стену, около комнаты Вольфганга, затем вошел.

В смежной комнате кто-то невыносимо строчил на печатной машинке. Я решил посмотреть, кто это, и заодно взглянуть на машинку. Машинка оказалась та самая, с поврежденной литерой «р». Именно на этой машинке было напечатано, мягко говоря, письмо, а если говорить просто, то донос, который мне позавчера подсунули под дверь. Анонимное письмо, как в дешевом романе. «Руководствуясь исключительно благими побуждениями, спешу сообщить вам, что офицеры 3-й роты...» Бездна канцеляризов с орфографическими ошибками. Офицеры напились и набезобразничали в подвале. Изобразили власть предрежащих в нецензурном виде. Стоило бумагу переводить... Всё это можно было бы спустить в унитаз, если бы анонимный доброжелатель в конце не подписался. Совсем у парня беда с головой! Значит, проник тайком в помещение хауптштурмфюрера Эрвингера, воспользовался его машинкой, чтобы ротный писарь остался в неведении, положил свой опус в чистый конверт, нанял кого-то, чтобы подсунули мне под дверь, — ну всё прямо по законам жанра. И так сплеховал с подписью.

На учениях я специально присматривался к нему. Он неплохо соображал и был единственным, у кого все машины завелись с первого раза. Что, впрочем, еще ничего не говорит о его моральном облике. В общем, унтерштурмфюрер Гёргенс был мне непонятен.

Голова трещала невыносимо. Украдкой, словно тайком от самого себя, я бросил взгляд на часы. Свобода опаздывает. И я почему-то совершенно не удивлен. Сказал же, чтобы он был здесь самое позднее в десять утра; уже пять, а его еще нет. Наверное, думает, что война, как берлинская канцелярия, никуда от него не денется.

Свобода опаздывал, Алекс не брала трубку, Гёргенс стучал, в роте царил полный бардак — дежурные спали, караул стоял только на въездных воротах, машины не заводились, на территории расположения проживали гражданские. Я физически не выношу неразберихи. Мне становится плохо, когда вещи и люди не на своих местах.

Я висел на самой тонкой ми-струне и держался из последних сил. А Вольфганг не дал мне таблеток. Наверно, боится, что я стану наркоманом. Под стомиллиметровой бронёй у доктора золотое сердце. Но он кое-чего не знает. Он много чего не знает. Да, не бывал он в Шанхае... Я хотел сказать, что мне осталось год, от силы полтора, и особого смысла беречь ЖКТ уже нет — всё равно меня сожрет баобаба, пробивающийся сквозь темя. Но доктору этого говорить нельзя, потому что тогда его растерзает острыми зубами щука-людоед, живущая у него внутри. Она в родстве с баобабом: чем выше баобаба, тем сильнее щука, в живой природе всё взаимосвязано. Поэтому я ему ничего не говорю.

Помню его лицо, когда я открыл глаза. Сначала я видел только какие-то пятна, неясную игру света и тени. Потом я пару раз моргнул и догадался, что жив. Но как-то не совсем, и я не мог понять, в чём дело. Я не знал, что произошло, где я и почему. Но вокруг были люди, и мне было необходимо привлечь их внимание. Я попробовал пошевелить рукой, и она на что-то наткнулась. Через мгновение я увидел очки и маску хирурга. Это был Вольфганг, тут не могло быть никаких сомнений. Он что-то сказал и продолжал говорить, но я даже не пытался вникать. Если Вольфганг тут — значит, всё в порядке. Потом кто-то еще постоянно заглядывал мне в лицо, было довольно неприятно и даже жутковато. Они что-то делали с моей головой — кажется, бинтовали. Вообще-то мне хотелось полежать спокойно, чтобы меня не трогали, но они продолжали бинтовать еще довольно долго. Я различал голоса, но не понимал, что они говорили, — звуки расплывались в неясную гудящую массу. Первыми словами, которые я четко расслышал, были: «Готовимся к экстубации». Зажужжал аспиратор (помню с детства: у отца похожий стоял в кабинете), мне натолкали в рот ваты, стали что-то колоть. Дальше уже всё было просто и весело. Я в общих чертах осознавал, что происходит — мне из гортани вытаскивали дыхательную трубку. Я вспомнил, как мы шли в атаку, даже номер высоты и название деревни вспомнил. Но первые не то секунды, не то минуты были неопишными. Я слишком рано пришел в сознание.

Потом он сто раз говорил, что операция пустяковая, ранение несерьезное, но я знаю, что он спас меня. Точно также я знаю, что мне осталось недолго. Я не могу это сформулировать словами, доступными для нейрохирурга. Фредди Гюнтер своим чутьем художника как-то это понял. Роман Константинович сказал бы, что я «дохаживаю».

С третьего этажа я спустился на второй и как-то добрался до своей комнаты. В очередной, бесчисленный раз я лег на кровать и приказал себе:

- Спать!

Но ничего не получилось.

То, что командир батальона увидел вместо сна

Нас подняли в пять и приказали ждать. Мы ждали сутки, прежде чем начать выдвижение.

- По D 316, через Гурне-ан-Бре на Морни, затем на Париж.

- Париж? Почему Париж? Какой еще парад? Да они там совсем с катушек слетели!

Первая бомбардировка была в Морни, седьмого в десять утра. Вторая — седьмого ночью в Версaille.

- Воздух! Воздух!

- Тридцать «москито» прямо над нами...

- Рассредоточиться! Увеличить дистанцию!

Затем нас снова вернули в Париж. Наш тяжелый танковый батальон должен сыграть ключевую роль в обороне Нормандии.

- Да какого чёрта мы тут топчемся?

Мы потеряли двадцать четыре часа, точнее — уже сорок восемь. Восьмого возобновили движение на Фалез. Истребители-бомбардировщики снова стаяй налетели на нас. Они приближались и шли на снижение один за другим. Пули чертили на асфальте параллельные прямые. Небо разверзлось, и две тонны бомб падали в считанных метрах от «тигров».

- Дистанция между машинами пятьдесят метров!

- Всем машинам...

- Продолжать движение!

- ... доложите...

Я падал в воронки от снарядов, которые рвались в моей голове. Я стал путать числа, не мог вспомнить, какой сегодня день. Донесения поступали каждые десять минут, каждые пять — менялись сведения. Мы выехали из Версайского леса, я обернулся и увидел, что они стоят между деревьями. Все мертвые. Рааш, Гюнтер, Гёргенс, Виттманн, Филипсен, Свобода, Эрнст, Клебер, Ирион, Бартель, Вендорфф, Штубенраух.

- 232 — прямое попадание. Весь экипаж погиб.

Я не всегда понимал: это уже было или только будет?

- ... это зенитный взвод, у нас потери, ранен командир...

- ... Дрё, мы в Дрё, есть потери...

- ... двадцать шесть самолетов, один сбит...

- Докладывает командир ремонтной роты — трое убиты, один ранен.

- Потери за три дня: один офицер, два унтер-офицера и семь солдат убитыми, один офицер, три унтер-офицера...

- ... ожоги второй и третьей степени...

Они горели днем, они горели ночью, и сквозь паленую плоть проступали их души. Отлично было видно, кто из чего сделан.

- Командирам экипажей — открыть огонь из зенитных пулеметов...

- Один самолет сбит унтершарфюрером Вамбруном.

- Потери в результате бомбардировки в Аржантане...

С грохотом, рвавшим барабанные перепонки, зверь спускался с неба. Вспышки взрывов сжигали горло и легкие. Это была она — новая война. Наконец до ОКВ дошло, что это не отвлекающие бои, это и есть вторжение! До командования корпуса наконец-то дошло, что мы не в резерве. Как всегда слишком поздно.

- У меня в роте осталось восемь танков, — сказал Мёбиус, лежавший рядом со мной под днищем «тигра» во время очередного налета.

- Вам повезло. У Виттманна — шесть.

- Мы угрожим все машины, прежде чем доберемся до позиций. Почему нас не перебросят по железной дороге?

- Говорят, англичане назначили награду за голову Дитриха, — сказал я, приподнимаясь, насколько позволял клиренс. — Наверно, надеются в ней что-нибудь обнаружить.

- О нет, вы шутите, скажите, что это шутка.

- Мне не до шуток. Лучше сделайте вид, что ничего не слышали.

Мы вылезли из-под машины и увидели, что весь «тигр», включая башню, покрыт двадцатисантиметровым слоем земли. Всё, что было зеленым, стало черным. Развороченная почва пропиталась железом.

- 1-я и 2-я роты вышли на позиции.
- ... в районе Эвреси, Вийе-Бокаж.
- Доминирующая высота — номер 213. Два с половиной километра на северо-восток от Вийе-Бокажа.
- Есть занять высоту!
- ... национальная дорога № 175 на Кан...
- Ребята, мы прикрываем фланг корпуса. Они будут стараться прорваться между нами и Учебной танковой дивизией.
- Нам нужна поддержка пехоты.
- Все передвижения только по ночам. Соблюдайте маскировку и дождитесь данных разведки!
- Нас сильно достает артиллерия, особенно корабельная, — меняем дислокацию по три раза за ночь.
- Ждите пехоту.
- Танки! Английские!
- Бронетехника противника движется по GC 71 через Вийе-Бокаж с целью выхода на национальную дорогу № 175.

- Они хотят прорваться к высоте 213.
- 1-я и 2-я роты вошли в огневой контакт с противником. 3-я продолжает выдвижение.
- Информировать штаб корпуса.
- Сводка за сутки. В ходе боев подбиты шесть «тигров». Погибли: обершарфюрер Эрнст...

Они умирали днем, а ночью снова приходили за приказами. Из-за бомбардировок штаб постоянно переезжал. Они докладывали, уточняли, ждали распоряжений. Они распрямляли плечи, отдавали честь, но мне нечего было им сказать. Они умирали, и я умирал вместе с ними. Я повышал им звания, представлял к наградам, но мертвые не уходили.

- Они прислали два взвода, повторяю: два...
- Вас понял. Подкрепление в размере двух пехотных взводов. Держитесь, Рольф, больше всё равно не пришлют.

Тринадцатого прибыла 3-я рота. Четырнадцатого они расположились в Эвреси рядом со штабом. Пятнадцатого в час ночи начался кошмар. Внезапно тишину нарушила артиллерийская канонада, к которой присоединился гул авиационных двигателей. В тот же момент вспыхнули деревья, трава и дома. На нас бросали фосфорные бомбы. Я выскочил на улицу. Было светло, почти как днем. Горело всё вокруг — люди, телеграфные столбы, церковь в центре города. Кроваво-красное пламя плясало победный танец, поднимая черные столбы дыма. С обожженного неба посыпались фугасные авиабомбы. Я бросился на другой конец города, к «тиграм». Дым ел глаза, земля дрожала под ногами. Дорогу преградил кусок рухнувшей стены, и в этот момент ко мне подбежал Лихт, протягивая шейный платок. Я повязал платок, так же как и он, закрывая нос и рот.

- Пусть Ирион и Бельбе эвакуируют штаб. В Барон-сюр-Одон. Ты. Лазар. И Хамм. Поднимайте полицию, пожарных, организуйте гражданских, чтобы тушили пожары. Главное! — я кричал ему на ухо, не слыша сам себя. — Главное — никакой радиосвязи! Никому ни при каких условиях не пользоваться радиоаппаратурой! Они, — я показал вверх на двухмоторных кровососов, — пеленгуют наши радиосигналы. И пришли медиков!

Какой же я идиот! Надо было сразу после Парижа объявить радиомолчание. Морни, Версай, Дрё, Аржантан — как же они всё время нас отслеживали с точностью до метра? Мы маскировались от наблюдения с воздуха, а они все равно нас находили. Пять дней они кружат у нас над головами. Как же я раньше не догадался! Нет, стоп! Сегодня не было сеансов радиосвязи...

Через минуту я добежал до сада, где были закамуфлированы танки, и стал пробираться между горящими яблонями, чьи раскидистые кроны создавали сплошной раскаленный купол.

Первое, что я увидел, был грузовик снабженцев и трое убитых. Ремонтник, разорванный в клочья. И еще двое. Я подошел к 331. В двадцати метрах от него стоял 311. Еще дальше — 305.

- Заводите двигатели! Живо! Убирайтесь от сюда!

Из 305-го мне что-то прокричали в ответ. Я хотел было подойти поближе, чтобы предупредить на счет радиосвязи, но тут у 331 откинулся командирский люк.

- Амзель, какого ...

- Хайн!

- ... чёрта ты здесь застрял?

- Ты стоишь прямо под бомбами!

- Уводи машины! Только не включай радио — они засекают местоположение по...

«Это артиллеристы! — мелькнуло в голове. — Штаб 101-го артиллерийского батальона! Они свалили из Эвреси сегодня утром, натравив на нас томмиз».

- Двигатель не заводится! Мы не можем...

- Вот дьявол!

305 и стоявший за ним еще один «тигр» начали движение.

Амзель спрыгнул на землю.

- Полезай внутрь, пока тебя не напиговало осколками. Я заберусь под низ.

Я едва успел запрыгнуть и закрыть люк, как рядом рвануло. Я прильнул к перископу и несколько секунд не мог осознать то, что увидел. У 305 оторвало башню! Только что Ханно что-то крикнул мне, я не разобрал, хотел переспросить, только что, минуту назад, так близко, рукой можно достать. Я закрыл глаза, сосчитал до пяти и снова посмотрел в перископ. Перевернутая башня, как чашка, лежала в пяти метрах от остова.

- Идем, поможешь мне, — я тронул плечо наводчика.

Мы вылезли наружу, и из-под днища танка показался один глаз Амзеля.

- Ты командуешь ротой, — крикнул я ему.

- А-а?

Его заглушил пикировавший самолет. Я перестал смотреть на небо. Мне нет дела до этого черного, проклятого неба. Мои дела на земле.

- Сейчас рванет! — Амзель вскочил на ноги и вместе с наводчиком они затащили меня под днище.

Не прошло и секунды, как раздался взрыв. За ним опять рев снижающегося «москито» и снова взрыв. Среди горящих деревьев танки были как на ладони.

- У 305 оторвало башню, — крикнул я, как только чуть стихло и в общей какофонии стало возможным различить собственный голос.

Я дернулся, чтобы выбраться, но Амзель локтем прижал мою руку.

- Они мертвы.

- Надо посмотреть. Может быть, кто-то ...

- Лежи. Тебя убьет. Как тех, рядом с грузовиком. Они спали, не успели проснуться... На открытом пространстве — верная смерть.

В подтверждение его слов снова в метрах в двадцати разорвалась очередная бомба. Через минуту я разобрал звук танкового двигателя. Только бы они выбрались!

- Какой номер стоял рядом с Раашем?

- 314.

- Это его двигатель?

- Его или Гюнтера.

Я всё-таки высунулся из нашего убежища. Машина Гюнтера была уничтожена прямым попаданием. Я встал и пошел вперед. С меня хватит. Я не мог больше прятаться и вжиматься в грязь. Не было больше ни ужаса, ни боли, ни горя. Ничего не было. Ни неба, ни земли. Единственное, что осталось, — это ненависть, прозрачная и чистая, как капля воды. Она была единственным, что меня держало в этом адском чаде. Я обошел горящий танк с башенным номером 311. Нет такой крови, которая смогла бы залить этот огонь. Они заплатят, все и каждый, заплатят за всё. «Фред! Фред!» — кричал я мысленно. Горло и глаза пересохли. Мне казалось, что еще секунда и помехи в эфире прорежет его голос: «Да, Хайн, что стряслось?» Но он молчал. «Прости, — сказал я, — прости, дружище, если можешь. До скорого». Стволы горящих деревьев начали падать. Пробираясь между ними, я направился к 305. Надо проверить — может быть, кто-то выжил.

- Ханно... — я закашлялся, — Ханно! — Голос был не мой — противный, хриплый и старчески-дребезжащий. — Эй, кто-нибудь! Слышите?

Я заглянул в перевернутую башню. Они лежали втроем — черные, обгоревшие, разобрать, кто где, я сначала не мог, но один застонал и открыл глаза.

- Ханно!

И тут меня поразила невероятная, волшебная тишина. Она была чем-то похожа на состояние невесомости. Ханно застонал громче.

Где же медики? Я оглянулся и увидел доктора и двух санитаров. Амзель и наводчик пытались открыть заклинившие люки мехвода и радиста. 314 выбрался из города на открытое пространство. Только я было обрадовался за него, как жуткое, горелое небо породило еще одного монстра. Последнего, отбившегося от стаи, но от этого не менее опасного.

- Поворачивай! — крикнул я удаляющемуся «тигру», хотя они не могли расслышать меня на расстоянии в сотню метров. Они наверняка не слышали даже самолет, который был уже практически над ними. Если бы они сделали резкий рывок в сторону... или задний ход! 314 был уничтожен прямо у нас на глазах. Амзель схватился за голову.

Три танка, три экипажа за двадцать минут. В 305 с сильными ожогами выжили наводчик, заряжающий и командир.

- Как они?

Доктор, сидевший на корточках, рядом с Раашем, оглянулся через плечо, но ничего не сказал.

- Жить будут, — вместо доктора ответил санитар. — Командиру еще повезло: только руки и левая щека. Не страшно,

Я отошел чуть в сторону. Сожженный город был окутан дымом. Пожары гасли, и тьма снова опускалась на нас. Они стояли между обуглившимися стволами деревьев. Курт, Альфред, Ханс-Виктор, Хайнрих. Во втором ряду за ними выстроились те, кто еще не ушли, но уйдут через пару дней или недель. Ханно, Мишель, Ханнес, Вилли. Я отдал честь, и они отсалютовали в ответ. Я — один из них. Мы вместе, мы батальон.

Вольфганг Эрвингер, батальонный врач

Он был у себя в комнате. Лежал на кровати лицом вниз. Услышав шаги и открывающуюся дверь, он поднял голову настолько, чтобы посмотреть, кто пришел, и тут же опустил ее. Он ничего не сказал. Мы немного помолчали.

Я обманывал себя. Я уже принял решение, иначе не пришел бы. Теперь оставалось только сказать вслух: «Хорошо, я сделаю вам инъекцию». Это было также легко, как сказать: «Хорошо, я убью сначала вас, а потом себя». Я искал отговорки и зацепки, я искал лишние слова, которыми можно замаскировать суть. В комнате было накурено.

- Никогда не курите в комнате, где спите, — сказал я, открывая окно.

Небо затянулось грозовыми облаками, и скоро должен был пойти дождь.

- Я не сплю.

Разумеется, он не спит, раз поднял голову и сейчас говорит со мной. Я не сразу понял, что именно он имел в виду.

- Как не спите? Вообще не спите? У вас бессонница? И сколько часов вы уже не спали?

- Это будет четвертая ночь.

Я машинально поправил очки. Потом снял их и стал протирать стёкла. Это невозможно. Человек не может так долго обходиться без сна. Глупые советы про прогулки на свежем воздухе и теплое молоко я оставил при себе.

- Рвота бывает? Повышенная температура?

- Нет.

- Каков характер боли? Где именно болит?

- Болит... — он встал с кровати, — ... далеко на востоке, в районе Деркачей и Алексеевки.

- Хайн, я спрашиваю про головную боль...

- Она окружает с севера и северо-востока. — Он показал ладонью на лоб и правый висок. — Восточное крыло блокирует дорогу Чугуев-Харьков. На западе, — левой рукой он провел вдоль левого виска к затылку, — город запирает «Дас Райх», а на юге — «Дер Фюрер». Основные силы корпуса вторгаются в город и вязнут в ожесточенных боях. Хотя многие увязли еще на подступах. Мы обманули их, мы обманули тех, кто шли за нами.

- Я был там. — Мне не хотелось вспоминать об этом прямо сейчас, хотя я ничего не забыл. — Ответьте, пожалуйста, какие именно ощущения вы испытываете? Режет, колет, тянет...

- Как будто бьют из зениток по наземным целям. Шквальный огонь. Ощущение руин, тотального разрушения. Мы пришли в никуда, на руины, нами же созданные. — Он говорил тихо, но предельно четко. Каждое слово было словно удар прямой наводкой по моим оборонительным сооружениям. — А те двадцать тысяч, которые не дошли? А двадцать тысяч гражданских? Мы убили то, за что воюем. — Он положил руку мне на плечо. — Сданы Ростов, Харьков, Киев. Минск — вопрос времени. Думаете, удастся удержать Париж? Что дальше?

- Я врач. У меня другие заботы. У нас есть политики, пусть они занимаются глобальными вопросами. Мы просто...

- Политики? Это те, которые коллекционировали живопись, пока 6-я армия дохла от голода в Сталинграде? Всё, что у нас есть, это гора солдатских трупов, офицеры-невротики и генералы-оппортунисты. За редким исключением.

Я не понимал его. Мы говорили о разных вещах или я просто боялся понять его до конца.

- Мы убили Германию.

Я не выдержал и сбросил его руку.

- Мы — это вы и я. Вы и я просто выполняли приказы. К чему вообще этот разговор? Приказы должны выполняться.

- Хауссер нарушил прямой приказ Главнокомандующего, — он зачастил отрывистой скороговоркой. — 2-й танковый корпус СС действовал вопреки приказу по 4-й танковой армии. Нельзя, чтобы по приказу одного человека восемьсот тысяч ложились в гроб. Ни. За. Что. Бесцельно. Безрезультатно.

Я не мог с ним не согласиться. От него исходило такое сильное душевное напряжение, что я тоже заразился им. Мне стало казаться, что голову сжимает стальной обруч.

- Хайн! — я не знал, куда бежать и где спрятаться от его слов. Я был деморализован, частично уничтожен, а частично взят в плен. — Это был не ваш приказ и не ваш выбор его выполнять.

Я ущипнул его за предплечье сквозь рубашку.

- Это боль. Вы чувствуете? Понимаете? Поврежденные ткани...

- Еще бы!

- Голова, она как болит? Где?

- Внутри.

- Где конкретно локализуется боль?

Он сложил пальцы левой руки в виде дула и приставил их к виску.

- Где-то в области совести.

Он отвернулся.

И тут... тут у меня чуть не случился разрыв миокарда. Потому что с противоположной стороны кровати с пола поднялся пятнистый зверь с желтыми, медовыми глазами. Он встал на четыре лапы, потянулся и стал неспешно обходить кровать. Я попятился. Невидимая рука сжала трахею, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть, а сердце заколотилось болезненно и с надрывом. Он был большим, с массивной головой и тяжелыми, сильными лапами. Золотистая шкура горела колдовским узором. Он смотрел на меня осмысленным, человеческим взглядом и в целом, если можно так сказать, он был очень похож на человека. Это пугало еще больше.

Он обогнул кровать, потянулся и подошел к Хайну.

- Это Унка, мой нахуаль.

Я почувствовал, что близок к обмороку. Я стоял на пороге древнего, невидимого Леса и чувствовал черно-зеленый, мшистый запах сырости. Из глубины раздавалось резкое, горловое бормотание диковинных птиц, мелькали шустрые грызуны и таились неповоротливые уродцы с крошечными черепами. Где-то невдалеке пела вода. Мне ужасно захотелось пройти вперед и взглянуть на реку. Я чувствовал, что она рядом, что мне необходимо плеснуть воды в лицо, чтобы вернуть ясность сознания. Я совершенно потерял представление о том, где я нахожусь. Никакие слова не в силах выразить, что я пережил за эти несколько секунд.

Внезапно зверь исчез. Потом исчезли Хайн и комната. Я сидел у себя за столом, положив голову на локоть.

В тот же миг в дверь постучали, и я окончательно проснулся. Вскочив, как ненормальный, я бросился к двери.

Это был ординарец Рааша, который пришел попросить спирта для выведения пятен. Я выдал ему спирт, и ординарец ушел. Трясущимися руками я схватил со стола стакан с водой и вылил его себе на голову. Мне уже очень давно не снились сны. Я вообще не помню, чтобы они мне снились хоть раз в жизни.

Минут тридцать, не меньше, я приводил себя в порядок. Лишь бы чем-то заняться — я побрился и сменил рубашку. Привычные действия успокаивали и не требовали умственных усилий. Наконец, собравшись с духом, я вышел и закрыл за собой дверь.

Я постучал. Ответа не было.

Он лежал на кровати лицом вниз и слегка приподнял голову, когда я вошел. Правая рука, в которой он сжимал какой-то блестящий металлический предмет, свисала с кровати.

- Вы не спите?

- Нет.

- И сколько ночей вы уже не спали?

Мне показалось, что я знаю ответ заранее.

- Это будет четвертая.

Меня не покидало чувство, что я это уже слышал. Вдруг мне в голову пришла мысль, что зверь, даже если я его не вижу, все равно находится в комнате. Я подошел к кровати, наклонился и взял у Хайна из руки то, что он в ней держал. Это оказалась зажигалка.

- М-м-м? — спросил он, поворачивая ко мне лицо.

- Я так и думал, что вы здесь курили! — сказал я. — Курение негативно сказывается на сосудах головного мозга. К тому же нельзя курить в помещение, где...

- Скоро выветрится.

Окно было открыто! Я подошел и потрогал деревянную раму. Оно было открыто так, словно это я его открывал. У меня с головой творится что-то странное.

Когда я обернулся, то увидел, что Хайн сидит на постели и улыбается. Верхние резцы у него были слегка вдавлены назад, а клыки налезали на двойки. Это придавало его улыбке какое-то неуловимое выражение, хищное и невинное одновременно.

- Если бы вам приказали выстрелить мне в затылок, вы бы выполнили?

- Исключено.

- Значит, не все приказы...

Я молча кивнул. Что тут сказать. Я выполняю его приказы. Все. Потому что знаю, что он никогда не прикажет ничего бесцельного, малодушного или преступного.

- Если к ночи боль не ослабнет, я сделаю вам инъекцию.

- И еще у меня будет к вам просьба, Вольфганг. Личного характера.

Я убрал руки за спину и непроизвольно сжал кулаки.

- Там внизу на кухне сидит ребенок, мальчик — сын смотрителя замка. У него, судя по всему, парализованы ноги. Вы не могли бы его осмотреть? Возможно, вас заинтересует его случай.

Он опять улыбнулся.

- Боже, Хайн, это компенсация за Бельбе? — спросил я сухо. — Я снова могу на пять минут почувствовать себя неврологом...

- Я не имел в мыслях ничего подобного. Просто у меня сейчас нет времени придумывать для вас более сложную мотивацию...

- Вы считаете, что без внешнего мотива я не в состоянии осмотреть больного ребенка?

- Я считаю, что без внешнего воздействия вы бы вообще не заметили, что ребенок сидит на кухне.

- Когда я инспектировал кухню на предмет соответствия санитарным нормам, никакого ребенка там не было. Однако я готов выполнить вашу просьбу. Незамедлительно.

Я был зол, как сто чертей, и вышел, не попрощавшись. Значит, вот какого он обо мне мнения. Я направился вниз, прошел квадратный холл, вытянутый прямоугольник солдатской столовой и подошел к двери на кухню. Если это не полиовирус — надеюсь не он и не функциональное — то я поставлю маленького засранца на ноги; не только поставлю, но он еще у меня вокруг замка будет бегать со снаряжением и в противогазе! Последствия травмы. Скорее всего, что это травма, опухоли у детей бывают не так часто. Господи, да я его из-под земли достану... Я взялся за ручку двери и на мгновение задержался. Ведь именно этого Хайн и добивался.

Я открыл дверь и увидел мсье Делиба. Он убирал что-то со стола. Никакого мальчика и в помине не было. Мы постояли, помолчали и окинули друг друга неприветливым, оценивающим взглядом. В целом я не люблю рогоносцев, и мсье Делиба не был исключением. У него была довольно привлекательная жена, намного его моложе. Бесстыжая, как все француженки. Она неделю не давала мне проходу, пока я ее наконец не трахнул и она не успокоилась. Это было позавчера, и с тех пор я ее не видел.

- Што вам угодно? — наконец спросил француз.

Я объяснил ему, что пришел по поводу его сына — возможно, я смогу ему помочь. Мсье Делиба как-то странно выгнулся и стал похож на букву S. Наверно, принял меня за гастролирующего мошенника. Я постарался убедить его, да и себя тоже, что это не так.

- Я нейрохирург и до войны оперировал в Вене. — Сам не знаю, зачем я это сказал человеку, который никогда не выезжал за пределы Пикардии. Я стал подбирать как можно более простые слова. — Если не ходят ноги, то это результат поражения спинного мозга. Какой у вашего сына диагноз?

- Мой сын... — сказал француз запинаясь, — у меня две дошери, мсье доктор. Жиль умер полтора года назад.

- Простите, мне очень жаль. Тут, наверно, вышло недоразумение. Я имел в виду не вашего сына, а мальчика, который сегодня был тут, на кухне. Он кто? У него парализованы ноги, я пришел по поводу него. Он ваш родственник?

- Это какой-то шютка, плохой шютка, мсье доктор.

- Я не шучу. — Делать мне больше нечего. Видимо, я сказал это слишком резко: мсье Делиба насупился и отвел глаза. Я не знаток человеческой психики, мне всегда была ближе материя, но мне показалось, что мой собеседник темнит и пытается выкрутиться. Я не люблю таких людей. — Несколько часов назад здесь был ребенок. Меня попросили его осмотреть.

У меня не было ни малейшего повода сомневаться в словах Хайна. Если бы он захотел меня разыграть, то придумал бы что-нибудь посмешнее маленького калеки.

Мсье Делиба отрицательно замотал головой. Станный тип. В его же интересах получить, по крайней мере, консультацию, даже если это не его родной сын. Наверное, дело в деньгах.

- Разумеется, совершенно бесплатно.

- Это всё не так... это всё шютка.

- Я уже сказал...

- Я не иметь в виду вас или ваших камраден. Мальшик, который тут был, он шютиль. Это друзья Жили, дети — вы понимаете, они приходят, уходят, берут его игрушки и вещи, — он показал мне книгу со змеей на обложке. — Он сказаь, что его звать Жиль и что у него плёхо с ногами. Он шютиль. Он... ну как дети. Говориль глупость.

- Какой-то соседский мальчишка приходил в замок?

- Да, мсье доктор, так, именно так.

- Как он мог пройти караул у ворот?

- Дети, мсье доктор, они маленькие, они живут здесь дольго, знают тропинки. А там сад большой, там нет... — он показал руками забор. Да, сад не был огорожен.

- Предупредите своих знакомых, чтобы на время расквартирования здесь военного подразделения они воздержались от визитов. Ради их собственной безопасности. Сад патрулируется. Посторонним запрещено находиться в замке и на прилегающей территории. Соответствующие распоряжения были отданы еще в апреле...

- Я знаю, мсье, знаю... но дети...

- Вся ответственность за гражданский персонал замка на вас. Посторонние лица будут переданы полиции. При попытке бегства или сопротивления будет открыт огонь.

Сегодня они дети, а завтра курят рядом с топливным складом.

- Я считал, что вам это известно.

- Да-да...

Так всегда получается, когда у командира роты в голове ветер. Тогда врачу приходится следить за порядком. Не знаю, чем руководствовался Хайн, когда назначал Рааша. Почему не Весселя или не Филипсена? Филипсен — очень ответственный молодой человек.

Француз выглядел ничуть не виноватым, он выглядел настороженным и озлобленным. Он затаился и говорил «да-да», думая при этом что-то совершенно другое. Я не верил ему. Хотя формально не мог найти никаких противоречий. Оберштурмфюрер Лихт вывел бы его на чистую воду — он умеет задавать хитрые вопросы, которые совершенно сбивают с толку и язык сам невольно выдает себя. Помню, как

однажды он привязался к бедняге Кляйну: «Скажите, Готтфрид, у вас в роду евреи были?» Не дожидаясь, пока Кляйн ответит «не было», Лихт сразу же спросил: «... это со стороны матери или со стороны отца?» Бедняга, растерявшись, ляпнул: «отца». Лихт по-лисьи улыбнулся и сказал: «Хорошо, оберштурмфюрер Кляйн». Обершарфюрера Лазара он своими шуточками чуть до истерики не довел — тот вздрагивает всем телом, когда слышит голос адъютанта. Иногда наблюдая со стороны, мне казалось, что он вводит своих жертв в транс. Возможно, он обладает какими-то гипнотическими способностями. Я, к сожалению, нет.

Внезапно сменив тему, мсье Делиба стал мне рассказывать про овощи, которые он помыл и положил сушиться до завтра в подвале.

- Мсье Бельбэ, — он ставил ударение на последнем слоге, — разрешил мне сегодня уехать. Шерез один шаг. Я уезжаю к моей дошке в Крийон. Для завтра на завтрак всё готово. Мсье Бельбэ одобрял. Но на всякий слушай... — он открыл малоприметную дверь в стене и сделал жест, приглашавший меня убедиться, что всё в порядке.

- Что там? — спросил я.

- Там подваль.

- Еще один?

Вход в подвал был под центральной лестницей в холле. Про второй вход я не знал. Скорее всего, про него никто не знал. Рааш, конечно, не удосужился, как следует осмотреть помещения, и не известно, какие еще потайные углы скрываются в замке. Логично, что спуск в подвал находится на кухне — так оно было запланировано изначально, когда в замке жила семья, которая его строила. Второй вход в подвал сделали, скорее всего, недавно, когда замок перестал быть жилым и перешел в распоряжение организаций, а подвал стал использоваться под архив и склад инструментов. Но небольшую часть, видимо, отгородили и оставили как раньше. Только смотритель почему-то не посчитал нужным нам об этом доложить. Я нахмурился. Не нравились мне подобные сюрпризы.

- Пожалуйста, — предлагал мне осмотреться француз. — Там открыто.

Я сделал несколько шагов по лестнице. С неожиданной силой француз резко толкнул меня в спину, я скатился вниз, ударился о дверь, и она открылась под тяжестью моего тела. Затем она снова закрылась, в замке повернулся ключ, и я остался в полной темноте в окружении рассыпанного картофеля, редиса и помидоров.

Хайн фон Вестернхаген, командир батальона

Я очень давно не спал. Иногда я не могу понять, сплю я или нет. Я всё слышу и вижу через слух, хотя лежу с закрытыми глазами. Я вижу всё, что слышу, даже если оно находится вне моей комнаты. Это не сон, потому что я знаю и помню, что происходило вокруг и даже о чём я думал, пока лежал. После возвращения в реальность я могу точно сказать, сколько раз хлопали двери, кто прошел по коридору и что сказал Доллингер Лихту, когда тот пролил кофе. Но это и не бодрствование, потому что я не могу выйти из этого состояния по своему желанию, не могу встать и пойти — кто-то или что-то должно меня разбудить или вернуть. Мое тело лежит, но я с ним не связан. Времени нет. События сменяют друг друга, последовательность есть, есть чередование, времени нет. Нет временной связи. Нет причины и следствия. Есть наслоение фактов. Каждый факт изолирован от других и существует сам по себе, бесцельно и бессмысленно. Смысла нет. Нет воли, нет активных действий. Боли тоже нет. На самом деле я намного ближе к психиатрической лечебнице, чем это отражено у меня в карте. Это странное состояние заменило мне сон. Я смертельно хочу спать, но не знаю, что надо сделать, чтобы заснуть.

Я сел на кровати и ослабил галстук.

Мы остались вдвоем — только я и боль, больше никого. Мир сжался до крошечной точки, на которой умещались только нас двое. Она украла у меня горизонт, сузила обзор, она обкусала со всех сторон кровать так, что мне не на чем спать. Я пытался не думать о ней. Я пытался думать о ней, как о чём-то материальном, как о работе крошечных болевых рецепторов, которые настолько малы по сравнению с Сириусом, альфой Большого Пса, что их существованием можно пренебречь. Но это не помогало. Сириус в это время суток не виден, а небо заволокли черные облака. Не было ничего, кроме головы и гнездившейся в ней боли, и я боялся того, что я мог сделать.

Я чувствовал физическую потребность выйти из комнаты, которая пропиталась головной болью. Я бежал сам от себя. Еще немного — и я превращусь в местное привидение, которое будет разгуливать по коридорам, пугая встречающих. Я дошел до офицерской столовой, она же гостинная-бар-курительная, одним словом — до кают-компаний, где нашел Альфреда Гюнтера. Он сидел в старом, затертом кресле и смотрелся как картинка, вырезанная из современного журнала и вклеенная в акварельную размазную столетней давности. Я решил его спросить, что за тип этот Гёргенс, а он, в свою очередь, тоже собирался мне что-то сказать.

- Слушай... — он встал и тщательно закрыл за мной дверь, словно не хотел, чтобы нам помешали.

- Слушаю.

Он слегка прикусил нижнюю губу.

- Ко мне в Бове приехала жена.

- Я за тебя рад. Ко мне вот никто не приехал.

- Ну, Хайн...

- Я уже тридцать два года Хайн.

Он виновато улыбнулся и больше ничего не сказал. Весной у них болел ребенок, и Маргрет не могла приехать, пока мы стояли в Бельгии и посещения были разрешены. Я поправил ему галстук и похлопал по плечу. Он не надел свой РК. Торопился утром или...

Он вздохнул и посмотрел на меня своими большими темными глазами так выразительно, что устоять было невозможно.

- Хорошо. Сверим часы. Сегодня понедельник, восьмое мая тысяча девятьсот сорок четвертого...

- Шесть двадцать.

- Шесть двадцать одна — подкручивайте, унтерштурмфюрер Гюнтер.

Он засмеялся и перевел стрелку.

- Чтобы десятого в ноль ноль, ноль ноль ты был тут. И ни секундой позже! Маргрет привет.

- Так точно, — с готовностью отозвался Фредди. И тут же спросил: — А что будет десятого? Опять учения? Общебательные?

- Разве я это говорил?

- Нет, — со смешком ответил он.

- Настрою сам увольнительную и приношу сюда, а то командир ваш занят. В подвале. Я потом его поставлю в известность.

Он всё понял и немного смутился.

- И еще найди Гёргенса, скажи, что я его жду здесь. Срочно. Кстати, он вообще как?

- Ну, вообще... нормально. Мы с ним близко не общались, но так, на первый взгляд, нормальный.

- Он мне написал послание...

- И что там? Признание в любви? — хохотнул Гюнтер.

- А то, — ответил я в тон ему, — предложение сердца и печени.

- Скажи, что сердце у тебя уже есть, вот если бы он предложил кошелек...

- ... или жизнь!

Мы рассмеялись одновременно.

- Кстати, на чём ты поедешь? Можешь взять мой Опель.

- Спасибо, это будет просто отлично! Я, как вернусь, тоже тебе что-нибудь напишу, — пообещал он уже в дверях, собираясь выскочить из комнаты

- Только попробуй, — я в шутку пригрозил ему пальцем.

Гюнтер умчался; не успел я сделать и двух затяжек, как ему на смену явился унтерштурмфюрер Гёргенс. Я потушил сигарету. Разговор будет неофициально-официальный. После приветствия я достал из внутреннего кармана кителя тот самый конверт, открыл его, вытащил письмо и обнаружил внутри конверта случайно завалившийся нож для бумаг. Ножик был маленький, и я совершенно забыл про него.

- Пятого мая в расположении роты, а именно в подвале замка, офицеры подразделения в неурочное время распивали спиртные напитки.

Унтерштурмфюрер уставился на меня, как будто у меня были две головы и на каждой — борода до пола. Я тоже посмотрел на него, ожидая, что он что-нибудь скажет.

- Вам надо отвечать «так точно» или «никак нет». Соберитесь. Ничего сложного.

- Так точно, — ответил он, спохватившись.

- Вы были очевидцем и участником.

- Так точно.

По-моему, он не на шутку перетрусил.

- Помимо алкоголя в подвале находились банки с краской, которая была использована офицерами не по назначению. А именно — для рисования на стенах карикатур легкомысленного и вульгарного содержания.

Гёргенс судорожно кивнул и опять просипел «так точно». Я не более чем цитировал его же собственный текст, поэтому его испуг был мне непонятен. На что он, собственно, рассчитывал?

- Хорошо. Ситуация более-менее ясна. А теперь главный вопрос: какими мотивами вы руководствовались, когда писали донос на своего непосредственного командира? Изложите письменно. Стилль свободный, объем не ограничен. Времени у вас, — я еще раз посмотрел на часы, в последнее время этот жест у меня стал навязчивым, — до восьми вечера.

- Разрешите... — залепетал он, — дело в том, что я ушел раньше всех, разрешите, я всё объясню...

- Да уж, потрудитесь объяснить, — я развернул письмо и протянул Гёргенсу. Он стал внимательно читать, как будто видел его впервые.

- Разрешите...

- Говорите.

- Но я ничего не знаю!

Отличная аргументация. Он походил на перепуганного щенка, и трудно было удержаться, чтобы не повозить его мордой по полу.

- Я ушел и ничего не видел, я ушел раньше всех...

- Если вы ничего не видели, зачем писали донос?

- Но я не писал!

Вот это был неожиданный поворот! Полное отрицание, уход в глухую оборону.

- Однако там ваша подпись.

- Да-да, то есть нет... да, похожа на мою, подпись похожа, но я не расписывался. Я не писал и не подписывал. Пятого числа оберштурмфюрер Рааш пригласил меня выпить с ним, — он выпрямился и попытался нацепить казенное выражение лица, что удавалось ему с трудом, всё равно из-под маски виднелись неуверенность и испуг, — я с удовольствием согласился, но затем вскорости ушел. Когда достали банки с краской... Я не выношу запах!

- У вас аллергия?

Он кивнул и снова протянул мне листы.

Аллергия, астения, бронхит, гепатит — медицинский справочник, а не танковый батальон. У большинства офицеров Знаки за ранения. Элитные войска, цвет нации.

- Я ничего не писал, — сказал твердо унтерштурмфюрер Гёргенс. — Кто-то подделал мою подпись, Я внимательно взгляделся ему в лицо. Гёргенс был не из тех, кто легко внушает симпатию. Он весь был какой-то квадратно-угловатый и нескладный. Но как раз такие плохо врут.

- Так или иначе... — сказал я, «так или иначе, унтерштурмфюрер, я вам не доверяю». Я помнил Гёргенса еще с тех пор, когда он был шофером у Дитриха. Тогда я не знал его имени, но запомнил лицо. А на лице у него, по крайней мере в данный момент, было написано, что оберстгруппенфюрер решил внедрить в батальон своего человека, который бы за мной присматривал. Видимо, из самых благих побуждений. Но из-за дефицита кадров никого, кроме полена Гёргенса, в наличии не оказалось. Однако в планы оберстгруппенфюрера вмешался более сильный игрок и подставил Гёргенса. Если бы тут был Свобода, он бы сходу выдал пять-шесть красивых теорий, мне же ничего, кроме «люди — это идиоты», в голову не приходило. Сколько ненужной возни, бессмысленных интрижек самого низкого пошиба, сколько лицемерия и элементарной глупости... — Так или иначе, кто-то использовал вашу подпись, и вам необходимо установить кто. Как можно быстрее. Надеюсь, вы понимаете, чем чреваты подобные выходки. Вам необходимо установить личность нарушителя и доложить мне. Никаких мер по наказанию не предпринимайте. Кстати, у вас во взводе есть фольксдойчи?

- Да... кажется. Двое. Или один. Я... — он опять замялся и занервничал из-за собственной неосведомленности, — уточню.

- Первейшая обязанность офицера — знать вверенное ему подразделение как свои пять пальцев, — сказал я менторским тоном. Все-таки офицеры — это офицеры, а шоферы — это шоферы, они не взаимозаменяются. — Кто из ваших людей говорит с ошибками или сильным акцентом? — Я снова вручил ему письмо. Мы так и будем его пасовать друг другу? — Изучите текст. В нём полно ошибок. Идите и шевелите мозгами. Учтите, что разыскиваемый хорошо рисует, раз он смог скопировать вашу подпись. Если он пошел на подделку — он склонен к риску и аферам. Он хитер, но недалёковиден, живет настоящим. Уверен в своей ловкости, считает, что сможет избежать наказания. Вот тут вам предстоит его разочаровать.

Если бы Гёргенс не был поленом, то давно бы уже назвал фамилию. Взвод — не полк, такому экстраординарному субъекту просто негде затеряться.

- Он дружит с медиками — письмо отпечатано на машинке, которая числится за мед взводом. Он как-то пробрался в подвал, узнайте, как. К тому же у него на вас зуб. Сложите все вместе — и вы получите искомое.

У комвзвода было такое лицо, как будто я ему объяснял высшую математику. На всякий случай я решил его подстраховать и напомнил очевидное:

- Только ни в коем случае не спрашивайте перед строем: «Кто это сделал?» Свободны.

Я откинулся на спинку некоего подобия кресла и притянул к себе поближе пепельницу. Всё дело в том, что тип, сочинивший донос — чем больше я о нем думал, тем яснее он представал передо мной, — этот тип сильно отличался от простых восемнадцатилетних ребят. Восемнадцатилетние ради развлечения украдут курицу, а если сильно допечет взводный — пойдут жаловаться ротному, причем гурьбой, потому что одному — боязно. Но здесь был совсем другой масштаб мышления. Это была личность со сложившимися ценностями и приоритетами. Чтобы подделать подпись офицера и написать ложный донос, надо не просто обладать решительностью и бессовестностью, надо обладать внутренней зрелостью, осознанной позицией, которая бы позволяла рассматривать себя вне существующей иерархии. Невозможно, чтобы подобная идея пришла в голову рядовому или унтеру. Тому рядовому или унтеру, который осознаёт себя, как клетку военного организма. А автор доноса считал себя хитрым

закулисным манипулятором, который может стравить офицеров, преследуя какую-то личную выгоду. Почему-то он мне казался не вполне нормальным, а цель, которую он преследовал, — фикцией. Она была связана не с приобретением ощутимых жизненных благ в будущем, а скорее с компенсацией внутреннего недостатка в прошлом. Он мстил. Но вот кому — Раашу или Гёргенсу? Я даже представил себе его внешне — его внешний облик вытекал из внутреннего. Неподвижное, скованное одной мыслью лицо; скорее всего, небольшого роста. Не знаю, почему, но я был уверен даже в том, что волосы у него вьются. Какой-нибудь офицерик увел у него девчонку, и теперь он мстит всем офицерам подряд. Что-то в этом духе — абсурдное, но встречающееся.

Я затушил сигарету и разогнал дым рукой. Комната, снова проявившаяся сквозь сизую завесу, начинала действовать мне на нервы. Замку бы не помешал основательный ремонт. Прямо напротив меня на стене висела какая-то большая репродукция чего-то. Она была напечатана на бумаге и убрана под стекло; ответ не давал рассмотреть, что именно изображено на картине. Я подошел поближе и увидел сцену охоты. Трое людей и свора собак. Всадники, один из которых был в красном, почему-то неприятно ассоциировались с англичанами, на кого они охотились, было непонятно, в собаках я не разбираюсь. Ценность картины, скорее всего, заключалась в том, что она маскировала трещину на стене. Я чуть сдвинул ее и обнаружил, что прав.

Кроме того, вместо веревки картина держалась на куске красного детонирующего шнура. Однако забавно.

Ханс-Виктор Свобода, командир взвода противовоздушной зенитной артиллерии

Я опаздывал на сутки. Всю ночь я провел в переполненном поезде и никак не мог заснуть. Все поезда переполнены, вне зависимости от того, в каком направлении идут. Война всех заразила лихорадкой движения — многие знакомые семьи за последние пять лет переехали два-три раза. Я уж молчу про военных, которых швыряет от Парижа до Минска. Я теперь тоже военнослужащий. Подстригся, скинул звание, прямо-таки помолодел душой и телом. В Париж мы прибыли в шесть часов, но Берлин всё еще не отпускал меня — мысленно я был там. Дальше я мог выбрать ехать до Бове или до Гурне-ан-Бре. Я решил ехать до Бове — от него ближе до Крийона, но когда я прибыл в Крийон, в штаб батальона, оказалось, что командир находится в Сонжоне, в расположении 3-й роты. Узнать мне это удалось не без применения навыков, приобретенных на службе в Главном Управлении Имперской Безопасности. Отвечать на мои вопросы никто не хотел; можно подумать, что местонахождение командира — военная тайна. Даже звонок в расположение 3-й роты оказался чем-то выходящим за рамки уставов и предписаний. Для этого потребовалось вызвать офицера связи. Я потерял уйму времени. Военные вообще слишком много о себе воображают. В конце концов офицер связи позвонил в замок, хотя я бы мог справиться с этим нехитрым делом самостоятельно, и велел дежурному доложить ордонанц-офицеру, чтобы тот доложил командиру... Я вспыхнул и накричал на белобрысого связиста, что командир меня уже давно ждет, я задерживаюсь по независящим от меня обстоятельствам, и вместо того, чтобы валять дурака, лучше бы выдали мне транспорт. После чего связист, изящно изогнув белесую бровь, уставился на меня, как будто я говорил не по-немецки, а по-китайски. В его распоряжении только передвижная станция связи и боевая машина. Неужели у связистов нет ни одного мотоцикла? Ах, мотоциклы! Так это вам к фюреру моторного транспорта! После чего я перегнулся через стол и прошипел ему на ухо: «Вот что, мальчик. Или я уеду отсюда тихо, мирно и на мотоцикле. Или я увезу вместе с собой доклад о вредительстве и саботаже». Нахал ничуть не испугался. «Как, говорите, ваша фамилия? Свобода? Оберштурмфюрер?» Я дернулся, чтобы его поправить, но спохватился. Да, я снова оберштурмфюрер — чуть было не забыл! Меня перевели с потерей звания. Стандартная процедура при переводе из РСХА в ваффен-СС. Новую форму я пока еще не

получил, просто спорол одну полоску в левой петлице. Но еще не привык, что я снова оберштурмфюрер. «Взвод противовоздушной артиллерии? Ваш взвод, оберштурмфюрер, стоит в Кремвилле. Сейчас я вам покажу на карте. Это на северо-запад...»

Я продолжал настаивать, что мне срочно надо именно в Сонжон. Мало того — это надо не только мне. В поезде я читал инструкции для офицеров, переводимых с одной службы на другую. Ни одна мелочь в Райхе не может остаться без инструкции, «положения о...» или на худой случай «пособия по...». Составитель инструкции детально перечислил документы, которые необходимо иметь при себе, предъявить и получить, вкратце описал прием дел, вхождение в должность, знакомство с обязанностями, не забыл даже про внешний вид прибывающего к новому месту службы. Однако ничего не упомянул ни про коварство офицеров связи, ни про то, что фюрер моторного транспорта может заплакать, увидев новоприбывшего. «Вы напугали его, — со смешком объяснил мне унтерштурмфюрер Доллингер, хотя я не успел произнести ни звука. — Он тяжело переживает разлуку со своими подопечными». Я постарался заверить и черноволосого ширрмайстера, и белокурого офицера, что отнесусь к доверенному мне мотоциклу со всевозможным почтением и надлежащей заботой. Они покивали, пожелали счастливого пути и собрались удалиться, когда я раскусил их маневр. «А бензин?» — во время крикнул я. «Бензин? Так это вам к снабженцам!» И опять пошло-поехало. Я потерял в Крийоне три часа, путь до Сонжона составил десять минут! Там не было и десяти километров — я бы быстрее дошел пешком. Я сплеховал и разозлился на себя. Надо было внимательнее посмотреть на карту. К тому же я зарекся впредь спрашивать что-либо у местных. Меня дважды отправили не в том направлении, хотя я хорошо говорю и понимаю по-французски.

Уже начинало темнеть, когда я подъехал к воротам замка. Караульный с большим подозрением рассматривал мои документы, даже чуть не понюхал их, что меня, как бывшего сотрудника СД, не могло не порадовать. Однако как командиру зенитного взвода, подобные проволочки мне досаждали. Затем караульный отправился докладывать дежурному; на полпути к замку я его догнал и предложил идти докладывать вместе. Получится существенная экономия времени. Дежурный записал меня в журнал прибытий и собрался идти докладывать командиру подразделения, когда я спросил, не может ли он сразу доложить командиру батальона. Дежурный отрицательно покачал головой. Он докладывает командиру роты, а тот решит: докладывать ли адъютанту или непосредственно командиру батальона. В обход уставу я освободил его от этой обязанности — дальше я разберусь сам. Пусть нарушение будет на моей совести. Дежурный нахмурился, предчувствуя, что попадет всё равно ему.

У подножья лестницы я столкнулся гражданским. Француз. Местный. Сочувствует Front national. Они все сочувствуют, даже если пытаются доказать обратное. Стоит только нажать, как из них сразу забрызжет “Si vous obeissez à votre consigne, nous obeissons à notre conscience”²¹ и прочие глупости. Да, мы подчиняемся нашим приказам. Поэтому у нас порядок, поэтому и вы подчиняетесь нашим приказам. Ну, а французская совесть продается так же, как и нижнее белье. Французское, кстати, с кружевами — красиво, но слишком много дырок. Вот и совесть у них такая же. Однако стоявший передо мной образец патриотизма был чуть сложнее. Обычно проблема патриотов в том, что они бы с радостью продали amour sacré da la Patrie²² за тридцать серебряников, но больше пятнадцати никто не дает. Но мсье Делиба был не из таких. У него был характерный фиксированный взгляд, выдающий склонность к насилию, неподвижная мимика и напряженная посадка головы. Общая скованность. Сдерживаемая агрессивность и жестокость. Таким людям есть что скрывать. Но общий тип профессионального убийцы смягчала безвольная линия рта со слегка опущенными вниз уголками и дряблый подбородок. Я бы сказал, что на открытый конфликт мсье Делиба не пойдет, а предпочтет

²¹ Если вы подчиняетесь вашим приказам, мы подчиняемся нашей совести (фр.).

²² священная любовь к Родине (фр.)

ударить в спину и желательно чужими руками. И с такими мне приходилось иметь дело во время службы в крипо.

Я поднялся по лестнице на второй этаж. Вторая дверь с правой стороны, как мне объяснил мсье Делиба, — там комната, которую занял командир батальона. Сейчас в ней должен находиться адъютант; мсье Делиба встретил его, когда менял постельное белье. Я специально прошел мимо двери дальше по коридору. Тишина струилась между светлыми стенами. Чуть дальше за легкой деревянной дверью разговаривали люди. Двое. Я вернулся к двери в комнату Хайна и подергал за ручку. Дверь оказалась заперта. Внутри кто-то был. Адъютант? С кем-то еще? Дверь открыл светловолосый молодой человек в одной рубашке и с пистолетом в руке. Довольно неожиданный прием. Адъютантом явно был не он, а его приятель, прятаясь что-то за спиной. Связку гранат? Чёрт! Они были не рады моему появлению. Это легко читалось на их лицах. Мне сегодня никто не рад. Первым, скорее всего, был оберштурмфюрер Рааш, молодой офицер из категории «многообещающих»: обещают много, делают мало. Он явно что-то имел против меня, хотя я видел его впервые. Вторым, оберштурмфюрер Лихт, предпочел бы увидеть не меня, а мой труп. Вот так я сразу пришелся не по нраву своим боевым товарищам. Враждебно настроенный Рааш дерзко и с вызовом представился командиром батальона. Лихт со страдальческим выражением лица закатил глаза. У адъютанта было красивое, выразительное лицо — одно из тех лиц, когда видишь недостатки, но предпочитаешь не придавать им значения. Тонкий, дерганый рот выдавал индивидуализм, граничащий с эгоизмом. Он был полной противоположностью мсье Делиба. Француз носил маску неподвижности, Лихт скрывал истинное лицо за эмоциональными гримасами. Он слишком точно выражал свои мысли и эмоции, не оставляя наблюдателю ни малейшего пространства для сомнения и интерпретации. Это вызывает не меньше вопросов, чем преувеличенно скупая мимика.

Чтобы освоить азы физиогномики, мне потребовались годы и годы. Есть люди, которым на это требуются минуты. Хайн открыл физиогномические таблицы только один раз. «Ну, как тебе объяснить, Свобода... Я вижу, хороший передо мной человек или плохой». И он никогда не ошибался. Но при этом ни черта не мог объяснить. Я так и не понял, как это ему удавалось. Лично я сам медленно и упорно корпел над таблицами, фотографиями и натурой. И всё равно большим специалистом в этой области не являюсь. У Хайна же это был единственный полицейский талант. Мы ведь псы — мы берем след и травим стаей, а он вечно гулял где-то сам по себе. В основном ему поручали нудные рутинные дела, которые он вел на грани провала, каждый раз оборачивая провал успехом исключительно благодаря личному обаянию. У него была кличка *Ausländer*²³. И потому, что он служил в шестом департаменте "*Ausland*"²⁴, и потому, что много где бывал, проплавал почти целый свет; ну и потому, что он всегда был немного не такой, как все.

Едва он вошел, две оберштурмфюрерские головы, слово их дернули за ниточки, повернулись к нему. Меня в этот момент просто выключили из поля их внимания. Да, его всегда любили. Начальники, подчиненные, сослуживцы, приятели, случайные знакомые. Его все любили. И я его тоже любил. И женщина, которую я любил, тоже любила его.

Он улыбнулся, поздоровался и пожал мне руку, словно мы вчера расстались. Я попытался согласно инструкциям, прочитанным ночью в поезде, рапортовать о своем прибытии для несения службы, но вышло скомканно и несолидно. Я знал его с детства. Он давал мне покататься на своем велосипеде, который был на самом деле не его, а брата, но он всё равно разрешал мне его брать. После этого говорить «разрешите представиться» или «представляюсь по случаю прибытия» было бы верхом нелепости.

В мгновение ока он спровадил своих офицериков.

²³ Иностранец (нем.)

²⁴ Заграница (нем.)

- Этой парочке не помешала бы хорошая дисциплинарная взбучка, — заметил я довольно миролюбиво перед тем, как перейти к более сложным материям. Но он тут же колко ответил:

- Оставь их в покое.

- К твоему сведению, тот тип, который пониже, за минуту до твоего прихода представился тобой и сказал, что он кома...

- Я сказал. Оставь их в покое! Это мои дети.

- Внебрачные, я полагаю? — хохотнул я, а он раздраженно потер лоб.

Эта мысль совершенно меня развеселила. Я уже было прикинул, как развить ее дальше, когда он враждебно сказал:

- Я уже отвык от твоих шуточек, Свобода, и мне не хочется привыкать к ним снова.

Мне как будто в рот насыпали пригоршню песка.

- Да ладно, в чём дело... — я с трудом пережевывал безвкусную, колючую массу, — я ничего не имел в виду... — Но не удержался и ехидно спросил: — Только эти двое или еще кто? Ты уж сразу скажи, чтоб я был в курсе...

У него было такое лицо, как будто он сейчас меня ударит. Я инстинктивно отклонил корпус. Вот так — из ничего вырос конфликт. Точнее, рос-то он давно, но сегодня у меня уже не осталось сил сдерживаться, мне хотелось пошутить и сбросить нервное напряжение, а закадычный друг, который про меня знает больше, чем я сам, стал придирается к словам и решил оскорбиться. Вот всё и вскрылось в считанные секунды. Я думал об этом, думал, что рано или поздно могут возникнуть сложности — старые, так сказать, раны дадут о себе знать. Но не в первую же минуту! Получилось, что батальон принял меня в штыки.

- Пока здесь уберут, — он обошел разбитую адъютантом бутылку и вытекшую из нее лужу, — мы можем прогуляться по замку и выбрать тебе комнату, — его голос был ровным и обычным, и я почувствовал, что он за стеной. Всё, что было, прошло. Отмерло. Теперь мои шутки его из себя не выведут. Между нами вспыхнул и в мгновение ока выгорел сухостой прошедших лет, оставив лишь холодный серый пепел. Где-то под слоем этого пепла еще что-то билось и стучало, пытаюсь вырваться и выжить, но слабело с каждой секундой.

Мы вышли в коридор, и он тут же остановил оказавшегося рядом унтерштурмфюрера в очках.

- Унтерштурмфюрер Бельбе тебя проводит.

«Мы» — это оказались я и унтерштурмфюрер Бельбе, а не он и я.

- И еще, Бельбе: если увидите доктора — передайте ему, что я его ищу. Пусть он тоже начинает меня искать. Я пока позвоню, потом буду у себя.

Унтерштурмфюрер ответственно закивал, словно ему доверили информацию необыкновенной важности.

Хайн спустился по лестнице на первый этаж, а я стоял и смотрел ему вслед, несмотря на всевозможные пригласительные жесты унтерштурмфюрера Бельбе.

- Вот что, унтерштурмфюрер ... Распорядитесь, чтобы мой чемодан — он на мотоцикле, который я оставил у ворот, — распорядитесь, чтобы его принесли в комнату штурмбаннфюрера фон Вестернхагена. А на счет комнаты для меня можете не беспокоиться. Я надолго не задержусь.

Унтерштурмфюрер Бельбе слегка растерялся, а я стал спускаться вниз по лестнице.

Всё началось, конечно, не в СД, а намного раньше. Всё началось в детстве. Он был на три года старше, на три головы впереди. Мне надо было во что бы то ни стало его догнать, поравняться с ним. Зачем? Не знаю. Зачем бежит гончая? Потому что она так устроена, не может не бежать. В двадцать седьмом он ушел в море, а я остался на берегу — бегать взад-вперед вдоль кромки воды и ловить обрывки ветра, приносившего о нём известия. Я ждал его, вынюхивал, выискивал и неизменно находил. Ему было семнадцать — он был моряком, мужчиной; мне было четырнадцать — меня в школьной

форме не пускали в кабаки. Он рассказывал истории о своих приключениях, у меня с болью трепыхалось в груди сердце, готовое выскочить от зависти и восторга. Таити, Аргентина, Китай. Вокруг него всегда собиралась компания, слушавшая его с открытым ртом. Люди липли к нему, как моллюски к кораблю. «Мой друг», — с гордостью думал я, пока Хайн, забравшись на стол, рассказывал, как они в Шанхае вздули английских матросов. Он стал записывать свои рассказы и носить по редакциям. Иногда их брали и печатали. В тридцатом я уже учился в двухгодичной полицейской школе в Хамбурге. У меня была казенная комнатка с тремя такими же, как и я, соседями. По вечерам я иногда перебирал вырезки из газет, напечатанные на машинке или написанные от руки листы. Если соседи с любопытством заглядывали и просили почитать, я всегда говорил: «Мой друг написал». В тридцать третьем он пропал. Пропал совершенно. Его не было нигде. Я тянул влажный воздух с моря, и иногда мне казалось, что он где-то совсем рядом, а иногда казалось, что его нет в живых. В мае тридцать четвертого он вынырнул из-за стены проливного дождя в новой, с иголки, черной форме. Моя полицейская форма сразу же показалась мне мешок мешком. «Поздравь меня, Свобода! Меня повысили. Я теперь роттенфюрер. Первое унтер-офицерское звание. Отметим, а?» Мой друг служил в СС, а я собирался поступать в полицейскую академию, но на следующий же день подал заявление в СС и стал СС-анвертер. Через год я стал действительным членом СС, а Хайн к тому времени уже учился на офицера в юнкерской школе. Он закончил школу в Бад-Тельце в тридцать шестом, я — в тридцать восьмом. Я сократил разрыв на год. Он получил распределение в СД в шестой департамент, я — туда же, но в пятый. В тридцать девятом мы шли почти ноздря в ноздю. Нет, конечно, — он был на два звания старше, но во многом другом мы стали выравниваться. Он притормозил свой безумный бег, а я как раз стал набирать обороты. Еще немного — и я бы обязательно догнал его. Но в сентябре он сделал прыжок в сторону. «Я написал прошение о переводе в ваффен-СС». Война. К контрразведке у него душа не лежала, она была ему в тягость. Меня, наоборот, пугала война. Я полицей, я собаку съел в криминалистике — что мне делать на войне? В первый раз его просьбу отклонили, он требовал снова и снова. В мае сорокового он получил временное прикомандирование к штабу «Ляйбштандарте», затем в июне получил перевод. Всё, он ушел воевать, я остался в Берлине. Как в двадцать седьмом. Теперь — только подумать! — я тоже служу в тяжелом танковом батальоне. Я, конечно, при переводе рассчитывал на какую-нибудь непильную должность интендантского характера в штабе — административка или что-то в этом роде. Мы говорили об этом на прошлое Рождество. Хайн сказал, что найдет что-нибудь для меня — незанятых должностей еще сколько угодно. И неделю назад вручил мне зенитный взвод. Настоящие пушки, все дела. Я буду участвовать в боях. Каждый год я проходил обязательные двухнедельные учения в зенитной артиллерии, но всё-таки ... какой я к черту вояка? Я полицей. Но дело не в этом. Дело в том, что я опять чуть было не настиг его, а он опять от меня уходит. Не так быстро, штурмбаннфюрер фон Вестернхаген!

Я спустился по лестнице и застал его у стола дежурного с телефонной трубкой в руке. Сам дежурный, согнанный с насеста, открывал наружную дверь, собираясь покурить. Рядовой с ведром и тряпкой потопал наверх мыть пол и собирать осколки.

- ... два, шесть, — услышал я, последние цифры берлинского номера, который Хайн говорил телефонистке.

Я подождал, пока дежурный выйдет наружу. По холлу со свистом пробежал предгрозово-вихрь. Я взял трубку у Хайна из руки и опустил ее на рычаг.

- Никто не ответит. Она в больнице

Я решил сказать всё, как есть. Плевать, что он подумает или почувствует. Не буду подбирать слова и деликатничать. Изложу факты и уеду. Надеюсь, я еще успею в Крийон до грозы.

Неделю назад я позвонил ей, чтобы спросить, не хочет ли она что-нибудь передать мужу, поскольку я отбываю в батальон. Я звоню ей раз в год — на день рождения и раз в год отправляю открытку — на Рождество. Думаю, это не слишком много. На прошедшее Рождество открытки не было, поэтому я

решил, что имею право на дополнительный звонок. Но на самом деле я рассчитывал на встречу. Если она захочет что-то Хайну передать, то я ее увижу. У нее есть мой номер. Я всегда знаю ее, ну, и его, номер и адрес и стараюсь, чтобы они не забывали мой. Просто на всякий случай. Мало ли когда может понадобиться офицер госбезопасности. Но она не перезвонила. Я ждал до последней минуты с уже собранным чемоданом, что вот-вот раздастся звонок и она скажет, что подъедет на Центральный вокзал. Телефон молчал. Я вышел из квартиры, добрался до вокзала — поезд уже был подан на платформу. Вдруг ко мне подошел приличного вида господин в штатском с совершенно безумным, растерянным взглядом поверх очков. «Свобода? Простите... это вы? Ваша фамилия? Я Эрих. Я боялся, что я вас не узнаю. Мы встречались когда-то очень давно, я Эрих фон Вестернхаген, вы мне срочно нужны». Узнаю семейный почерк. Алекс — жена Хайна, разъяснил мне доктор фон Вестернхаген, как будто я мог это забыть — Алекс попала в больницу, в токсикологию, с острым отравлением, чем-то там осложненным. Я взял Эриха под руку и сказал: «Едем!» По дороге он мне рассказал, что нашел мое имя в ежедневнике Алекс, оно стояло напротив сегодняшней даты, там же были записаны вокзал и время отправления поезда. С Эрихом связался персонал больницы. Она была без сознания, когда приехала бригада скорой помощи, дверь открыла служанка. Эриху не разрешили ее видеть, только передали список необходимых вещей. Он отправился к ней, собрал, что требовалось, и заметил на столе рядом с телефоном ежедневник, в котором мое имя было обведено, а рядом стоял восклицательный знак. Что-то для нее важное. Он решил помочь и, не зная, в чём дело, примчался на вокзал. Я снялся с поезда и поехал вместе с ним в больницу. Мы вместе разговаривали с врачами. Он разговаривал, я слушал. Потом мы наконец смогли ее увидеть. Алекс была очень слаба. Рукой с воткнутой иглой от капельницы она что-то писала. Она приготовила небольшой сверток и письмо для Хайна, они остались в квартире. Собиралась еще накануне вечером позвонить мне, чтобы я забрал, но вместо моего номера ей пришлось набирать скорую. Теперь она писала новое письмо. «Не говори ему ничего!», — попросила она, но я сказал, что мне придется как-то объяснять причину опоздания. Я просто не смогу ему соврать. Технически. У меня еще ни разу не получалось. К тому же, он имеет право знать. Она кивнула и продолжила осторожно, чтобы не сдвинуть иглу, водить карандашом по бумаге. У меня едва слёзы из глаз не брызнули. Она не страдала, не походила на больную, она была просто не отсюда.

Всё это было совершенно не обязательно выкладывать ее мужу, но если я заведусь, меня не заткнуть. Он слушал молча с тем сосредоточенно-понимающим, сопричастным выражением лица, которое я больше всего у него люблю, которого мне так не хватает у других — людей поверхностных и неглубоких, неспособных пропустить через сердце то, что слышат уши. Хайн умеет слушать так, что невольно наговоришь даже то, что не собирался, то, что хотел оставить только для себя; всё самое сокровенное из глубины души само лезет к нему навстречу. Он молча протянул мне пачку сигарет. Чёрт, я вроде как только что бросил... Он дал мне прикурить и затянулся сам.

Она твердила, что с ней всё в порядке и чтобы я не смел пугать Хайна глупостями. Все доктора дураки и ничего не знают — Эрих сделал вид, что к нему это не относится, — она прекрасно себя чувствует и завтра же выпишется. Боюсь, дураки были на этот счет другого мнения. И все-таки я должен был ехать во Францию. Я должен был остаться и должен был ехать. Мне повезло — той же ночью с субботы на воскресенье был дополнительный состав до Франкфурта-на-Майне, откуда я добирался до Люксембурга, где снова сел на поезд и через Нанси и Реймс доехал до Парижа. Мест не было, но я втиснулся — габариты у меня небольшие, а форма СДшная; я натянул фуражку на нос и притворился спящим. Притворился перед самим собой, чтобы не заплакать.

Второе письмо, которое она передала мне, сложив текстом внутрь, не было запечатано. Я положил его во внутренний карман кителя. Еще в Берлине, как только поезд тронулся, я решил прочесть его, но не решился достать. Вопрос этичности чтения чужих писем пятый отдел не волнует. К тому же они мне не чужие. Но я не решился достать письмо, чтобы не разрушить волшебство. Оно словно грело меня

сквозь подкладку, оно лежало у самого сердца, и мне казалось, что оно адресовано мне. За окном вагона мчался, чуть покачиваясь, май. Я ехал воевать и увозил с собой письмо любимой. Если я его разверну, то иллюзия счастья рассеется. Там будут просто слова, которые чужая женщина написала незнакомому мне мужчине. Я даже знал заранее, что это за слова. «Не волнуйся, всё хорошо, люблю, целую». Нет, в моем письме — в том, которое прижимается к моей груди, — все не так. Оно глубже, нежнее, пронзительнее. Однако в Люксембурге, пока я перекусывал на вокзале, я понял, что должен немедленно прочесть письмо, иначе я до Парижа просто не доеду. Вместо меня с поезда сойдет штурмбаннфюрер СС в танкистской форме со шрамом на левом виске и обручальным кольцом на безымянном пальце левой руки. Я просто превращусь в него, а он будет недоумевать, почему его никто не встречает. Надо прочесть письмо и поставить зарвавшегося Свободу на место. Кроме первой фразы, где Алекс написала, что с ней «всё очень-очень в порядке», всё остальное письмо было на испанском. Ты идиот, Свобода! Письмо предназначено не тебе, тебе не достанется ни крошки. Ты очень хитрый лис, которому не остается ничего, кроме как облизываться на чужой виноград. Конечно, ты им не чужой, ты им почти родня, они знают тебя, как облупленного, поэтому она и не попросила ни клей, ни конверт. Она написала по-испански. Я ползал по неровным буквам пальцем в поиске слов, похожих на французские, французский-то я знаю, но их было слишком мало — смысл письма остался непрочитанным.

- И где письмо? — спросил Хайн, оглядываясь, куда бы пристроить окурок. Всё-таки в некоторых мелочах он ужасно непрактичный. Я взял у него окурок и положил рядом со своим на лист бумаги, потом завернул их и надписал «Мусор. Отправить в ведро».

- Пусть этим займется дежурный, когда вернется. — Как раз в этот момент наружная дверь открылась, впуслав вместе с мокрым дежурным несколько литров воды. — Ого! Ну и гроза! Письмо, оба письма и пакет, у меня в чемодане. Я попросил, чтобы его отнесли к тебе в комнату. Мой чемодан! — спохватился я. — Надеюсь... Надеюсь его успели спасти от дождя. Эй, роттенфюрер! — позвал я дежурного.

- Ваш багаж принес роттенфюрер Хаупт, — доложил тот.

- Надежный человек, — с улыбкой кивнул Хайн, — твой багаж в безопасности.

- Ну, багаж — это слишком громкое слово, — смутился я. У меня был лишь один небольшой, потрепанный чемодан. Мне вдруг стало неудобно за свою откровенность — я нес Бог весть что, даже сам не уже не помнил, что именно. Меня словно охватила лихорадка, я бредил. Сейчас лихорадка прошла, и мне стало стыдно за то, что я сделал или мог сделать, пока был в беспамятстве.

Мы поднялись наверх, Хайн открыл дверь, собираясь войти.

- Стой! — тихо сказал я.

Это был навык, доведенный до автоматизма и перешедший в рефлекс.

Рихард Лихт, адъютант батальона

- О чём ты только думал? Ну ты, ну ты просто... у меня слов нет! — мое возмущение скатилось с Ханно, как с гуся вода.

- Я хотел, как лучше. Мне не понравился этот тип из гештапо, я думал, мне удастся от него отделаться ...

- Во-первых, он не из гештапо, а из крипо, а во-вторых, он командует нашим зенитным взводом. Его перевели. Я вспомнил, когда услышал его фамилию.

Ханно пробормотал под нос что-то вроде «вот чёрт» и замолчал.

Хайн поручил нам вместе с Бельбе найти приличные бокалы и тащить наверх привезенное вино. Мы решили, что справимся без Бельбе, и, спустившись на кухню, принялись шарить по полкам. Я

сначала расстегнул китель, а потом и вовсе его снял по примеру Рааша. Официальная часть суток закончилась — теперь можно немного и расслабиться.

- Что-то я не вижу ничего подходящего. Есть два стакана, пивная кружка и чашки с цветочками, — я показал одну Раашу, и тот кисло улыбнулся. — Где бокалы, командир? — спросил я с напускной строгостью.

- Понятия не имею. Я командую танками, а не посудой...

- Что значит «понятия не имею»? А кто имеет?

- Я могу вам помочь? — вдруг раздался голос у нас за спиной, и я чуть не вздрогнул.

Посреди кухни стоял француз, смотритель замка. Как он вошел так бесшумно и откуда он вообще появился?

- Мы можем у вас попросить бокалы для вина на вечер? Нам надо... — Рааш запнулся, подсчитывая количество офицеров.

- Семь, — ответил я.

- Семь, — повторил француз, что-то прикидывая в уме. Он двинулся было к одному из шкафов, но остановился, повернулся к нам и сказал:

- Ми давно уже не пили из бокалов. Время сейчас такое... Бокалы, хрусталь, серебро — всё сложено в коробки и... — он показал рукой — мол, убрано куда подальше.

- Ну, можно ведь достать семь бокалов, мсье Делиба. Куда они убраны?

- Они в подвале, мсье командёр. Это мои лишние бокалы, вы понимаете...

- Давайте пошлем за ними, а завтра вернем всё, как было, — продолжал настаивать Рааш.

- Мсье командёр, я вам давал ключ. Я вам доверяю. Я бы не хотел, понимаете, солдаты, чтобы они, ну, рыться в вещи, копать...

- Хорошо, покажите, где лежат бокалы, а завтра я сам положу их на место.

Бокалы там должны были быть произведениями искусства восемнадцатого века, не меньше, если мсье Делиба так над ними трясся!

- Хорошо, — с небольшим промедлением ответил француз, и мне показалось, что он как-то противно улыбнулся. — Ящик лежит высоко. Мсье Лишт будет держать лестницу, мсье Рааш — доставать, я — светить.

- В подвале нет света? — спросил я.

- Одна лампочка, одна, а подвал большой.

- Настоящая поисковая команда, — пошутил Рааш, и мы отправились в холл, где была большая лестница, под которой прятался вход в подвал.

- Я забил ключ... — воскликнул Делиба.

Рааш хлопнул себя по карманам брюк, проверил еще раз и потом сказал:

- Мой, наверно, в кителе... Или в бумажнике. Я сейчас поднимусь...

- О, не надо! Я нашол! — еще раз улыбнулся француз, и мне стало не по себе.

В подвале он завел нас в дальний угол, куда, судя по выражению лица Рааша, он еще не залазил. Там, завешенные старыми скатертями, стояли высокие стеллажи, прикрепленные к стене. Света тут действительно было маловато, и фонарь, прихваченный французом, нам сильно пригодился. Ханно взял стремянку и полез наверх. Делиба указал, какой именно ящик, Ханно заглянул в него, кивнул, снял с полки и осторожно протянул мне, чтобы я спустил его на пол.

Вдруг француз с силой ударил меня по шее фонариком и толкнул так, что я сшиб лестницу. Рааш, лестница, ящик — всё посыпалось на меня. Я невольно закричал от боли. Перекладина лестницы под весом Рааша впечаталась мне в живот. Послышался стук убегающих подметок. Рааш, постанывая, поднялся и поднял лестницу. Он стал меня поднимать, и тогда я завопил не своим голосом.

- Не трогай меня!

- Что случилось? Ты что-то сломал? Рёбра?

Я сделал выдох, и боль на мгновение утихла, но затем затрепыхалась опять.

- Нет. Живот.

- Кровь есть?

Свет не горел. Француз сбежал, и единственная тусклая лампочка погасла. Глаза постепенно привыкали к темноте.

- Не знаю. Вроде нет. Иди позови кого-нибудь, медиков...

Рааш заковылял к двери, которая оказалась заперта.

- Мы заперты! Он запер нас. Этот паскудный французишко... Какого дьявола!

Он принялся трясти дверь и кричать «Откройте!»

У подвала было две двери. Одна внизу лестницы — прочная, обитая железом, другая наверху — попроще, деревянная, но тоже приличной толщины. Верхняя не запиралась, хотя теперь в этом уже нельзя было быть уверенным. Мы могли кричать весь день — и нас бы никто не услышал. Нас, конечно, хватятся рано или поздно, начнут искать... Мне очень хотелось, чтобы не было поздно. Осколок стекла, длинный и узкий, напоминавший ножку бокала, торчал у меня из правого бока. Крови почти не было — совсем чуть-чуть, но я решил не дергать осколок, а подождать медиков.

Пока Рааш колотил в дверь, ко мне подобралась слабость. Я хотел ему сказать, чтобы он поискал вентиляционное отверстие, — туда можно покричать, может быть, кто-нибудь услышит, — но сил позвать его не было. Лежать на полу было холодно и неприятно. Сердце задержалось, словно куда-то торопилось. Я расстегнул пару пуговиц на рубашке, засунул руку внутрь и попытался понять, где именно болит. Ко мне снова подошел Рааш, отчаявшийся докричаться или выломать дверь.

- Болит?

- Ты сам-то как?

- Я в порядке. Мне повезло. Просто чудо какое-то, что я ничего не сломал.

Он присел рядом со мной.

- Что же нам теперь делать? — он поднял с пола чашу разбитого бокала. — Красивые были бокалы. Может, один уцелел... Что случилось с этим мсье? Он сошел с ума?

- Он мне сразу не понравился,—прошептал я, обливаясь холодным потом.

Вдруг раздалась какие-то новые звуки. У дальней стены. Глухой стук и приглушенный голос. За стеной кто-то стучал. Там, что ли, еще один подвал? Еще одно отгороженное помещение? Рааш пошел на звук. Я, забыв о боли, тоже попытался хотя бы чуть отползти от того места, где упал, но боль резко напомнила о себе. Рааш опять что-то принялся кричать, но я не понимал, что именно. Он был далеко, огромный, заваленный всяким хламом подвал съедал его голос. Я снова почувствовал слабость, к которой добавились отчаяние и презрение к себе. Надо преодолеть боль и встать. Я же солдат! Офицер ваффен-СС. Я перевернулся на бок и, сцепив зубы, приподнялся на руке и замер. Боль тоже замерла. Она ждала моего следующего движения, чтобы снова наброситься и вцепиться в живот. Я не хотел быть солдатом. Провалив очередные экзамены весной сорок первого, вместо того чтобы ехать домой, я пошел в вербовочный пункт. Свой физтех я больше видеть не мог, отца тоже. Я думал, что нашел отличное решение всем проблемам, особенно семейным. Я больше не буду зависеть от отца — теперь мне на всё наплевать, я солдат. Я думал, что вермахт — надежное убежище, думал, что надев форму, навсегда избавлюсь от него, затеряюсь среди рядов одинаковых спин и затылков. Но не успел я как следует разносить новые сапоги, как он приехал за мной, причем не один, а с целой свитой. Он всегда так делал: отгораживался от меня чужими людьми, полагая, что при них я буду сдерживаться и изображать хорошего сына.

Вместо приветствия он безапелляционно заявил:

- Я разговаривал лично с райхсфюрером СС. Тебя переводят в моторизованную бригаду «Ляйбштандарте Адольф Хитлер», которая сейчас доблестно сражается в Греции.

Я застыл в недоумении. Я был не готов бросить всё и бежать куда-то сражаться. Солдатская жизнь до сих пор состояла для меня в искусстве заправлять постель, чистить обувь и пряжку ремня, чего я никогда в прошлой гражданской жизни не делал — у нас всегда была прислуга. Еще надо было бегать, отжиматься, что я терпеть не мог, но... Прямо сейчас в бой? Я заряженной винтовки никогда в руках не держал, мы упражнялись с ними как с палками.

На фронт меня, конечно, никто не отправил — два месяца я продолжал осваивать азы солдатских премудростей в берлинских казармах, а в сентябре меня отправили в юнкерскую школу СС. Отец, видимо, опять поговорил с райхсфюрером. Со мной он больше не разговаривал. Так я стал офицером. Вторую половину сорок второго, пока ЛАХ переформировывалась во Франции, я ошивался при штабе и был в полном восторге от собственного отражения в зеркале. В конце декабря нас швырнули на Восточный фронт, в белый ад Третьего наступления на Харьков. Меня никто не предупредил... ни одна ж сука меня не предупредила, что ... что война — она такая! Когда командир батальона, я тогда служил в 3-м панцергренадерском, дал мне какую-то ленточку с крестиком, я хотел швырнуть их ему в лицо. Кому на хрен нужна какая-то ленточка, когда здесь такое! Бежать! Бежа-а-ать! Как можно дальше и как можно быстрее! Я не мог спать: как только закрывал глаза — казалось, что я бегу-бегу-бегу, изо всех сил, сердце разрывается, воздух не проходит в легкие, а я всё бегу, неизвестно куда. Я слинял из 3-го панцергренадерского в 1-й танковый — в 1-й батальон 1-го танкового полка. Я уже научился беззастенчиво сообщать, что мой отец умеет разговаривать с райхсфюрером. Новый командир тоже дал мне крестик. Ну просто зашибись! Ребята, на фиг мне это железо? Когда я увидел у себя на кителе Железный Крест и два нагрудных знака, меня как громом поразило. Я воевал? Сражался? Я не узнавал себя. Как я всё это делал? Кто этот человек? Я всю жизнь любил рисовать пейзажи с видами Эльбы, валяться на диване с книжкой и ездить на вечеринки на БМВ 327, ключи от которого брал тайком у отца. Откуда у меня, у того меня, который обожал Ремарка и читал Олдингтона в оригинале, знак «За танковый бой»?

Химеры воспоминаний окружали меня всё плотнее и плотнее, сердце забилося чаще, где-то раздавались непонятные звуки, что-то падало, рушилось, но я не смог сконцентрироваться и понять, что происходит. Всё это было не со мной. Я лежал на кушетке в маминой мастерской; она смешивала краски, изредка бросая какие-то малозначительные фразы, а я читал Гамсуна, Ибсена или ее любимого Тургенева. Постоянный грохот на заднем фоне мешал мне погрузиться в текст, строчки расплзались перед глазами, и взгляд постоянно упирался в белую пустоту.

Кто-то стал дергать меня за ноги, словно песочный человек из детских сказок.

- Так нельзя, — сказал чей-то голос, — его надо положить на что-то.

Чьи-то ладони скользили по моей рубашке, рукам, ногам, ощупывали голову.

- Давайте перенесем его к свету, но только на чём? Может быть поврежден позвоночник. Рихард, вы слышите меня?

- Слышу, — ответил я.

- Пульс учащенный...

- Смотрите, это пойдет?

- Отлично, подводите под ноги. Теперь я. Чуть приподнимите голову. Рихард, где болит?

- Доктор? — прошептал я. — Как вы тут...

- Я был за стеной, мы с Раашем совместными усилиями проломили стену. Вы упали с лестницы?

- Нет, я упал с лестницы, — ответил Рааш, и я смутно припомнил, что недавно случилось и где мы находимся, — прямо на него, вместе с лестницей. Он стоял внизу и...

- Хорошо, несем.

Они отволокли меня в соседнее помещение, где горел свет и в целом было намного чище, насколько я мог разобрать, лежа на какой-то доске или фанере. Доктор снова принялся меня осматривать. Он нажимал на живот, спрашивал «здесь?», «а так?», я отрицательно мычал — нет, так не больно, болит, когда начинаю двигаться. Лежать вполне терпимо. Затем доктор убрал руки — и вот тогда боль молнией разрежала меня пополам. Я опять закричал.

- Боль при отжати. Притупление перкуторного звука. У вас кровотечение в брюшную полость,— сказал он и нервно постучал пальцем по полу.

- И что теперь? — прошептал я.

- Теперь... В стационар. Оперативное вмешательство.

- Операция? — переспросил я хнычущим голосом. — Может, само пройдет... Без операции?

- Если не остановить кровотечение, остановится сердце. Надо побыстрее вытаскивать его отсюда, — эти слова уже были обращены к Раашу.

- Этот француз что-то задумал, — ответил Ханно.

- Несомненно.

Доктор нахмурился и принялся теревить ручку двери.

- Надо выбить дверь. Проще здесь — здесь она тоньше. Мы сейчас под кухней.

Они принялись с Раашем что-то обсуждать, а я снова отключился от происходящего вокруг. Я плыл по реке, лежа на спине. Река, полная облаков, несла меня вперед. Я сначала подумал, что это Эльба, но не было видно ни городов, ни лодок, ни людей. Река текла по незнакомому лесу. Мне захотелось встать, чтобы осмотреться, но я не мог — река влекла меня всё дальше и дальше. Она хранила меня, держала на плаву, не давая опуститься на дно. И вдруг я увидел его. Он спускался по лестнице. Вниз, к самой воде. Благородный зверь с высоким лбом и ясным, разумным взглядом. Я хотел было позвать остальных, чтобы они тоже увидели его, но не мог вспомнить, кто здесь со мной. Я знал, что кто-то еще есть рядом, но не хотел отвлекаться от зверя в страхе, что он исчезнет. Мне хотелось, чтобы он подошел поближе. Опять начались какие-то крики — я боялся, что они спугнут зверя. Я ни секунды не сомневался, что это ягуар, хотя в зоологии не силен. Я не знал, как бы подзвать его, поэтому просто махнул рукой и сказал: «эй! привет!», и он прыгнул в подвал. Не было никакой реки, ни леса — они мне приснились; доктор Эрвингер и Рааш опять колотили стену, я лежал на полу на куске фанеры, а надо мной стоял ягуар и дышал мне в лицо. Он мне кого-то напоминал, был на кого-то похож, но я не мог вспомнить, на кого именно. Я обнял его руками за шею и, опираясь на него, сел.

- Не двигайтесь, Рихард, вам надо лежать.

Доктор подошел ко мне и опять принялся проверять пульс. Я чувствовал всё нарастающую слабость и головокружение. Сердце стало бешено колотиться. «Это всё от нервов»,—подумал я. Не знаю, сколько прошло времени. Зверь исчез, но не до конца. Он стал невидимым, но я чувствовал, что он здесь. Со мной. Я просил его не уходить.

Ханс-Виктор Свобода, командир взвода противоздушной артиллерии

Комната, в которую мы вернулись, отличалась от той, из которой мы вышли. Я схватил его за плечи, оттащил назад и, уперевшись рукой в дверную раму, преградил путь. Здесь что-то было не так.

- В чём дело? — спросил Хайн.

Изменился общий образ комнаты. Я еще не видел деталей, но чувствовал, что пространство стало другим. И тут я понял, в чём именно дело.

- Следы.

На темном, еще не высохшем после мытья полу виднелись следы. Тонкие, едва приметные треугольные контуры.

- Ну, так Хаупт приносил твой чемодан...

- Нет. Это не он, — мой мозг заработал подобно метроному. Стрелка качалась туда-сюда, отщелкивая «верно — неверно». Эх-хех, ненавистная работа. Горький хлеб сыскного дела. Я надеялся, что никогда в жизни больше не буду заниматься этой работенкой, но она въелась в мои кости и стала второй натурой. — Хаупт был на улице, там идет дождь — он принес бы на подошвах грязь. Это сухая, чистая обувь. Он шел на носках, стараясь не шуметь.

- Давай все-таки войдем — думаю, ничего страшного не произошло. В комнате, как ты видишь, ничего нет...

- Зачем тайком красться по пустой комнате?

- Значит, это опять приходили Лихт или Рааш за очередной заныканной где-то бутылкой.

Я выпрямился и посмотрел на Хайна.

- Всё-таки они балбесы. Вот так угрожать дефицитный, высококачественный алкоголь... Всё, молчу. Это не они. Не кто-то из них. Кто-то ниже ростом. Значительно ниже ростом.

- Ладно, пока ты занят расследованием, можно я присяду?

- Ни в коем случае, — воскликнул я. — На стуле тоже следы.

Я указал Хайну на отпечатавшиеся на блекло-синей обивке стула следы подошв.

- Да, — зевая, ответил Хайн, — очень интересно. Предлагаю унтерштурмфюрера Бельбе.

Он снял китель и открыл дверцу шкафа, собираясь его туда повесить, но, не найдя вешалку, передумал и сложил на кровати.

- По росту подходит, но...

- Он пришел доложить, что не смог найти доктора. Почему шел на цыпочках, можешь спросить у него самого.

- Не всё так просто, смотри внимательно. Смотри, как следы идут, они...

Следы исчезали прямо на глазах. Если бы мы зашли на пять минут позже, то ничего бы не увидели. Еще у них была одна особенность — их не было около двери.

- Мы что — играем в юных сыщиков? — Хайн лег поперек кровати с видом полного пренебрежения к моей профессиональной деятельности.

- Нет, мы играем в пожилых скептиков.

Вдруг он рывком сел.

- А где моя фуражка? Она же была на подоконнике...

Он подошел к окну, которое было неплотно прикрыто, открыл раму и выглянул наружу, как будто фуражка могла упасть туда. Я подошел к другому окну. Где-то недалеко за воротами горели фары отъезжающего автомобиля.

- Куда его несет в такую грозу? — пробормотал Хайн, закрывая окно.

- Кого?

- Француза. Смотрителя.

- Это он?

- Да. Кто же еще на помятом «Ситроене»?

- А ты его видел?

- В лицо? Нет, не видел. Я видел его машину — она стояла за пристройкой.

- Вообще-то стоило бы тебе на него взглянуть... И на план замка. Тут что-то не так, — я крутился вокруг себя, пытаясь поймать ускользающую мысль.

- Однако моя фуражка...

- ... в комнату есть еще один вход. Тот, кто был здесь, вошел не через дверь...

- А, ну это само собой! — Хайн прислонился к подоконнику, скрестив ноги и сложив руки на груди. — Я тоже, бывает, хожу через окно. Вопрос в том, зачем он взял мою фуражку и куда подевал?

- Тебя не интересует, кто это был?

- Ну, так Бальбо же!

- Унтерштурмфюрер Бельбе залез в окно и похитил фуражку... — я проговаривал это вслух только для того, чтобы заставить его увидеть, насколько предположение нелепо. — К тому же высоко — второй этаж, только представь, как бы он карабкался по стене

- Абсурдно — значит, надо принять на веру.

- Знаешь, если бы ты в тридцать девятом не ушел из СД, тебя бы выгнали. За профнепригодность.

Я еще раз встал на колени, чтобы осмотреть пол, где были уже совершенно исчезнувшие следы. Больше всего их было около правой стены. Там они немного потоптались. А стул... стул сейчас стоял справа от кровати, как и раньше, до того, как мы вышли из комнаты. Но следы... Значит, наш «кто-то» передвигал стул и вставал на него. Скорее всего, он приставлял стул к стене.

- Нет. Это был не он. Не Бельбе.

- Ни в коем случае не хочу тебе мешать, но я бы немного поспал. Если ты, конечно, не против.

- Я против.

Я привык говорить, когда работаю. Так мне легче. Слова, словно крючки, держат внимание, цепляют мысли и не дают им расползаться. Не обязательно проговаривать всё, но для меня произнесенные слова как ступеньки — я всегда могу по ним вернуться назад, если зашел в тупик или сбился со следа. При этом если кто-то слушает и тем самым запоминает сказанное, то значимость моих артикуляционных движений повышается, они приобретают дополнительный вес.

Я провел пальцем вдоль плинтуса. Там было полно пыли. Рядовой, мывший пол, схалтурил. К тому же я нащупал что-то, поднял с пола — и это оказалась половина пуговицы. Белая костяная пуговица миллиметров пятнадцать в диаметре с четырьмя отверстиями для пришивания.

- Пуговица, — я повернулся, показывая ее Хайну, но тот даже не пошевелился.

Как давно она здесь лежит? Я поднял глаза вверх. Прямо надо мной висели громоздкие часы, старые и сильно попорченные временем. Стул имело смысл приставлять только сюда — больше на стене ничего не было. Я снова посмотрел на обломок пуговицы.

- Это был француз. Больше никому, — сказал Хайн. — Вот жулик! Стибрил фуражку и удирать.

Он шутил. Мне было не до шуток. Картина, которая постепенно вырисовалась, мне не нравилась. Я встал на стул — так же, как десяток минут назад до меня стоял мсье Делиба. Пока что это было только предположение. Действительно, довольно абсурдное. Если учесть, что француз ниже меня ростом, то он должен был упереться прямо в часы, висевшие на стене.

- Слушай, слезай оттуда. У меня есть для тебя настоящее дело. На днях — пятого числа — кто-то выкинул очень нехорошую шутку. Мне пришло письмо, вроде как анонимный донос на офицеров роты, но этот анонимный донос был подписан. Подпись унтерштурмфюрера Гёргенса. Тот клянется, что ничего подобного не писал и не подписывал. Значит, подпись подделана. А это уже серьезно. Ты меня слушаешь? Что мне удалось выяснить, так это то, что письмо напечатано на машинке, числящейся за медиками.

- Письмо? — рассеянно переспросил я, пытаюсь осторожно заглянуть в зазор между часами и стеной.

- Да, письмо — подсунули под дверь в Крийоне. Свобода, оставь ты уже часы. В чистом белом конверте. Кто-то принес и подсунул под дверь.

- А караул? — автоматически спросил я. Там было что-то. Что-то на стене. Я осторожно засунул палец. — Я был сегодня в Крийоне. Караульный в расстегнутой рубашке курил на посту.

- Видимо, пятого он же дежурил. Кто-то отвлек караул. Или он сам отвлекся. Короче, тот кто подсовывал письмо, подозрений не вызвал.

- Женщина, — предположил я, нащупывая на стене что-то тонкое и небольшое.

- Женщина, наоборот, привлекла бы слишком много внимания.

- ... а напарник тем временем подсунул письмо, — снисходительно объяснил я. — И что? — спросил я, оборачиваясь к нему, — ты сразу открыл конверт? Ты же понимаешь, что там мог быть яд, болезнетворные бактерии, взрывное устройство...

Он посмотрел на меня задумчиво, словно что-то вспоминая или сопоставляя.

- Я об этом не подумал.

- Ну вот... — я сделал паузу. Что-то похожее на шнур, шнурок, кабель. Я зажмурил один глаз и попытался рассмотреть, что это. — Маки. Front national. Я уж не знаю, какими еще словами они себя называют. Все те недовольные, которым Англия платит за их недовольство. Не забывай про них.

- Но в этом районе они не орудуют...

- Это вам так сказали. Местная полиция наверняка. Которая же сама их и покрывает. Хайн, пожалуйста, будь осторожнее. Не трогай незнакомые и подозрительные предметы. Это же азы.

Надо посмотреть еще раз.

- Но в конверте оказалось письмо, и в письме...

- А ты уверен, что способен различить сибирскую язву на глаз...

- Ну, всё. У меня уже температура, понос и рвота. А у тебя паранойя. Пока болезнь не зашла в терминальную фазу, давай ты познакомишься с унтерштурмфюрером Гёргенсом, которому я отдал письмо с его же якобы подписью. Вдвоем у вас получится намного быстрее найти нарушителя, чем у него одного. Алло, Свобода, ну что ты вцепился в эти часы? Кстати, они встали. Хотя только что шли.

Я предельно аккуратно, втянув голову в шею, на миллиметр приподнял часы. Они висели на красном шнуре, концы которого свисали и мешали часам плотно примкнуть к стене. Я снял часы, с удивлением отметив, что у них нет задней стенки, и опустил на пол. На том месте, где они висели, виднелся светло-серый квадрат — первоначальный цвет стены. Больше всего меня заинтересовал шнур.

- Что это? — спросил я изменившимся голосом.

Мои подозрения были одно мрачнее другого. Хайн подошел поближе и, нахмурившись, посмотрел на часы.

- Это детонационный шнур. В офицерской столовой на таком же висит картина. Видимо, веревки не было... Здесь саперы стояли полтора года назад — может, от них осталось.

- Что еще от них осталось? — спросил я.

Хайн ничего не ответил. Он потрогал часы и сказал:

- Они только что шли, а сейчас стоят. И, кажется, изолянты было больше. Липкий след...

Замершие стрелки показывали без десяти девять. Очевидно, что они перестали идти после того, как кто-то приходил в комнату неведомым путем, а потом вставал на стул. Практически не было сомнений, что это француз, который только что покинул замок. Я помолчал, вдохнул, а потом сказал:

- Хайн. Я думаю, в замке бомба.

Он ничего не ответил. Я закрыл глаза, ожидая залпа убийственной иронии, но ничего не услышал. Неужели он впервые за всю жизнь со мной согласился? Я оглянулся. В комнате никого не было.

Жан-Антуан Делиба, смотритель сонжонского замка

Вдохнув еще раз кофейный аромат, я пересыпал зёрна в кофемолку и захлопнул крышку пустой банки. Когда-то это был целый набор — восемь светло-бежевых керамических банок с рисунками парижских улиц. В сороковом нам пришлось выметаться из Парижа — кучу вещей побросали, что-то затерялось или испортилось во время нескольких переездов. До сих пор с тех пор сердце щемит, когда вспоминаю нашу квартирку в Бельвиле. Я смолот кофе, достал керосинку и поставил на огонь турку с

водой. В самой маленькой баночке, на которой было нарисовано кафе на Морматре, я держал сахар. Я выскреб последнюю неполную ложку и добавил в кофе. Нехитрый ежедневный ритуал.

Сварив кофе, я вынес на лужайку за замком раскладной стул и легкий плетеный стол, а затем уселся с чашечкой в руке. Отличный будет денек — я давно его ждал и не хочу упустить ни минуты. Пока кофе остывал, я достал из внутреннего кармана пиджака свой дневник — тоненькую записную книжку без обложки, куда я записывал — о нет, никаких мыслей и чувств — только даты и факты. Пустозвоны в нашей редакции могли и приврать ради красного словца — знаю я, из чего они сделаны, эти подпольные газетки, но у меня всё записано четко и точно.

Первого марта — взрыв на кожевенном заводе в Вербери. Наши краснобаи тут же добавили «прощай солдатские башмаки тевтонских наемников».

Пятнадцатого марта — взрыв железнодорожного полотна на линии Крей-Бове: локомотив и девять вагонов сошли с рельсов

Восемнадцатого марта — взрыв на линии Крей-Персан: локомотив и двенадцать вагонов с цементом уничтожены, поврежден мост на въезде в Персан.

Неплохо, неплохо.

Двадцать девятого марта подорвана железнодорожная стрелка на вокзале в Бомоне.

Второго апреля в Клеруа подожжены восемьсот тысяч литров бензина.

В тот же день в Пон-Сент-Максансе сгорели три вагона овса. Пустяк по сравнению с бензином, но у меня всё записано вплоть до мелочей.

Пятнадцатого апреля расстреляли предателя-коллорабациониста; я не принимал участия, но занес и этот факт в свою записную книжку. Может пригодиться в будущем. Не всегда же я буду писать заметки для «Патриота Уазы», когда-нибудь я возьмусь за серьезный труд — хронику оккупационного времени. Я назову ее «Наша борьба».

Двадцатого апреля шесть вагонов с бензином сожжены на вокзале в Крейе.

Двадцать седьмого — взрыв газогенератора на литейном заводе в Норжане, производство остановлено.

Хорошо, очень хорошо. Наша группа славно поработала, но нам не хватает масштаба. Немцам наши укусы только досаждают, они смотрят на происшествия как на неприятные помехи. Нет страха, потому что нет крови. Случайные жертвы не в счет. Но это поправимо. Что еще меня не устраивает в нашей группе — это ее нелепое, излишне громкое название «Освобождение». Хуже могло быть только «Родина», но «Родина» уже оказалось занято. Однако самое главное — я не люблю работать с кем-то. Мне легче всё сделать самому или с одним проверенным напарником. Все эти сходки, встречи с обсуждениями — они мне не по нутру. Не люблю, когда люди смотрят мне в лицо. Скажите, что надо сделать, — и я сделаю, что смогу. Не выношу точных предписаний. Когда мне пытаются ставить рамки, я отвечаю всегда одно и то же: «делайте сами». Десятого в Марсей-ан-Бовези — так разговор не пойдет. В десятых числах в районе Марсей-ан-Бовези или в районе Бове. Я хожу по очень тонкому льду. И я сам решаю, куда и когда наступить. Командовать мной не получится. Пятого приезжает какой-то генерал — пусть хорошенько рванет прямо у него под носом! Нет, друзья, моя голова мне дороже генеральской. Разорвет генерала — на его место назначат нового, а вот если мне придет каюк, то другой такой же не сыщется. Особенно неприятно, что мы постоянно должны сверяться с Лондоном, с его директивами и указаниями. Мы не можем взрывать этот объект — надо запросить одобрение Лондона. Это слишком рискованно, надо сообщить в Лондон. Лондон требует прекратить операцию, Лондон требует продолжать, Лондон сообщает... что они вообще могут знать? Мы хотим прогнать немецких собак, чтобы посадить себе на шею английских? Англичане — наши друзья, наши союзники, они нам помогают. Пламя французского сопротивления не должно погаснуть. Как же! За каждый патрон, за каждую гранату англичане потом с нас три шкуры сдерут.

Я взял вчерашнюю, подсохшую вафлю и макнул ее в кофе.

Как бы там дело ни обстояло на политической арене, всё-таки на местном уровне я заслужил определенную степень свободы действий. Я сам выбираю, что и когда взлетит на воздух. Сообразовываясь с нашими общими целями, разумеется, но учитывая при этом собственные возможности и интересы. Следующий взрыв уже близок — как во временном, так и в пространственном отношении. Но сейчас я могу себе позволить посидеть погреться на солнышке, зная, что не надо никуда спешить. Всё уже почти готово.

Еще с начала марта в воздухе начали витать какие-то смутные слухи и ощущения. Тогда я решил, что скоро настанет час моего сольного выхода.

В начале апреля я сказал Малышке: «Разрешите, мадам, я покажу вам ваш новый дом. Настоящий замок, достойный столь важной персоны». Все окрестности буквально кишели немцами, и их становилось всё больше с каждым днем. Они готовились. Мы — со своей стороны — тоже. Опасно ей было оставаться в лесу, и я перевез ее в замок. Сам я с семьей жил в пристройке — этаж и мансарда, — которую построил своими руками. Времени, правда, ушло немало, но зато дом вышел полностью в моем вкусе, со всеми удобствами, намного более уютный, чем старый, громоздкий замок. В конце апреля меня вышвырнули из моего собственного дома и поселили туда солдатню. Танкистов. Все деревья мне испортили своими чертовыми танками! Груши, яблони, вишни... Изверги! Яблочного конфитюра одна банка осталась, две вишневых я передал леснику Жерому — у него младшая девочка простудилась. Думаю, в этом году я конфитюр варить уже не буду. В этом году всё будет по-другому.

После кофе я глотнул воды, чтобы перебить вкус. Прекрасный кофейный сервиз. Настоящий севрский фарфор. Он достался мне по случаю вместе с блюдом и бокалом с крышкой от одной еврейской семьи, бежавшей в Америку. Эти вещицы настолько чудесны, что я готов любоваться ими целый день. Удивительное богатство цвета, от глубины и яркости захватывает дух, тонкость работы вызывает восхищение. Мне приходится их прятать. Немцы, если увидят, отберут, дети — разобьют, товарищи по партии — засмеют и заплуют, обвиняя меня в буржуазности и в предательстве идей революции. Хотя не знаю, как пара чашек и кофейник могут помешать революции? Но сегодня особенный день. Поэтому я достал одну из кобальтово-синих чашечек с золотой каймой, и неизъяснимый восторг наполнил мое сердце, когда солнечные лучи заиграли на ее боках. Не знаю, удастся ли мне еще когда-нибудь попить из нее кофе. Сервиз был сделан в начале века, еще до войны.

Мы думали, что сможем ее остановить. Мы думали, что если все вместе выйдем на улицы и скажем, что не хотим воевать, то войны не будет. Мы митинговали весь тринадцатый и половину четырнадцатого, а в августе четырнадцатого немцы уже были на Марне. Вот и вся солидарность трудящихся. Вот и все совместные антивоенные выступления пролетариата. Немецкий пролетариат с радостью побросал лопаты и схватился за винтовки. Первый урок я получил, когда убили Жореса. Он часто заходил к нам в кафе, где я тогда работал — мыл посуду. Мне было двадцать, я был членом компартии и мечтал, что смогу стать таким же великим человеком, как он. Когда я увидел его на полу в луже крови, я был поражен, я был охвачен ужасом, но в то же время я внезапно понял, что только словами ничего не добьешься. Внезапно я, убежденный пацифист и антимилитарист, получил урок — языком пулю не остановишь. Чтобы ты ни говорил и какими бы правильными ни были твои слова, пуля заткнет тебя в два счета! Я был потрясен до глубины души. На следующий день я был мобилизован, еще через два дня Германия объявила войну. Весь мир, который я строил и в котором хотел жить, был разрушен до основания. Без малого пять лет я рыл траншеи, блиндажи, подводил подкопы, собирал мины из подручных средств из-за дефицита материалов. В девятнадцатом, когда уже всё закончилось... я не могу сказать, что мы победили в восемнадцатом, потому что проиграли в четырнадцатом. В четырнадцатом мы, европейское пролетарское движение, потерпели крах. Я не ассоциировал себя с Клемансо и его победой, я был на той войне и победы не видел; о победе в обнищавшей, разрушенной

Франции мог говорить только умалишенный... Так вот, когда уже всё закончилось, я получил второй урок — Виллена, убийцу Жореса, оправдали, как внесшего свой вклад в победу. И тогда я подумал: если я завтра убью Клемансо, этого кровопийцу, применявшего войска против рабочих, то, может, лет через десять, мой поступок будет расценен как вклад в победу пролетариата? В двадцатом я загремел в тюрьму как участник «великой стачки» и уже в тюрьме продолжал размышлять на новую для себя тему: может ли насилие сейчас оправдать благую цель в будущем? Как раз так обычно говорят милитаристы: сейчас война, ну а потом — всеобщее благоденствие. Это очевидная ложь, на которую не купишь и шестнадцатилетнего. Но почему же они тогда продолжают воевать, всё снова и снова? Я смотрю на тех ребят, которые сейчас квартируют в замке. У многих из них сильные руки с крупными ладонями, как у меня и у моего отца. Отец был колбасником. Наш ресторанчик был маленьким и неприметным, и публика у нас собиралась самая левая. У меня руки такие же, как у него — крепкие, ловкие, чтобы жилавать мясо и измельчать жир. И у немецких ребят такие же руки — руки детей пивоваров, слесарей и плотников. Так почему же они пошли воевать? Ответ я испытал на своей шкуре еще в четырнадцатом, но осознал позже. Во всем виноваты офицеры. Офицер — это инструмент принуждения. Но не бессловесное орудие типа плетки или кнута, это человек, который должен, может и хочет заставлять других повиноваться себе. Офицер — это даже не человек, это функция. И ответ на этот вопрос дает ответ на вопрос о допустимости насилия. Убивая офицера, ты борешься за мир. Немецкий милитаризм надо бить его же оружием. Разговоры-переговоры тут не дадут ничего. Бессмысленно разговаривать с топором о том, что нельзя уничтожать плодовые деревья. Чтобы он перестал рубить, его надо сломать. Во всяком случае, мы с Малышкой придерживаемся именно такого взгляда на вещи. Я решил, что пора пойти ее проводить.

Я допил воду, собрал посуду на поднос и отнес на кухню, где, к своему ужасу, обнаружил одного из приехавших утром немцев — худого коротышку в очках. В руках у него была стопка нашей ежемесячной газеты «Патриот Уазы». Дело могло обернуться худо. Я замер.

- День добрый, — поздоровался немец. — Я бы хотел ключ от подвала, кх-кх.

- Ключ? Пожалуйста. — Я отцепил ключ от связки и протянул ему.

- Спасибо. И еще я бы хотел узнать, что это такое? — он тряхнул газетами.

Все могло бы пропасть, если бы немец заподозрил, что я связан с подпольем. Ему даже не нужны были факты, достаточно одного подозрения.

- Это газеты, — ответил я. Теперь главное — не делать резких движений. Спокойно. Медленно. Никаких эмоций. — Подпольные газеты, кто-то их печатает и распространяет. Полиция постоянно изымает печатные станки, но через какое-то время они появляются снова. Газеты, листовки... Мсье Рааш приказал раздобыть несколько примеров для проведения идеологических занятий. Ну, а потом... — я пожал плечами и указал на камин, — пригодятся для растопки.

- Кх-кх, — немец прокашлялся и перевернул несколько газетных листов. — Они вообще-то запрещены...

- Разумеется, — ответил я и кивнул.

Немцу понравился мой ответ.

- Но если в качестве материала для изучения, так сказать, оружия противника...

- Конечно, — я стоял всё на том же месте в расслабленной позе и смотрел прямо на немца.

- Оберштурмфюрер Рааш приказал? — вдруг повторил он с сомнением.

- Да. Мсье Рааш хорошо говорит по-французски. Знаете, занятие было довольно ... забавное. Оно проходило тут, в столовой, я кое-что слышал. У мсье отличное чувство юмора. Вы можете ознакомиться. В этих газетах действительно много вранья и фанфаронства.

- Кх, ну, хорошо. Если занятие уже прошло, то избавьтесь от них. — Он протянул газеты мне, и я взял их холодными от пота руками. Я сумел выкрутиться.

- Хотите кофе?

- Нет-нет, благодарю. Я зайду позже.

Он ушел. Я разорвал газеты и поджег их в камине. Я смотрел на огонь и еще раз обдумывал только что случившееся. Я не религиозен, ни в бога, ни в черта не верю. Ни в судьбу, ни в удачу. Я считаю, что свою жизнь мы создаем сами, своими руками. Я повел себя по-умному, мои жесты и внешний вид не противоречили словам. Я не сказал ничего невероятного, мои слова были похожи на правду, хотя ею не являлись. Немец не отличил подделку, что ж, это его проблема. Идеологическое занятие действительно проходило неделю назад, проводил его только не командир роты, а унтерштурмфюрер Гёргенс. Он что-то монотонно бубнил по бумажке, а Рааш заскочил на минутку и сказал:

- На счет «Солдатского радио» ...

Это англичане вещают из Лондона на немецком языке в надежде подорвать боевой дух немецких солдат.

- Кто слушает... — Солдаты тут же отрицательно загнули. Слушают, конечно, и офицеры знают, только некоторые закрывают на это глаза. — ... не провороньте сообщение о начале высадки. И не делайте слишком громко.

Шутка вполне в духе командира роты, нарисовавшего в подвале пакости. Они сами заслужили свою участь. Ту яму, в которую они вот-вот свалятся, они вырыли себе сами. Мне остается лишь слегка их подтолкнуть.

От этих мыслей меня отвлекла жена, неожиданно появившаяся на кухне.

- Шарлин, мы же договорились... Еще позавчера я просил, чтобы эти дни...

- С добрым утром, милый, — она поцеловала меня в щеку, как всегда не дослушав и половины. — Помоги мне донести Жилия. Он в машине.

- Я просил тебя не приезжать. Сегодня... Ты должна немедленно уехать.

Я пошел за ней к нашему «Ситроену».

- У Одетт сегодня первый рабочий день, если ты не забыл.

Одетт, моя старшая дочь от первого брака, жила отдельно. Раньше она работала на кухне на немецком аэродроме в Бове, но я настоял, чтобы она взяла расчет. Теперь она устроилась там же, в Бове, в ресторан при гостинице. Шарлин и двое младших пользовались ее гостеприимством, пока немцы располагались в моем доме.

- ...а мы с Аннетт едем помогать бабушке Мари-Лиз, — жена подрабатывала то сиделкой, то помощницей по хозяйству. — Так что, дорогой, присмотри за Жилем до вечера, а вечером отвези его в Крийон к Одетт.

- Я не могу...

Она открыла дверь машины, с трудом вытащила сына и передала его мне. Затем достала с заднего сидения корзинку для пикников.

- Я не могу оставить его у себя. Сегодня... Сегодня, понимаешь, приехало начальство, понимаешь?

- Жиль — примерный мальчик, он хорошо воспитан, он никому не будет мешать. Я уверена. Кстати, когда ты уже починешь свое ружье — сколько оно еще будет валяться в машине?

- Уже починил, — буркнул я и опять пошел следом за ней, на этот раз к замку. Я не мог ей ничего сказать ради ее же безопасности. Тем более при ребенке. О наших с Малышкой планах на вечер не знал никто; старик Жером, пожалуй, догадывался — он помогал мне везти Малышку, но больше ни одна живая душа. Лучший способ сохранить тайну — никому не рассказывать. Тем более что некоторое знание может быть опасным.

- Я приготовила кексы и бутерброды. Молоко, карандаши, книжка — всё в корзинке. Не забудь дать Жилю витамины, — она проводила нас до кухни, поцеловала сына и сказала, чтобы он был умницей.

- Подожди, — я усадил Жилия на стул.

Шарлин, которая собралась уже уходить, остановилась и обернулась. Я подошел к ней вплотную.

- Возможно, сегодня вечером... или ночью вам... нам придется уехать.

- Ты что — хочешь сказать, что... О нет! Жорж! Это всё из-за этого, из-за твоего...

- Ш-ш-ш,— я приложил палец к ее губам. — Немцы. Они сейчас на учениях, но...

- Я видела следы гусениц. Когда это уже закончится, Жорж?

- Скоро. Я обещаю, скоро. Осталось недолго.

Для некоторых всё закончится прямо сегодня.

- Но это будет не простой день — мне надо многое сделать. Отвези Жилия обратно.

- Нет, мы с Аннетт до вечера заняты.

- Здесь для него опасно.

Она не слушала.

- Вечером... вечером давайте соберемся все вместе — всё-таки первый рабочий день на новом месте у Одетт, небольшое, но всё-таки событие.

Она так и не поняла, что я ей пытался сказать? Ночью им придется бежать из Крийона. Но идея собраться всем вместе была как раз хорошей. Только бы у нее опять не появились какие-то неотложные дела, которые спутают мне все карты!

- Хорошо. Мы с Жилем приедем в Крийон.

- Да-да, мсье Рауль обещал не задерживать Одетт — он же знает, что она помогает нам с детьми.

- Хорошо, — еще раз повторил я. — Оставь мне только машину.

- Да-да... как же я не подумала! Машина понадобится тебе. Я пойду на автобус. Мне пора.

Затем она выпорхнула, как всегда деловая, но сегодня чуть более безмозглая, чем обычно.

Я посмотрел на сына. Часам к девяти я отвезу его в Крийон, а затем вернусь в Сонжон. Не в сам замок, а просто подъеду со стороны парка, чтобы быть рядом и самому удостовериться, что всё сработало как следует.

Сегодня у нас с Малышкой особенный день. Шарлин об этом не знала, никто об этом не знал, знали только я и Малышка.

Танкисты, расположившиеся в замке, были не просто танкистами. Прежде всего они были эсэсовцами. Разные слухи ходили про них, никто ничего толком не знал. Сейчас как никогда много всяких слухов. Но особо внимательно я прислушивался к тем, в которых говорилось о немецких программах уничтожения людей. Калек, инвалидов, психически неполноценных или просто болевших более шести лет надлежало убивать. Всё это было сверхсекретно, но, тем не менее, об этом шептались уже давно. Теперь у нас в замке стояли мало того, что эсэсовцы, так еще и медики, а у бедняги Жилия год назад что-то стряслось с ногами. Я строго-настрого запретил привозить ребенка в замок и вообще выводить на улицу, где он мог попасться на глаза немцам.

В сороковом я боялся, что меня, как члена компартии, снова арестуют. Шарлин продала свою прачечную, а я сменил имя и фамилию. Вместо коммуниста Жоржа Делиба с "s" на конце, я стал обывателем Жаном-Антуаном Делиба без "s" и каких-либо политических убеждений. Благодаря родне жены, я получил место смотрителя в провинциальной глуши, которая уже буквально через год перестала быть глушью — сплошь и рядом, как грибы после дождя, возникали немецкие полигоны и санатории. Я очень боялся за сына. Мы перестали водить его в школу, показывать врачам тоже было опасно, и я всерьез задумывался о том, чтобы получить фальшивое свидетельство о смерти. Это было единственное средство сохранить ему жизнь. Летом мы хотели его отправить на ферму к старому Жозе, двоюродному деду Шарлин, а потом, если получится, то к моему кузену в Марсей, хотя это сопряжено с большим риском. И вот теперь Шарлин, не понимая, что она делает, привезла его прямо под нос эсэсовским медикам. Особенно мне не нравился их главный врач. Хмурый и бездушный ублюдок. Повезло, что у них сейчас учения и еще несколько часов их точно тут не будет. А потом? Спрячу Жилия

ненадолго вместе с Малышкой — ему будет неудобно, но придется потерпеть, это ненадолго. Потом мы уедем. И не будет больше ни замка, ни 3-й роты, ни медицинского взвода. Ни офицеров. Самое главное — офицеров.

Хайн фон Вестернхаген, командир батальона

Все части картинки встали на свои места.

Саперы — они стояли в замке полтора года назад — вот у кого француз взял инструменты и материал. Он заминировал замок и уехал — значит, мины сработают самостоятельно. Наверняка поезд с немецкими солдатами сошел с рельс не без его участия. Он все продумал, вплоть до ложного доноса. Но зачем-то в последний момент решил проникнуть в комнату по потайному ходу, скрытому в шкафу. Он нервничал, спешил, поэтому допустил оплошность — следы вдоль стены. Ему сильно навредили гроза, солдат, которому пришлось мыть пол, опоздавший Свобода и Лихт, разбивший бутылку. Несколько случайностей наложились друг на друга и выдали его преступный план.

Письмо было, в конечном счете, направлено против меня, а не против Рааша или Гёргенса. Письмо с доносом — ловушка, в которую должен был попасться командир батальона; оно было рассчитано на мой приезд и ни на что больше. Это было необходимо, как финальный аккорд, разрешение в тонику. Как украшение на торте. Многоярусный торт начинен взрывчаткой и вот-вот взлетит на воздух, но удовлетворение от разрушения не будет полным, если сверху не посадить символическую фигурку из марципана. Я не обольщался на счет того, что мсье Делиба уделил внимание лично мне. Конечно, нет. Ему был нужен просто кто-то из старших офицеров СС — знаковая фигура, кто-нибудь значительнее толпы рядовых, двадцатилетнего мальчишки-ротного и трех взводных, только что произведенных в офицеры. Нет-нет, у мсье есть амбиции! Мсье наверняка со временем напишет книгу, мемуары, где накинёт мне звание и пару лишних наград, чтобы раздуть историю по полной. Для увеличения тиража он придумает массовые расстрелы или какие-нибудь еще злодеяния — поджоги, грабежи, изнасилования, — учиненные по моему приказу в департаменте Бове. Вот тогда-то сердце патриота не вынесет увиденных кошмаров, и он решится на *vengeance*²⁵. К сожалению, мне некогда разводить писанину. Надеюсь, господина сочинителя повесят раньше, чем он предастся словоблудию.

Единственное, о чём я жалел, — что не прочел письмо Алекс. Всё остальное казалось незначительным и неважным. Головная боль притупилась и рассредоточилась по всему телу. Я весь до кончиков пальцев был налит тяжелым свинцом. Он сковывал движения и мысли. С трудом я спускался по крошечной винтовой лестнице, спрятанной в стене. От постоянных поворотов кружилась голова. Не хватало воздуха, света, пространства. Но больше всего не хватало времени. Где-то тикал хитрый, злой механизм, готовый погresti нас всех заживо. Он бросал мне вызов и звал к себе, а мрак, обступивший со всех сторон, не давал проходу. В какой-то момент мне казалось, что я падаю лицом вниз в бесконечный колодец, затем — что я стою, а стены движутся вокруг меня. Казалось, что лестница извивается змеиной спиралью над моей головой, чтобы наброситься сверху.

Вдруг я нащупал небольшую боковую площадку, лишние десять сантиметров, уходящие влево. Выход на первый этаж — где-то здесь должна была быть дверь. Судя по всему, лестница находилась в стене между столовой и кухней — получается, дверь, перед которой я стоял, вела на кухню. Ни на что не надеясь, я порылся в карманах брюк. Зажигалка осталась наверху... или наоборот внизу, когда я давал прикурить Свободе? Зажигалки у меня при себе не было, это точно. Но мне повезло: в кармане оказался коробок спичек и нож для писем. Не знаю, можно ли им зарезать кого-нибудь, хотя бы мышь. Я чиркнул спичкой, и пламя озарило крошечный участок темноты передо мной.

²⁵ месть (фр.)

Я зажигал спички одну за другой, пытаюсь найти ручку или что-то, что открыло бы дверь. Ничего разглядеть мне не удалось, я принялся шарить по двери в темноте, потом замер и прислушался.

Тишину разбили сухие щелчки секундной стрелки.

Тик-так, бом-ба.

Бомба с часовым механизмом.

Сколько у нас еще времени?

Сколь-ко, тик-так.

Следующий щелчок может стать последним. Я перестал дышать и напряг слух до предела. Голова гудела как разбуженный колокол. Гул, срывавшийся в дребезжание, мешал мне сосредоточиться и разобраться, действительно за стеной тикают часы или мне это только кажется. Обнаружив длинную вертикальную щель, я прижался к ней ухом. Боль на мгновение замолчала, и я отчетливо услышал, как секундная стрелка совершила рывок, негромко стукнулась о зубчатое колесо храповика, замерла и снова рванула вперед. И снова. Сно-ва. Тик-так.

Я попытался вставить лезвие ножа в щель замаскированного дверного проема. Нож не желал входить, зато с удовольствием полоснул меня по пальцу. За дверью должно быть помещение, потайная комната, а в ней — взрывное устройство.

Ко-нец. Смерть-тут, как-быть.

Надо вызывать саперов.

Отстукивающий секунды механизм издевательски подгонял меня, уверенный, что я не успею.

Согласно директиве ОКХ всем родам войск предписывалось научиться устанавливать мины и самостоятельно, без участия саперов, которых не хватало, минировать позиции. Как в наступлении, так и в обороне. В сорок втором, когда поступила директива, мы провели учения, и больше к этому не возвращались. В штате нового танкового батальона был саперный взвод — я считал, что на этом проблема исчерпана.

Вот бы сейчас сюда теоретиков из Генштаба!

Вдруг внизу грохотнуло, словно упало и сломалось что-то тяжелое. Замок вздрогнул, и я пошатнулся. Это ведь не может быть связано с ... Чёрт, чёрт, чёрт! Надо немедленно эвакуировать людей. Я еще раз попытался нащупать рычаг, который открыл бы дверь, но безуспешно. Снизу из подвала опять послышался шум и на этот раз голоса. Что там могло случиться? И главное — с кем?

Я спустился по лестнице до конца. Голоса стали громче, но они скорее нечленораздельно стонали, чем говорили на каком-то языке. Внезапно раздавшаяся очередь отборных немецких ругательств обрадовала меня, и даже голос показался знакомым. Если бы мне сказали, что доктор Эрвингер умеет загибать такие выражения, я бы не поверил. Однако это был он. Он и еще кто-то стучали и колотили, как будто хотели обрушить весь замок. Когда они на секунду перестали, переводя дыхание, я позвал: «Вольфганг!», слабо надеясь, что он меня услышит сквозь толщину стены. Но он отозвался. Он стал что-то кричать мне, второй голос его не то перебивал, не то вторил ему — понять было невозможно.

- Замок заминирован! — попытался я донести до них самое важное. У меня создалось впечатление, что они заперты и не могут выйти. — Мины. Они могут быть и в подвале. Будьте...

Вольфганг не слушал меня. Он продолжал кричать мне что-то свое. Доктор, не отличавшийся кротостью нрава, иногда проявлял просто ослиное упрямство.

- Ми-ны. — Проскандировал я по слогам.

В ответ он стукнул по стене. Если бы на ее месте была моя голова, то она бы треснула и сплющилась в лепешку.

- Лихт.

Наконец-то, мне удалось разобрать хоть одно слово.

- Лихт, — снова выкрикнул доктор.

Что-то с Рихардом? Черт бы побрал! Что у них там случилось? Беспокойство иголками впилося мне в череп. Невыносимо хотелось вырвать их вместе с половиной мозга. Рааш тоже с ними в подвале. Мысли прыгали туда-сюда, как теннисные мячики. Мне будет тяжело без Рихарда — я привык к его сарказму. Он, как никто другой, видит в людях и в окружающем мире недостатки и изъяны, которые тут же выявляет своими язвительными насмешками. Он, так же как и я, стремится к порядку, но в большей степени нацелен не на его создание, а на обнаружение его отсутствия. Как же так сложилось? Три офицера в подвале, один в увольнении, остались Амзельгрубер и Гёргенс. Что там делает Свобода? Вдруг дверь в подвал заминирована?

- Не трогайте ничего. Мины,—еще раз повторил я.

От лестницы в левое крыло замка уходил узкий коридор, огибавший подвал. Я побежал по нему, не слушая, что Вольфганг пытался еще мне кричать. Мы обязательно их вытащим, обязательно, но в замке еще семьдесят человек!

В левом крыле оказалась точно такая же лестница. Проводов я не заметил, хотя внимательно рассматривать не мог. Лестница вела только на первый этаж — дальше подъема не было. Вместо двери был люк. Я подергал его, попытался приподнять. Скорее всего, он открывался вверх, но сверху стояло что-то тяжелое — может быть, кровать. Я как раз оказался там, где и рассчитывал, — под комнатой симметричной столовой в правом крыле; раньше, возможно, это была бальная зала, где сейчас спал рядовой состав. Не все, правда. Часть солдат спала в пристройке — современном одноэтажном строении, приткнувшемся к левому крылу замка. Я изо всех сил принялся колотить по люку.

Раздались приглушенные «Что такое?», «Кто там?» и скрежет отодвигаемой мебели. Люк откинулся и по глазам резанул слепящий свет. Я выбрался. На шум прибежали унтер-офицеры с заряженными пистолетами. Теперь начиналось самое сложное. Говорить им, что замок заминирован, нельзя. Сразу же возникнет паника, вопросы, лишние разговоры и неразбериха. Но надо дать понять, что ситуация серьезная. Солдаты — как дети. Им важны не слова, а интонация. Сколько раз я видел, как командиры с вдохновенным видом несли полную ахинею, и солдаты шли за ними. Сейчас проблема в том, что у меня нет в распоряжении ни одного офицера, которому я бы отдал приказ, а он бы уже детально распоряжался. Командующий офицер без подчиненных — как рука без пальцев. Пришлось вспоминать времена, когда я сам командовал ротой. Щурясь от света, я попытался разглядеть среди столпившихся вокруг меня людей унтер-офицеров. 333 стоял в двух шагах справа от меня — я его узнал: утром у него не заводился двигатель, и они с водителем отплясывали вокруг машины ритуальные танцы. Варнеке — вспомнил я фамилию. Я посмотрел ему в глаза. Дальше унтершарфюрер Трауэ, старый боевой товарищ из артиллерийского дивизиона. Я подождал, пока он встретится со мной взглядом. Рядом с ним стоял командир 332 — Ляйнеке — и 312 — не помню, как зовут. Еще одно лицо, Риттер, 304. Я собирал их взгляды, натягивал между нами невидимые нити. Теперь то, что я скажу всем, они примут на свой счет, услышат больше, почувствуют ответственность, получат импульс, который позволит им организовать всех остальных.

- Рота, тревога!

Тревога разошлась по комнате темными, холодными кругами. Она пробралась между полуодетыми телами, и они принялись беззвучно шевелиться, натягивать и застегивать. Они все уже ощутили ее беспокойный, покалывающий вкус, приправленный неизвестностью. Сон ушел.

- Внимание! У меня две отличные новости. Первая — англо-американские войска пока что не высадились.

Солдаты одобрительно хохотнули. Слева стоял какой-то здоровый тип, на голову выше меня. До того, как он накинул рубашку, я успел мельком увидеть у него на плече татуировку в виде якоря, обвитого цепью. Теперь он смеялся таким оглушающим басом, что оставалось только молиться, чтобы бомбы его не услышали и не среагировали.

Я поднял руку, чтобы снова восстановить тишину.

- Вторая — у нас есть еще немного времени, чтобы как следует подготовиться к встрече и отрепетировать приветственную программу. Поэтому. Ночной марш на Крийон!

Вот тут никто не то что не засмеялся, но даже и не подумал улыбнуться. По комнате прокатился тихий стон.

- В такую грозу! — шепотом сказал кто-то.

- Да там же льет как из ведра.

Никто не пошевелился, чтобы начать сборы. Все унтер-офицеры уставились на носки своих ботинок, словно там была подсказка, как отвертеться от неприятного приказа.

- Все дороги размыло, грязища непролазная.

Лица стали угрюмыми. Рота была подобна огромному инертному телу, которое хочет только одного — оставаться в состоянии покоя. Чтобы сдвинуть ее с места, пришлось приложить моральную силу.

Я никогда не придавал большого значения дисциплине ради дисциплины, слепому формальному следованию уставу. Намного важнее для меня чувство упорядоченности, внутренней иерархии, создание и поддержание Порядка, основанного на соразмерности и организованности частей в целое. Порядок устойчив. Он дает цельность, единение, общность. В конце концов, мы все части одного целого. Я — та часть, которая говорит. Они — та, которая делает. Они уверены, что решение, которое я принял, самое лучшее в данной ситуации. Даже если им очень не хочется плестись ночью под дождем по грязи в соседнюю деревню. Даже если им страшно и не хочется умирать. Я уверен, что они выполняют любой мой приказ в полной мере. Даже если это противоречит их желаниям или инстинкту самосохранения. Это и есть доверие.

Они сделают всё, как я скажу.

- Отставить разговоры. Собрать вещи. С вещами по машинам. Варнеке, будите тех, кто спит в пристройке. Остальные командиры экипажей — ко мне для инструктажа.

Мысленно они костерили меня последними словами. Но это не важно. Пусть ругают, лишь бы остались живы.

Бомба забралась мне под кожу и разрушала, словно болезнь, но я не мог допустить, чтобы она задела моих людей. Я еще раз обвел взглядом собравшихся командиров экипажей. Кого-то из них мне придется оставить за старшего. Я колебался, всматриваясь в лица. Рота «тигров» — четырнадцать машин, плюс колеса — эшелон снабжения и кухня; все это доверить унтер-офицеру — чистое безумие, с другой стороны — бегать по заминированному замку и искать офицеров — тоже не выход.

- Разберите склады с топливом и боеприпасами и вывезите их на колесном транспорте. — Я обращался к унтершарфюреру Риттеру, между бровями которого залегла догадка о том, что это будет больше, чем просто марш. — О прибытии в Крийон доложите мне по телефону из здания штаба. Поступите в подчинение начальника штаба батальона унтерштурмфюрера Ириона и останетесь в Крийоне вплоть до дальнейших распоряжений.

- Разрешите спросить, а где наш командир роты? Оберштурм...

- Он не участвует в марше, — я ждал этого вопроса, но дать на него исчерпывающий ответ не мог. — На марше ротой временно командует... — я уже собрался назвать фамилию Риттера, когда дверь в помещение открылась и на пороге появился Гёргенс —...унтерштурмфюрер Гёргенс! — выдохнул я с облегчением. Хотя тут же пожалел о своей поспешности. Из-за спины Гёргенса появился Амзельгрубер, а следом за ними еще и Свобода. Амзель лучше подходил на должность — в нем я был уверен как в самом себе, но переиграть и забрать назад полномочия уже было нельзя. — Унтерштурмфюрер Амзельгрубер помогает временно командующему ротой и отвечает за связь колонны с Крийоном и Сонжоном. Оберштурмфюрер Свобода отвечает за эвакуацию складов и колесный транспорт.

Я посмотрел на Свободу и слегка качнул головой в сторону Амзеля и Гёргенса. Они знают? Свобода моргнул, что означало «да», и поднес оттопыренные большой палец и мизинец к правому уху — он позвонил, чтобы вызвать саперов. И тут я вспомнил: медики! Вот же ж чёрт! В тот же миг в комнату вошел Бельбе, который вел за собой отчаянно зевающих, перепуганных медиков. Судя по тому, как они опасливо озирались, Бельбе выложил им наш главный секрет. Танкисты тем временем, подгоняемые командирами, просачивались в наружную ночь.

- В парке ведь тоже могут быть мины, — прошептал мне на ухо Свобода.

- Н-навряд ли, — с промедлением ответил я. Полицейские, если уж взялись за дело, то из мухи раздуют слона. Всё-таки Делиба был любителем. Он мог украсть ящик взрывчатки и бухту шнура, но не грузовик с противотанковыми минами. — Сегодня были учения, мы выводили машины — в саду всё спокойно. Не стоит бояться собственной тени.

Вдалеке послышалось успокаивающее урчание двигателей. Комната практически опустела.

- И еще мне нужны два добровольца. — Нужны они мне были для того, чтобы взломать дверь в подвал, и я подумал, что было бы неплохо, если бы согласился тот плечистый моряк с татуировкой. Словно прочитав мои мысли, он сделал шаг вперед и отозвался:

- Заряжающий Оппс, к вашим услугам.

Казалось, он специально медлил в помещении. Мне нужен был еще один — медик, на случай, если Лихт ранен, — но в комнате уже никого не осталось. Последним уходил Амзель. Он вопросительно обернулся на меня, я ему сказал: «Вперед! Вперед!» — и он исчез в черном дверном проеме.

- Идемте, заряжающий Оппс, нам надо открыть дверь в подвал.

Он с важностью кивнул.

- До ваффен-СС вы где служили? На корабле или в береговых службах? — спросил я.

- На корабле, — протяжно ответил бывший моряк с легким смешком, выражавшим пренебрежение к береговым службам. — На «Михеле». Вспомогательный крейсер «Михель».

Я кое-что слышал краем уха о «Михеле», но продолжить тему дальше нам не удалось. В холле на ступеньках лестницы сидел роттенфюрер Хаупт. Он встал, как ни в чём ни бывало, словно ему было некуда торопиться.

- Хаупт! Какого чёрта вы здесь делаете? — спросил я на ходу.

- Жду распоряжений. По мне приказа не было.

- Вам нужен личный приказ? Здание заминировано — приказываю вам его немедленно покинуть.

- Никак не могу, штурмбаннфюрер.

- Бумагу ждете?

- Никак нет.

- Тогда в чём дело?

- Я сюда прибыл вместе с вами. Убывать следует так же. Иначе — никак.

- Хаупт, что это за фокусы?

- ... иначе порядка не будет. К тому же у меня вверенное имущество. Не могу бросить, — он показал на ящик с вином, с которого только что встал. Я совершенно про него забыл. Я — да, Хаупт — нет. Перед тем как передать машину Гюнтеру, он вытащил ящик и теперь считал своим долгом его охранять. Спорить с упрямым — себе дороже.

- Оставьте ящик, идемте со мной. Нам надо выбить дверь в подвал. Но учтите. При других обстоятельствах ваше поведение было бы расценено как самовольство и неподчинение приказу.

Хаут только покосился на шедшего рядом заряжающего.

Мы прошли столовую и вошли в кухню.

- Сначала внимательно осмотрите дверь на наличие подозрительных нитей, лесок и прочего. Здесь может быть установлена мина-ловушка.

- Ничего не видно, — отозвался Оппс.
- Ничего, — подтвердил Хаупт. — Она даже не заперта.

Неприметная дверь в дальней стене действительно была открыта. За ней начиналась узкая лестница в подвал, откуда доносились голоса.

- Минуту терпения! — крикнул я доктору.
- Слава Богу, — раздалось из подвала. — Давайте быстрее, у Лихта кровотечение.
- Ломаем? — спросил Оппс, засучивая рукава.
- Давай сначала посмотрим, — сказал осторожный Хаупт.

По-хорошему, надо было ждать саперов. Только самые примитивные мины-ловушки можно заметить на глаз. Но с той стороны истекал кровью Рихард. Приходилось идти на риск. Я сжал кулаки на удачу.

- Топор бы нужен. Дверь тяжелая, — сказал Оппс.
- Подожди-ка, не так резко, я тут ... дай-ка посмотреть, ага, — Хаупт завожился около дверного замка.
- Рядом с камином на кухне дровница, посмотрите топор там, — сказал я.
- Нашел, — отозвался Оппс.

Он вернулся с топором, а я пошел наверх в кухню.

- Подожди, не надо топором, — раздался снизу голос Хаупта, — я уже... нет, чёрт, почти, ага, вот так! Вуаля!

Уже через минуту Оппс и Хаупт принесли бледного, предобморочного Лихта.

- Сюда его кладите, на стол! — распорядился доктор.

Я подошел к Рихарду и положил ему руку на лоб. На правом боку у него виднелось кровавое пятно, из которого торчал какой-то обломок. Крови было немного, но я не мог сказать, хорошо это или плохо.

- Что с ним?
- Внутреннее кровотечение. Задета печень.

Доктор отправился наверх за капельницей и физраствором.

Рааш выглядел немногим лучше Лихта. Мы все напоминали какую-то картину жанровой живописи, что-то из голландцев — группа людей вокруг больного. То, что больной лежал на разделочном столе в окружении лукович, посуды и пучков приправ, придавало сцене опасную неоднозначность. А в глубине тикала невидимая бомба. Про нее даже нельзя было сказать «тикала» — она просто присутствовала здесь среди нас, и ее присутствие ощущалось в нашей взвинченности, в нашем нежелании замечать ее и в наших попытках сделать вид, что ее здесь нет.

Мысленно представив себе план замка, я стал оглядывать кухню. Бомба спрятана где-то здесь. Не на самой кухне, а в потайном помещении. Я вышел в столовую, затем вернулся. Кухня была чуть уже столовой. Это не бросалось в глаза за счет расстановки мебели и большого камина, который сразу приковывал внимание. Он съедал пространство, и нехватка какого-то метра или полутора списывалась на его счет. Мальчишка тогда мотнул головой куда-то назад, за свое плечо, по направлению к очагу. «Там книги». Я подумал: на полках, но никаких полок с книгами на стене не было. Он имел в виду комнату за камином, где отец держал книги по саперному делу. Оттуда же есть ход на винтовую лестницу в толще стены. Там же стоит взрывное устройство. Я еще раз посмотрел на массивный, сложенный из серого песчаника камин. Слева от дымохода висели те самые полки, где я брал стакан. Он где-то здесь — механизм, открывающий проход в потайную комнату.

Я подошел к камину вплотную. Как пробраться за него? Нечего и думать, чтобы сдвинуть с места такую громаду. Но чтобы добраться до бомбы, надо найти способ проникнуть по ту сторону камина. Можно, конечно, сломать, разбить стену, но сколько на это уйдет времени?

Голова, словно залитая цементом, казалось, вот-вот скатится с плеч.

- Здесь есть обыкновенная плита или только этот великанский камин? — спросил я.

- В пристройке есть электрическая плита, мы там обычно готовим, — ответил Оппс, подходя ближе.

- Нам надо вскипятить воду для доктора.

- Хорошо сложен, работа мастера, — сказал Оппс, похлопывая по дымоходу. — У меня отчим был печником, клал печи и камины, меня иногда с собой на работу брал, — он с ногами залез в топку и выпрямился. Голова и плечи скрылись в трубе.

- Штурманн Оппс, — сказал я, стараясь скрыть раздражение, — лучше поищите спиртовую горелку или чертов кипятильник в конце концов.

Циферблаты часов, стоявших на каминной полке, пялились на меня мертвыми глазами. Одним движением я смёл весь этот мусор на пол.

- Вы не напомните мне, отчего затонул вспомогательный крейсер «Михель»? Кажется оттого, что матросы не выполняли приказы и совали свои носы, куда не следует. Спасибо, я вспомнил.

Оппс с перепуганным лицом выскочил из камина, вытянулся по стойке смирно и, сжав кулаки, прошептал:

- Есть искать горелку! — и принялся с преувеличенным рвением переворачивать все шкафы и полки.

Я заглянул внутрь камина. Рядом тут же оказался Оппс. Я оглянулся.

- Штурмбаннфюрер, — он протянул мне горелку. — Керосиновая. Спиртовой нет. Вот керосин.

- Отлично, зажигайте, — сказал я.

Я сильно обидел его, и теперь надо было восстановить справедливость.

- «Михель» был отличным кораблем — пятнадцать побед...

- Восемнадцать, штурмбаннфюрер, восемнадцать.

«Да что танкист может в этом понимать!» — читалось в его глазах. Наверно, он прав, наверно, ничего.

- Торпедирован американцами...

- Одна торпеда попала в корму, половина корабля тут же взлетела на воздух... Всего в пятидесяти милях от Йокогамы.

Две трети команды погибли, включая капитана. Прекрасная смерть. Лучшая из смертей. Я искренне завидовал капитану, чью фамилию забыл или вовсе не знал.

- Теперь вскипятите воды.

Я снова подошел к Лихту.

- Держитесь, Рихард, всё будет хорошо.

Доктор обернулся за три минуты. Неплохая скорость, если учесть что ему пришлось подняться на третий этаж, пробежать весь замок, а потом еще и спуститься.

- Ваша рота ждет вас в Крийоне. — Рааш посмотрел на меня с мольбой. Он правильно понял — это был приказ, но выполнять его ему не хотелось. Бомба действовала как магнит. Вопреки доводам разума, мы все хотели остаться в замке. Вопреки их желаниям, я должен был выпроводить их отсюда.

- Мы можем донести раненого хотя бы до Сонжона, где поищем транспорт?

Доктор чертыхнулся и отрицательно покачал головой.

- Нести? Исключено. Мы потеряем слишком много времени. Резкое падение гемодинамики. Ему нужно немедленно в больницу, немедленно. Еще лучше — полчаса тому назад.

- Оберштурмфюрер Рааш, роттенфюрер Хаупт и штурман Оппс отправляются в Сонжон на поиски машины скорой помощи.

Когда они со скрипом отдали честь и вышли, я повернулся к Вольфгангу:

- Вам придется провести экстренное вмешательство.

Мы остались на кухне вчетвером — Рихард, Вольфганг, я и бомба.

Жан-Антуан Делиба, смотритель сонжонского замка

Я отлично всё продумал. После полуночи лесник Жером придет, чтобы рассказать Шарлин ту часть правды, которую ей безопасно знать, и помочь скрыться вместе с детьми. Жером — единственный, кого я частично посвятил в свои планы. Его помощь была необходима. Он помогал мне перевозить мою Малышку. Он не состоит ни в каких организациях, не значится ни в каких списках, он просто старик, живущий в лесу рядом с аэродромом и время от времени помогающий хорошим людям, которые помогают ему. То зайца поймает в силки, то немца пристрелит, то покажет, под каким кустом растут патроны. Он нелюдим, живет один; если он не хочет — то найти его бывает не так-то просто. Немногие знают, что в Савиньи у него семья — дочь, зять и две внучки. Я знаю. Я вообще многое про него знаю. Как и он про меня. Он поможет моей семье скрыться, чтобы обезопасить свою. Я же отправлюсь в бега. В Бретань. О Breizh, ma Bro²⁶. Там, среди угрюмых рыбацких деревень, на краю земли германцам делать нечего. Седые соленые скалы еще помнят, как бретонцы давали отпор и франкам, и норманнам. И нынешним тевтонам там не рады. У меня мать оттуда, из Корнуайа, я даже немного понимаю их язык. Вместо колыбельной она часто пела нам с братом «Ra vezo digabestr ma Bro!»²⁷ Мне всегда претил ее косный, узколобий бретонский национализм, гордость за кучку камней, на которых ничто не растет, но в качестве убежища от немцев лучше Бретани места не найти.

Письмо выстрелило без осечки. Именно на это я и рассчитывал. Правда, не ожидал, что понадобится три дня. Почему командующий офицер не примчался сразу же, как только получил письмо? Видимо, до него медленно доходит. Неприятный тип. Ни голоса, ни роста, ни представительности. Костлявое лицо со впалыми щеками — смотреть противно. Я предпочитаю иметь дело с полными людьми, в меру, но со склонностью. С широкими, габаритными, мясистыми — можно называть их по-разному. Я знаю, о чём с ними говорить. С худыми сложнее; они могут быть худыми в силу возраста, еще не оформившимися, или в силу природы. Худых по природе я не люблю. Но хуже всего иметь дело с костлявыми. Они твердолобы, упрямы и опасны в своей негибкой принципиальности. Их довольно много среди немцев.

Приехавших офицеров я увидел в щелку из-за кухонной двери, когда у них было собрание в столовой. Сплю я теперь вообще в подвале — хорошо, что хоть успел часть отгородить и обустроить для своих нужд. Когда сработала сирена, я сразу понял, что это они, и тихо поднялся на кухню. Чай, кофе, яичница? Господам угодно свежий хлеб с домашним конфитюром? Роль надо доиграть до конца. Но они даже и не вспомнили ни обо мне, ни о завтраке. Прокричали что-то, вскочили и убежали. Один маленький в очках, другой тощий и долговязый, а командир — вообще кожа да кости. Ни звона медалей, ни грохота сапог. Мятые, поношенные фуражки и потертые ремни. Я ожидал другого. Всё-таки неприятно убивать улитку или жабу, когда ставишь капкан, — хочется думать, что в него попадет тигр или медведь.

«Вот так, Малышка,— сказал я, заходя в свой потайной кабинет, как я называю помещение за камином. — Ты разочарована? Не стану скрывать: я — да». Меня беспокоило, зачем они устроили сейчас учения и вернутся ли они вообще в замок к вечеру? Командир слишком мало внимания уделил тому, что я сообщил ему в письме. Крайне бестолковый, даже для немца.

Когда все уехали, маленький офицерик в очках остался в замке, он всё ходил, что-то осматривая, попросил ключ от подвала, хотя по большей части он просто слонялся без дела. Но все равно мне это не нравилось. Вернув ключ, он ушел из замка в пристройку, где остались не отбывшие на учения дежурные по кухне. Готовят они в основном сами; раз уж выгнали меня из моего дома, где я поставил новую электрическую плиту с духовкой, то пусть сами готовят. Мощности одной плиты, конечно, не хватает, поэтому за домом стоит машина полевой кухни. Я только покупаю овощи и молоко у знакомых фермеров, если надо — мою, чищу, режу, но стараюсь, чтобы, по крайней мере, в замковую кухню они

²⁶ Бретань, мой дом (*брет.*)

²⁷ Бретань, будь вовеки вольна! (*брет.*)

наведывались пореже. В качестве небольшого одолжения я два раза готовил для офицеров мясо на вертеле, птицу — сейчас другое не достать.

После двух немцы вернулись, и замок тут же огласился их карканьем.

Солдаты ели, и я отнес Жилья в свою часть подвала под кухней и запретил шуметь. Жилья надулся: он, видите ли, хотел посмотреть на солдат и на танки. Давно уже пора выбить эту дурь ему из головы! Все эти картинки, которые он вырезает из немецких газет, весь этот мусор надо сжечь, но у меня никак руки не доходят. Я никогда ему ничего не запрещал, ни ему, ни Одетт, своей старшей, которая выскочила замуж за первого попавшегося фельдфебеля. Пронемецкие настроения в семье или, по крайней мере, их видимость были мне как нельзя на руку. Я отводил от себя все подозрения. Через Одетт мы получили массу бесценных сведений. Но, когда игра пошла по крупному, мне пришлось сделать ее вдовой и настоять, чтобы она уволилась с аэродрома. С одной стороны, немцы могли заподозрить ее в связи с подпольем, с другой — подполье могло расстрелять за коллаборационизм. Сейчас пошли совсем другие разговоры. Теперь что сражаться с оккупаторами, что сотрудничать с ними одинаково опасно.

В подвале Жилья расплакался и стал ломать карандаши. Мне пришлось прикрикнуть на него и пригрозить поркой. У меня были дела наверху и мне некогда было возиться с его капризами. Я должен был подготовить всё к нашему отъезду. Как назло, офицер-очкарик постоянно меня дергал со своими поручениями: то достать раскладушку, то поменять постельное белье — как будто нельзя было подумать об этом утром, пока он изнывал от безделья. Когда я снова заглянул к Жилью, он сидел и чинил сломанные карандаши изолентой. Я похвалил его. Сам люблю чинить вещи и никогда не могу ничего выбросить. Есть вещи, в которых больше души, чем в некоторых людях. В ответ Жилья снова расплакался и раскричался, побросал карандаши на пол и заявил, что хочет почитать, а в подвале темно. Да, свет там действительно неважный. Я пообещал отнести его на кухню — лишь бы он перестал шуметь. Не хватало еще, чтобы на шум сбежались немцы! Он дал честное слово, что на кухне будет сидеть тихо и читать книжку до самого нашего отъезда. Все мои мысли были направлены на то, как бы поскорее уехать из замка.

Я ушел в свой «кабинет» снаряжать Малышку. Она у меня просто красавица! Мы встретились случайно, но это была любовь с первого взгляда. Я предложил ей бежать, вырваться из монотонных будней казенного склада и отправиться навстречу подвигам и приключениям. Она согласилась. Она всегда понимала меня без слов. Я увез ее на своем «Ситроене» и некоторое время мне пришлось прятать ее в лесу. Нас бы не поняли, если бы увидели вместе. Потом я привез ее в замок, как настоящую королеву. Теперь всё, что ей нужно, — это капсюль-детонатор, аккумулятор, провода, два детонатора и будильник. Да, и еще любовь. Обязательно — любовь. Я не спеша принялся мастерить взрыватель.

Потом случилось то, чего я так опасался, — немцы обнаружили Жилья. Потом все вообще пошло наперекосяк. Явился доктор, и мне не оставалось ничего другого, как запихнуть его в подвал. Но самым ужасным было то, что у меня закончилась изолента. Я поискал в подвале, в ящике, где лежат строительные инструменты, затем в своем кабинете, где я держу инструменты саперного дела, рассердился на Жилья, который даром перевел столько изоленты. Он не просто обматывал ею карандаши, он ее еще резал, растягивал, перекручивал, чёрт-те что вытворял — второй раз пустить ее в дело уже было невозможно. И тут мне в голову пришла спасительная мысль! Повторно можно использовать ленту, которой я обмотал разваливающиеся часы в большой спальне на втором этаже! Я на скорую руку примотал дверцу и боковины, всё собирался как следует взяться за часы. Теперь эту ленту можно осторожно снять — ее там прилично, она намотана в несколько слоев, и пару кусочков для изоляции будильника выкроить можно будет.

Под предлогом смены постельного белья я поднялся в большую спальню на втором этаже, но мне помешал адъютант, чьи шаги я вовремя услышал. Затем он вместе с командиром роты пожаловал на кухню. У меня не было времени, чтобы терять его на разговоры с ними. Мне нужно было всего лишь

десять минут спокойствия и больше ничего. А им были нужны бокалы. Я боялся, что они услышат доктора, который возился в подвале; иногда его крики доносились снизу. Как можно скорее я выставил их из кухни, пообещав найти бокалы в большом подвале, где запер их точно так же, как и доктора. На мгновение мелькнула мысль, что надо бы принести из автомобиля старую винтовку, но потом передумал — всё равно никуда из замка они не денутся, не стоит устраивать лишнюю возню с огнестрельным оружием. Хотя одному удалось сбежать. Я видел, как он отъезжает на командирском «Опеле», и чуть было не топнул от злости и досады, когда подумал, что это ускользает от меня сам командир. Но он остался. Кроме того, в замок приехал еще один — сотрудник тайной полиции или госбезопасности, как она там у них называется. Общее число офицеров осталось прежним, но при виде полиции меня прошиб холодный пот. Я весь взмок, когда он обратился ко мне.

- Мсье, добрый вечер, вы смотритель?— Быстро догадался, пес. Ну да, это несложно. — Вы не подскажете, где я могу найти командира батальоном?

- На втором этаже, мсье, первая дверь справа.

- Благодарю. Какое удачное расположение у замка! Прекрасный сад. Когда он был построен?

- В конце... в начале восемнадцатого века, дата вылетела из головы.

Затем он спросил, кому раньше принадлежал замок, родился ли я в Сонжоне или в другом месте, какие есть еще достопримечательности в округе, после чего вдруг вспомнил, что в Сонжоне раньше производили оптику для фотоаппаратов. Откуда ему это известно? В начале века в городе были четыре фабрики по производству линз самого разного предназначения. На одной из них работал когда-то отец Шарлин.

- Так с какой стороны комната? Куда мне сейчас... налево, направо?

- Направо, — напомнил я. — Вероятно, вы там встретите адъютанта, он зашел, когда я уходил.

- Премного благодарен. — Насквозь фальшивый тип.

Сколько я ни пытался себя убедить, что это случайность и что приехал он по какому-то другому делу, я не мог отделаться от ощущения, что ему что-то известно.

Наконец мне всё-таки удалось воспользоваться потайным ходом и проникнуть в спальню. Я порядком разнервничался. У меня дрожали руки, когда я снимал часы и сдирал ленту. Всё время казалось, что кто-то идет, стучит, дергает дверь; я постоянно дергался, оборачивался, но всё прошло удачно. Я оставил один слой ленты, чтобы часы не распались совершенно, и снова повесил их на стену. Они едва держались; достаточно громко хлопнуть дверью — и боковины корпуса отвалятся, но это уже не имеет значения. Через десять минут меня уже здесь не будет. Еще десять минут, чтобы сделать контактные площадки на будильнике и подвести провода — и всё! На память о сегодняшнем дне я прихватил фуражку, валявшуюся на подоконнике. Командирская фуражка — неплохой трофей!

Я вернулся к Малышке, приделал ей исполнительный механизм, схватил в охапку Жилу и пустился бежать.

Будильник прозвонит ровно в полночь. К тому времени я собирался закинуть мальчишку к старшей дочери в Крийон и снова вернуться в Сонжон, чтобы быть поблизости, когда один день закончится и начнется другой.

Хайн фон Вестернхаген, командир батальона

Доктор подложил Лихту под голову скатанный валиком китель, затем посмотрел на меня:

- Вмешательство? Здесь, на кухне? Вы шутите? — он был возмущен, словно услышал страшную ересь. — Здесь нет условий. Вы издеваетесь?

- Не важно, шучу я или издеваюсь. Вы можете или нет?

Я знал, что он может. Он знал, что я знаю. Ни один из нас не сомневался в его компетенции.

- Да-д-да, я могу сделать лапаротомию и остановить кровотечение. Но не на кухонном столе... я бы всё-таки попросил...

- Если можете, делайте!

- Но здесь не стерильно...

- Если вам не подходит стол, режьте на полу.

- Хайн, вы сошли с ума!

- Это ваш окончательный диагноз? Значит, несите инструменты. Что-нибудь еще?

- Еще? Еще... — в голове у него уже был готов список, он принялся отбивать на столе сильные доли указательным пальцем правой руки, — мне нужны стерильные простыни, врач-ассистент, фельдшер, барбитураты для обеспечения наркоза, у меня их, кстати, нет... — он принялся кивать головой в такт постукиванию.

- Рихард умрет, потому что у вас нет стерильных простыней?

- Бестеневая лампа... Простите? — переспросил он. От негодования у него опустились руки, а брови полезли вверх. — Как вы можете... так формулировать! Хайн! Операционный риск слишком велик. Инфицирование, гнойные заражения... нет, я не могу. Да не в этом дело — нет барбитуратов, я не могу... как оперировать без наркоза? Кстати, мы не режем, мы...

- «... мы рассекаем ткани», знаю. — Так всегда говорит Эрих. Именно с таким выражением лица. Все хирурги одинаковые. — Обойдемся без барбитуратов...

- Вы в своем уме? О чём вы говорите?

- Подождите, у вас...

- Он умрет от болевого шока! — доктор повысил голос и покраснелся. — Обеспечение общего наркоза — это не уровень батальонного врача...

- Это пустые отговорки, мы оба знаем ваш уровень ...

- Моя квалификация — это одно, а уровень матобеспечения согласно штатному расписанию — это другое. То, что у меня есть в распоряжении — это походная аптечка, а речь идет о вмешательстве на внутренних органах. Нужен анестезиолог и аппарат искусственного вентилирования легких... И...— Вольфганг обхватил руками голову, — Хайн, простите, вы ...

Я подошел к нему вплотную. Я был уверен, что он сможет всё сделать, и что единственное, чего ему не хватает, — это веры, веры в людей вообще и в себя, как в одного из их представителей. Он обернулся с легким испугом, словно боялся, что я всё-таки смогу его убедить.

- У вас есть новокаин? Сделайте блокаду спинного мозга. Ни закись азота, ни барбитураты не нужны. Рихард останется в сознании на спонтанном дыхании.

Он ответил не сразу. Эрих оперировал в Шарите, с его слов я знал, что они делают блокаду даже самым маленьким пациентам. Дело было не в том, что Вольфганг объективно не мог провести операцию. Проблема была в его характере, который не выносил ни малейших отклонений от протокола. «Хирургическая операция — это...» — и дальше шел длинный перечень признаков, условий, требований, обширных классификаций, типов и схем. В каждой схеме было четкое распределение ролей, был набор инструментов, материалов и алгоритм действий. На каждое исключение были свои правила, на каждое неизвестное — уравнение, на каждую чрезвычайную ситуацию — своя процедура. И он не мог посмотреть на это другими глазами. «Это Рихард. Ему двадцать три. Еще немного — и он умрет». Это невозможно объяснить за несколько минут, это всё равно, что поменять центр вращения. Не «операция — это...», а «это Рихард». Вот он, бледный, холодный, мокрый от испарины, потому что сердце не справляется. И речь сейчас идет не о том, что такое кровотечение в брюшную полость, речь идет об этом конкретном Рихарде Лихте.

Вольфганг снова кивнул, но уже по-другому. В душе он согласился, согласился побороться за жизнь Рихарда вопреки всему! Хотя разум еще противился, душа уже была согласна, тело — кивок головой — ее выдало.

- Да-да,— он подошел к Лихту и поправил трубку капельницы. — Да-да... То есть, нет-нет. Но всё-таки да.

- Я не совсем вас понимаю.

- Я сам себя не понимаю, — ответил доктор и улыбнулся легко и открыто, что бывает с ним крайне редко. — Отличная идея с новокаином. Только не спинально, спинальная анестезия опасна снижением артериального давления. У Рихарда и так большая кровопотеря — спинальная не годится. Я сделаю местную. И морфий. Будет больше работы, но... — доктор развел руками. — А вы меня удивляете, Хайн. Почему вы не пошли учиться на врача?

- Пф-ф-ф... — единственное, что мне пришло на ум. Что тут еще можно ответить? И без меня в семье хватало врачей. Или, если точнее, у отца не хватало средств, чтобы дать образованием всем детям. Или всё это не имеет никакого значения, потому что в пятнадцать я удрал в море.

Однако я не ожидал, что Вольфганг так быстро сдастся. Обычно уговорить доктора не так-то просто.

- Я иду за...— Вольфганг уже направился к двери, но остановился и воскликнул:

- Но у меня нет новокаина! Я как раз заполнял бланки требований...

Нет, Господи, только не это! Я потер лоб. Там, за тонкой перегородкой кости, стучала бомба, не дававшая мне сосредоточиться. Мы все равно должны спасти Лихта.

- А у Хауссама?

- Да-а, — с задержкой сказал Вольфганг, — у него должен быть.

- Мы возьмем у доктора Хауссама взаймы.

Сам хауптштурмфюрер Хауссам, батальонный стоматолог, был в увольнении в Париже. До завтрашнего утра.

- Лекарства, разумеется, заперты?

- Само собой, — кивнул Вольфганг.

- А дубликата ключа у вас нет?

- Никогда не думал, что он может понадобиться. Но, — доктор поднял ладонь, показывая, что если он решился, то так просто не отступит, — мы можем взломать ящик.

Из-за двери стола послышалось деликатное «кхм-кхм».

- Роттенфюрер Хаупт? Вы хотите доложить, что нашли машину? Почему вы всё еще здесь?

- Я вернулся за распоряжениями, — в дверном проеме показалась голова Хаупта. — С вином что делать?

- Забыть про него. Свободны.

- Еще... разрешите, я имею доложить, штурмбаннфюрер, что у меня имеется... думаю, я смогу открыть шкаф или ящик с лекарствами. У меня есть отмычка. Даже две.

Он с улыбкой достал отмычки и скрестил их, держа головками вверх.

От удивления я приподнял бровь.

- Эмблема нашего батальона, штурмбаннфюрер.

- Хорошо, идите с доктором Эрвингером наверх.

Рааш и Опмс ждали Хаупта у въездных ворот. Я был рад, что хотя бы они наконец-то ушли. Я нервничал и не хотел, чтобы они это видели. Лихта, наоборот, я не стеснялся совершенно. Я не боялся проявить перед ним несобранность, волнение или страх. Он с первого взгляда показался мне странно знакомым. Еще когда я впервые увидел его на вокзале в Падерборне, я сразу понял, что это он — тот, кто должен меня встречать из 101-го батальона.

Хаупт с Эрвингером принесли ампулы новокаина, бикс с инструментами, еще одну бутылку с физраствором, спирт, йод, халаты и маски. Мы попрощались с Хауптом и стали готовиться к операции.

- Стол надо пододвинуть в центр, ближе к свету, — сказал Вольфганг. Он взялся с одной стороны, я — с другой.

- Как дела? — подмигнул я Рихарду, пока мы переносили стол.

- ... в лесу, — пробормотал он шепотом.

- В лесу? — переспросил я неожиданно глухо и тревожно.

- Раздеваем его, помогите, — доктор уже готовил раствор новокаина.

- ... змеи в лесу, — едва слышно повторил Рихард.

Наверно, у него видение. Что-то неприятное.

- Но... но... — я не знал, что сказать. Я сам ненавижу змей, нет ничего их гаже. Змеи — это ошибка Создателя. — Но им сюда не пробраться. Нет, мы их не пустим, не волнуйтесь, Рихард...

- Хайн, вы тоже должны уйти, — вдруг заявил мне Вольфганг, снимая китель и закатывая рукава.

- Потому что не соответствую санитарным нормам?

- Нет. Потому что замок заминирован.

- Спасибо, я тоже заметил.

- Вам нет никакой необходимости оставаться здесь...

- Знаете, Вольфганг, в бомбе тоже нет никакой необходимости. Однако она здесь.

Предельно четко, словно отрезая слова друг от друга, он проговорил:

- Я бы ушел, но не могу, потому что я врач. Я должен остаться с пациентом. А вы...

- А я несу ответственность не только за Лихта, но еще и за вас. Я не могу оставить подчиненных.

Он хотел снова что-то возразить, но я ему не дал. У меня болела голова, в которой засела бомба, и последнее, чего мне хотелось, — это препираться с Вольфгангом.

- Мы это больше не будем обсуждать. Вам нужен санитар? Я постараюсь его заменить. Хорошо, что Бенкхофф простерилизовал днем инструменты.

Я снял часы и кольцо, подошел к раковине, открыл воду и стал мыть руки.

Мои мысли крутились вокруг спрятанной бомбы. Но из-за застрявшего в черепной коробке осколка ведомый диск не был прижат к маховику и обороты были холостыми.

Вольфганг протянул мне щетку. Пока я тер тыльную и ладонные поверхности, он сказал тихо, так, чтобы Рихард его не услышал:

- Надеюсь... надеюсь это не связано, ваше желание остаться... Надеюсь, вы не считаете, что бомба может сработать и ...

- Говорите прямо, — я сунул руки в рукава протянутого мне халата.

Он отвернулся к раковине, взял другую щетку и минут пять молча тер кисти рук и предплечья до локтевого сгиба. Затем он повернулся ко мне и сказал:

- Дайте вон ту салфетку.

Я протянул ему салфетку, он взял ее за кончик и принялся тщательно вытирать руки.

- Вы хотели что-то спросить или сказать?

- Да. Смочите в спирте марлевый шарик и киньте мне.

Он поймал шарик и стал протирать пальцы.

- Держите халат у входа в рукава в верхней их части. На вытянутых руках.

Я невольно улыбнулся. Алекс бы знала, что и как делать. Она же теперь операционная сестра. Я натянул на Вольфганга халат и, завязывая сзади завязки, прошептал:

- Я не собираюсь сводить счеты с жизнью. Бомба не сработает, пока я здесь. — Я обошел его и посмотрел в глаза. Он понятия не имел, о чём я говорю.

Я знал, что он не сможет, но всё равно попросил:

- Поверьте мне.

Я остался не потому, что от меня был большой толк при проведении операции, хотя я мог подать лигатуру или тампон. И не потому, что хотел подорваться и умереть, как решил Вольфганг. Намного проще было бы выстрелить в висок. А просто потому, что сейчас я был нужен здесь. Остальной батальон был в относительной безопасности, а здесь был тот критический участок, где я был необходим.

Я точно знал, что Рихард не умрет и бомба не взорвется, пока я здесь. Я не могу непосредственно повлиять на поврежденный сосуд или тикающий будильник, но еще в раннем детстве я заметил, что могу влиять на события. Я могу заставить людей делать то, что я хочу, а через людей и их действия могу менять события. Я не знаю, как, почему и даже не всегда понимаю зачем. Иногда мне кажется, что это особого рода связь с миром, особый канал, не всем понятное ощущение, когда ситуация завязывается на тебе, все участники находятся под контролем, в фокусе внимания, а твоя воля и ты сам распространяешься на них.

- Спасибо, — вдруг едва слышно прошептал Рихард.

Я посмотрел ему в глаза. За что? Всё еще только начиналось.

Вольфганг показал мне шприц.

- Сейчас будет укол, Рихард, пожалуйста, не дернетесь.

- Готово. Голову к правому плечу. Ставьте экран.

- Спасибо, что остались, — выдохнул Рихард, пока я возился с экраном — изогнутой под прямым углом трубкой с натянутым на нее куском ткани. Очевидно, он нужен для того, чтобы пациент не пришел в ужас от вида собственных органов. Но закрепить его на столе было не так просто. Мне пришлось брать нож и ковырять в столешнице, чтобы трубка держалась и не падала. В ожидании, пока подействует новокаин, Вольфганг продолжал делать Рихарду уколы, бормоча «пенициллин» и что-то еще «подкожно».

- Как боль? — доктор принял ощупывать живот Рихарда. — Здесь чувствуете?

Рихард слабо мотнул головой и облизал пересохшие губы.

- Всё, начал действовать новокаин. Еще немного... Хайн, вы лучше встаньте с другой стороны стола. Следите за пульсом и давлением, вообще следите за его состоянием.

Затем он снял перчатки, снова стал мыть руки и обрабатывать их спиртом, затем надел новую пару перчаток. Я обошел стол и встал лицом к Рихарду. Вольфганг начал готовить операционное поле — обработал спиртом живот, отгородил простынями и салфетками небольшой квадрат и зафиксировал операционное белье цапками, прихватив и кожу. Рихард уже ничего не почувствовал. Затем он дважды смазал операционное поле йодом. Дальше он возьмет скальпель и рассечет кожу. Я посмотрел на часы, которые положил рядом с головой Рихарда. Секундная стрелка постоянно убегала от меня, и мне приходилось ее догонять. Саперы могли бы и поторопиться.

Скальпель полетел в стоявший под столом тазик. Защелкали зажимы. Их кричающий скрежет рвал мне нервы. Где же эти чертовы саперы? И где бомба? За камином. Но где проход? Сколько времени у саперов уйдет на поиск? Сколько времени осталось до взрыва?

Я еще раз подошел к камину и заглянул внутрь, затем встал так, как стоял Оппс. Голова полностью ушла в дымоход. На меня словно надели гигантский каменный колпак, который вот-вот сломает мне шею. Запах сажи и темнота вызвали ощущение приближающегося приступа. Вдруг в левый висок, где у меня шов, ткнулся чей-то холодный палец. Дуло. Я вздрогнул от неожиданного болезненного прикосновения. Штырь. Это был небольшой металлический штырь. Откуда он в дымоходе? Я подергал его в разных направлениях, и вдруг справа от меня стенка топочной камеры повернулась, открыв проход.

Неужели?

Согнувшись пополам, я пробрался внутрь потайного помещения и сразу же услышал отчетливое постукивание часового механизма. Он уже не шуршал едва-едва, он тикал звонко, с торжествующей наглостью. Свет в комнату едва проникал из кухни, фонарика у меня не было, а жечь спички было слишком рискованно. Мне казалось, что я стою на верхней палубе, а где-то рядом в черных волнах рыщет вражеская подлодка. Она выходит на линию огня и открывает торпедные люки, два попадания, взрывы в левом борту — и замок с сильным креном и дифферентом на корму идет на дно. Мне было жаль этот грустный, полузаброшенный замок — по сути, просто большой дом, величественный в своей простоте. Думал ли француз о том, что станет с замком после того, как сработает его взрывное устройство? Но главным вопросом было: хватит ли у заряда мощности разнести вообще всё к чертовой матери?

Глаза привыкли к темноте, и на ее фоне проступили серые контуры обтекаемого корпуса пятидесятикилограммовой фугасной авиабомбы. Она лежала на полу и выглядела довольно безобидно. Сама по себе, как предмет, по своим объемам и размерам, она была мала и невинна. Мы сможем укрыться от взрыва в пристройке. Доктор остановит кровотечение, и мы перенесем Рихарда в пристройку. Я глубоко вдохнул и выдохнул с облегчением. Мы спасены. Возможно, окна вылетят; отсюда до пристройки метров пятьдесят. Я шагнул к бомбе, чтобы найти часы, чье тиканье отчетливо раздавалось в крошечной комнатухе. И тут из темноты выдвинулась металлическая громада выше меня ростом. Двести пятьдесят килограммов. Она стояла вертикально на стабилизаторе и внушала ужас. Я застыл, словно облитый жидким азотом. Взрыв сложит замок как карточный домик. Где же эти чертовы саперы?

С треском подвинулась стрелка. Секунда была легкая, как щепка. Одна за другой они посыпались на меня со стуком и хрустом. Они колотили меня по голове и кололись за шиворотом. Мука была невыносимой. Казалось, мозг проткнут насквозь колючей проволокой, и кто-то тащит ее наружу через левое ухо. Я не выдержал и стал тереть лицо руками.

Бомба была следствием. Она была лишней, не на месте, она была не причиной, а следствием катастрофы, общего беспорядка, хаоса. Она была знаком. Знаком упадка. Я сделал шаг — ноги были словно обвиты или опутаны — и приложил ладонь к корпусу бомбы.

- Так не пойдет, — сказал я вслух.

Я вылез из камина весь перепачканный в саже и не хотел подходить к Вольфгангу и Рихарду.

Но Рихард вдруг повернул голову, словно ища меня взглядом, поднял руку и указал на окно, которое не мог видеть из-за экрана.

- Там!

За окном белело чье-то перекошенное лицо.

Альфред Гюнтер, командир 1-го взвода 3-й роты

Я проснулся среди ночи, вскочил с постели, включил настольную лампу и схватил лист бумаги. Он опять мне приснился. Он опять пытался что-то сказать. Он шептал, бубнил, едва шевеля бескровными губами, теребил свой крестик на веревочке и снова повторял что-то. Я пытался понять. Обрывки молитв и приказов. Я честно старался понять. Но не мог. Всё, что я мог, — это нарисовать его. Я рисовал по памяти — у меня не было ни фотографии, ничего, при жизни я едва ли перекинулся с ним парой фраз. Сделав четыре наброска лица, я, не задумываясь, взял чистый лист, на котором вдруг появилось дерево, припорошенное снегом, на нижней ветке которого раскачивался повешенный. Какого чёрта? Какой в этом смысл? Я отложил дерево и снова взял портрет. Слабое сходство. Я напряг память, вспоминая его лицо. Потом стер глаза и зачернил пустые глазницы. Так похоже. Я подпер голову рукой и в этот момент

он мигнул своими черными дырами и шепнул “Nein”. Или может быть “Hein”. В тот же миг на первом этаже сработала сирена.

Я вскочил и полоумным волчком закрутился по комнате. Со стола упала папка, из которой вылетели и веером разлеглись на полу листки. Я не называю их «рисунки» — далеко не все из них дотягивают до такого громкого слова. Маргрет. О нет! Только не сегодня. Если что-то случилось, меня могут не отпустить, а ведь сегодня приезжает Маргрет. Я надеялся, что смогу уломать ротного на внеочередное увольнение. Вот же незадача! Рядом с Маргрет упала недоделанная работа. Девушка смотрит сквозь мокрое стекло, приложив к нему ладонь. Тоже трудно было добиться сходства. Хотя у меня даже есть ее фотография, групповая — она приезжала к нам на свадьбу. Но всё равно нарисовать Алекс для меня сложно. Я не считаю себя художником. Я уже не знаю, кем себя считать. Когда-то я был наборщиком в типографии, но это пять или шесть жизней назад. Теперь я офицер-танкист. Смешно. Я муж и отец. Еще смешнее. Я просто воюю и рисую. В конце концов, это одно и то же. Я взялся за карандаш на войне. Чтобы они не уходили целиком, чтобы от них хоть что-то осталось. Я рисую только самое главное — лица. Только карандаш, только черное и белое. Только самое важное — свет и тень. Каждое лицо — это история, каждый человек — это сюжет. Кто-то должен это делать. Я принялся собирать упавшие листы. Больше половины — наброски, всё остальное — незакончено. Всё нет времени, я всё откладываю на потом, смотрю им в глаза и обещаю, что вернусь к ним, когда закончится война. Вру безбожно. Потому что не вернусь. Потому что война не закончится. Закончится что-то другое. Например, жизнь.

Пришел мой связной и доложил, что в роте введена тревога. Я кое-как побрился и оделся. Первым, кого я увидел, не считая связного, был Амзель. Хорошая примета. Доктор — туда-сюда, но за доктором стоял Лихт, а вот это было просто отлично. Старое танкистское поверье: адъютант с утра — попойка вечером. Если речь, конечно, о нашем адъютанте. Обожаю его — и рисовать, и так. Красивое лицо. Красивые люди для меня — как наркотик. Поэтому и женился на первой красавице в городе. В Магдебурге их много, но мне была нужна самая-самая. Как только получил в марте прошлого года Рыцарский Крест и двухнедельный отпуск, сразу решил: женюсь. Я ее едва знал. Ходили в одну школу, она на два класса была младше, потом где-то пересекались в городе на праздниках или в гостях у общих знакомых. За наборщика она бы не пошла. Но я пришел в форме, с Крестом на шее, букетом и кольцом. Она сказала «да» и даже добавила, что всегда была в меня влюблена. Чем сильно меня удивила. Я был уверен, что она не вспомнит моего имени, если встретит на улице. Через две недели я вернулся в дивизион. И почти сразу же поехал обратно, Хайн отправил меня в офицерскую школу, а потом в новый формирующийся танковый батальон.

«Согласно планам нашего командования из тяжелых танков будут сформированы отдельные батальоны. И одним из них буду командовать я. Мне в новом батальоне будут нужны толковые художники. Что скажешь, Фредди?» Что тут можно сказать? Я возвращался в Райх, я буду офицером, у нас будут танки, я каким-то невероятно счастливым образом избежал готовящуюся мясорубку «Цитадели». Я был на седьмом небе. Мы обнялись. Я уехал. Это был конец мая. Через неделю Хайну в голову попал гранатный осколок.

Когда я увидел его в августе, впервые после ранения, то первое, что сказал, было: «Отлично выглядишь!» Дальше я нес какую-то чушь про интересный шрам, придающий особый шик, про то, как у него красиво отросли волосы, и еще кучу всякой околесицы — просто потому, что на самом деле этот шрам меня напугал. В нем всегда была какая-то сумасшедшинка. Ее еще надо было найти — она сидела глубоко внутри под хорошей офицерностью, примерной командирностью, надежно-исполнительной ответственностью и прочими немецкими добродетелями. Под всем этим прятался настоящий сорвиголова. Теперь со шрамом на виске он проступил отчетливее.

Когда я увидел его в столовой, то опять вспомнил нашего переводчика, убитого партизанами. Нашли, твари, на ком злость сорвать! Отличный был парень, по-немецки говорил лучше, чем баварец Амзель. К чему он мне снится? Уже несколько раз за последний месяц.

В парке, когда мы выводили машины на учения, начался настоящий конец света. Сломалось всё, что только могло сломаться. Прямо как назло. Хайн подошел и дернул меня за ухо. «Офицер должен всегда знать состояние всех машин... — я вздрогнул от неожиданности, — ... а не пьянствовать по подвалам».

- Но, Хайн, двигатели, это же двигатели... — я пытался оправдаться.

- Двигатели — забота мехводов, а блокировка движения — это ошибка офицера. Каждая твоя ошибка — это их жизни.

Он был прав. Я считал себя таким опытным — а как же, с сорокового года воюю, вон и орден имеется! Но офицер я только четыре месяца. Это не извинение — я это понимал. Аммиз мои оправдания будут не нужны. В бою мы бы уже все были мертвяками. Я готов был сам толкать этот чёртов 313, лишь бы он наконец выбрался на дорогу. К счастью, со второго раза он завелся. Но тут забуксовал мой собственный 311. Да что же за день такой! Накрылось мое увольнение. Я мысленно разрывался на части и не мог как следует сосредоточиться на учениях. Если бы Лихт, зараза, предупредил меня вчера, что будут учения, я бы лично проверил каждую машину.

На исходное я приполз едва живой — не столько физически уставший, сколько морально подавленный. Не дав нам ни минутной передышки, Хайн тут же устроил общее собрание командиров экипажей. В целом он был менее категоричен, чем я ожидал, и даже когда остались одни офицеры, он был сдержанным и немногословным.

Меня передернуло, когда я представил, что бы нам устроил штурмбаннфюрер Ляйнер, временно командовавший батальоном с ноября по тринадцатое февраля. Я точно запомнил дату — это был просто День Освобождения, его надо отмечать каждый год с фейерверком и публичным гулянием. Не могу вспоминать Ляйлера без содроганий. Если бы шпицрутены всё еще были в ходу, он бы пользовался ими каждый день. Это был просто ужас, темное время, батальон был на грани бунта. Когда наконец приехал Хайн, мы плакали от счастья; даже те, кто его не знал и впервые видел, все были ему рады, как избавлению от мучений.

- Офицер отвечает за выполнение боевой задачи. Вы должны думать не о личном счете, не о наградах, геройстве, подвигах и прочей чуши, которую вы немедленно засунете себе в задницу, — младшие офицеры дружно захихикали, — а о командной работе, об управлении подразделением. Взводный отвечает за боеготовность техники, за четкость и ясность приказов, обеспечивает взаимодействие всех машин взвода. И не просто отдал приказ, а проследил, как он выполнен, и выполнен ли вообще. Ротный отвечает за изучение обстановки и своевременное реагирование на ее изменение. А не я-герой-грудь-колесом — чуть увидел на горизонте танки противника, побежал, дров наломал, в результате подразделение оставило выгодные позиции. — Он хлопнул ладонью по столу, мы с Амзелем переглянулись.

После совещания я пошел принять душ. Горячий, обжигающий душ способствует мыслительному процессу. Было уже часа четыре и через час Маргрет приедет в Бове. После душа я быстро вытерся насухо, надел свежую рубашку и почувствовал себя в мягком, но непроницаемом доспехе. На всякий случай в карман я положил РК. Если повезет и я добуду увольнение, то надену его для Маргрет. Затем я пошел проведать свой взвод, который отдыхал после обеда. Я построил их на лужайке за замком и прежде всего кратко похвалил, затем остановился на недочетах и указал, что именно должно быть сделано. Было очевидно, что Хайн нас просто так не оставит — завтра-послезавтра, наверняка, будут еще учения в том или ином виде.

- И не забываем про внешний вид, — сказал я, указав глазами на роттенфюрера Мюнтрата, который надел строевые брюки с камуфлированной танкистской курткой. Конечно, Хайн не тот тип, чтобы

придираться к пуговицам и бляшкам, но у нас вполне хватает уже существующих проблем, чтобы создавать еще и дополнительные. В принципе, унтершарфюреру Блазе, командиру Мюнтрата, тоже не мешало бы подстричься и привести себя в порядок, но это замечание я решил оставить на следующий раз. Нельзя вываливать всё и сразу.

После этого я решил заняться своими собственными проблемами. Надо было найти Хайна и как-то выклянчить у него увольнение, хотя бы на несколько часов, лучше всего — до завтрашнего утра. Я зашел к себе в комнату, потом пошел в офицерскую столовую, обошел ее по периметру и совершенно бессмысленно опустил в кресло. Нужен был какой-то план, которого у меня не было.

Дело было не в том, что я боялся, что Хайн мне откажет, — мне было просто неловко просить. Ведь это было исключительно бессовестно с моей стороны. Но с другой стороны, меня ждет Маргрет, перед ней у меня тоже есть ряд обязательств. Пока я рассуждал об этом сам с собой, в столовую вошел Хайн. Ну, раз такое счастливое совпадение — значит, нельзя его упускать. Я решил особо не напирать, но к моему удивлению Хайн понял меня с полуслова. После чего, к моему еще большему удивлению, он спросил:

- Что за тип этот Гёргенс? Он мне письмо написал...

Гёргенс мне казался неказистым увальнем, таким добротнo-усредненным; в нём было некое сходство с бревном. Никаких явных талантов или недостатков я на первый взгляд в нем не обнаружил и подозревал, что внутри у него вообще ничего нет, кроме древесных волокон. Мне он был безынтересен и безразличен. Он был из тех немногих сослуживцев, которых я не пытался нарисовать ни разу — мне даже в голову подобная мысль не пришла. То, что он мог что-то написать Хайну, какую-нибудь докладную записку о нехватке шнурков и подметок, вызвало у меня приступ хохота.

- Давай я тоже тебе что-нибудь напишу,— предложил я. — Хочешь гекзаметром? Гнев Помпея воспой, Каллиопа, Страбонова сына...

- Ты опять всё переврал, Фред, — ответил он, смеясь.

Мерзкое настроение, которое владело мной с той самой минуты, когда я вскочил с кровати, прошло. Я внезапно вспомнил, что умираю от голода. Отправив своего радиста на охоту за бутербродами, я усадил писаря за печатную машинку, и он принялся настукивать мою увольнительную, одновременно насвистывая "Wir sind des Geyers schwarze Haufen"²⁸. Я тем временем уничтожил сморщенное, прошлогоднее яблоко, бутылку газировки и жестоко расправился с бутербродами с сыром. Heia ho! Тут ко мне подошел роттенфюрер Хаупт, водитель Хайна, он вручил мне ключи от машины и бутылку красного вина. Я сразу понял, что это тот самый «привет Маргарет», который я должен был передать. Я был тронут до самой селезенки. Маргрет тоже, наверно, привезет какую-нибудь сладость из дома, какой-нибудь торт или пирог, на который у нее ушла месячная норма сахара и масло, купленное на черном рынке за безумные деньги. Она, конечно, об этом не скажет. Пирог должен мне показать, что у нее всё отлично, она ни в чем не нуждается, в тылу всё в порядке, ни о чём не волнуйся. Я протяну ей бутылку дорогого вина, и мы будем наслаждаться иллюзией, вместо того, чтобы обсудить, насколько паршивой становится реальность.

Затем я снова пошел на второй этаж за подписью Хайна, который, как я предполагал, будет в офицерской столовой, которая одновременно служит комнатой для собраний. Но там его не оказалось. Вместо него я нашел Гёргенса, который с полным отчаянием теребил какие-то листы бумаги. Я успел краем глаза заметить, что на них что-то напечатано на машинке. Видимо, Хайну не понравился стиль — вот незадача! Я ж говорю: гекзаметром надо было! Я постарался сдержать ухмылку, чтобы еще больше не раздосадовать беднягу неудачника.

- Унтерштурмфюрер Гюнтер, — обратился он ко мне, — вы не могли бы уделить мне минуту внимания?

²⁸ Мы черные всадники Гайера (нем.)

- Да хоть две, унтерштурмфюрер Гёргенс. Кстати, можете звать меня Фредди.

- Фредди, — повторил Гёргенс и прямо-таки просиял, — я — Макс. — Улыбка у него оказалась вполне милой, я видел ее впервые. — Я могу вам доверять, как другу? Вот тут у меня письмо, оно в некотором смысле касается и вас тоже — я бы хотел узнать ваше мнение.

Когда я прочитал, у меня волосы встали дыбом.

- Вот это заход в тылы! Это вы писали?

- Нет-нет, — Макс Гёргенс замахал руками, — я не знаю, кто писал. Кто-то подделал мою подпись. Я должен как-то установить, кто именно, но у меня нет ни малейшей идеи...

- А командир в курсе? — спросил я. Хайну такие шуточки очень не понравятся.

- Штурмбаннфюрер фон Ве... — начал он с вопросительной интонацией.

- Да, он самый.

- Это он мне передал письмо.

Да, точно, он же утром упоминал подвал; мне тогда было не до того, я сразу не обратил внимания, откуда он знает про пьянку в подвале.

- Кто-то стучит, — сказал я. — Надо поймать и оторвать клюв. Дятлы в танковой роте ни к чему.

- К тому же он подделывает подписи...

- Дайте-ка взгляну. А еще лучше, распишитесь рядом, я сравню ваш оригинал и подделку.

Гёргенс вынул из кармана кителя химический карандаш и расписался на том же листе, где стояла поддельная подпись.

- Хм, — я попарно сравнивал буквы и их части, — я, конечно, не графолог, но я бы сказал, что писал левша. Хотя и сильно старался. И у него почти получилось, — процедил я, всматриваясь в две подписи. — Ваша подпись с правым наклоном. Тот, кто пытался ее скопировать, видимо, пишет с левым или вообще без наклона, что характерно для левшей; он пытался это преодолеть, но умляут над “о” проставлен с отчетливым наклоном влево.

Надо было бы посмотреть в лупу, но и без нее было видно, что точки над «о» — вовсе не точки, а крошечные черточки. И нижние петли у “g” были более прямыми, по сравнению с подписью Гёргенса, как будто кто-то бессознательно хотел сделать противоположный наклон.

- Но это косвенное доказательство. К тому же я не эксперт — только предполагаю.

Я представил, что было бы, если б такую штуку выкинул кто-то из моего взвода. Нет, мои не такие! Кистерс, Шёппер, Блазе — никто бы из них на такое не пошел, и остальные ребята тоже. Даже заряжающий, которого перевели только в марте, — он новенький, я его хуже всех знаю, но и в нём уверен. Это сделал кто-то совсем головой ушибленный. Я бы даже сказал, не из нашего батальона.

- Кстати, о подписях. Мне как раз нужен Хайн — вы случайно не знаете, где он?

Гёргенс посмотрел на меня мутным, непонимающим взглядом, словно не понял, о ком речь.

- Который штурмбаннфюрер, — пояснил я и подумал, что всё-таки надо следить за языком.

На человека постороннего мои слова произвели бы впечатление фамильярности, неуставняка и дисциплинарной расхлябанности. Гёргенсу уже пора перестать быть «посторонним», но он всегда был темной лошадкой. Я не знал, чем еще ему помочь, поэтому попрощался с ним и вышел из столовой.

Хайн был в спальне, которую еще вчера занимал Рааш. В дверях я чуть не столкнулся с доктором Эрвингером, который кивнул мне и поспешил вниз по лестнице по своим делам.

Хайн сидел на подоконнике и курил на фоне огромного грозового облака, пытавшегося заглянуть в окно. Небо было темным, словно крыло гигантской черной птицы. На замок надвигалась гроза. Хайн потер лоб. Вокруг глаз у него лежали тени, оставленные ночными демонами. Мы никогда не говорили об этом, но я решил спросить:

- У тебя голова болит? — И не дожидаясь ответа — ведь понятно, что он не скажет «да» — чтобы как-то сгладить свой вопрос, я предложил: — Хочешь, я ограблю аптеку? Я же еду в город — напиши, что тебе привезти...

- Нет, нет, Фредди, — сказал он и улыбнулся как-то криво и остро. — Не надо ничего.

- Эй, хочешь, я ограблю доктора? У него наверняка есть тайные резервы.

- Не связывайся с доктором, — шутливо предостерег он меня.

Он подписал мне увольнительную, я поблагодарил его за вино и пошел заводить машину. Если Хайн дал мне машину — значит, она ему не нужна и он останется в замке до десятого, когда начнутся общештабные учения.

Наконец уже после восьми я вырвался из замка, который словно не хотел меня отпускать. Я выехал за ворота, и грозовые облака, плотно обступившие замок, враждебно посмотрели мне в спину. В нескольких метрах от ворот я разминутся с мотоциклистом, который подъезжал к замку. Интересно, кто это к нам пожаловал? Он тоже повернул голову, пытаясь разглядеть, кто сидел в машине. Я отсалютовал ему рукой и поехал дальше. Я повторил наш утренний маршрут до Марсей-ай-Бовези, где свернул направо, на Бове. Карту я не взял, рассчитывая, что неплохо изучил местность. Смогла ли Маргрет найти номер в гостинице? Что за гостиница — приличная или дыра какая-нибудь? Я ведь рассчитывал, что приеду встречать ее к поезду. Думаю, она не растеряется и догадается поискать номер. Но будут ли свободные? И в какой из гостиниц? Знаю, там есть одна рядом с собором, на Сент-Николя; кажется, лучшая в городе — по крайней мере, мне так сказал наш мсье Делиба. Я дал адрес Маргрет: Сент-Николя, девять — надеюсь, она уже там и гроза не застигнет ее на улице.

И тут как раз хлынуло как из ведра.

Дворники не справлялись с потоками воды, не видно было ни зги. Я едва полз, рискуя оказаться в кювете. Сент-Омер-ан-Шоссе я уже проехал, а после него дорога раздваивалась, и я боялся пропустить указатель. Мне не оставалось ничего другого, как остановиться и переждать, пока дождь хоть слегка утихнет. Но он и не собирался. Молнии рвали небо на черные лохматые лоскуты. Угольная темнота оживала меловыми вспышками. Кто-то бродил рядом — кто-то, скрывавший лицо и таивший имя. Я все время оглядывался, словно он должен был вот-вот появиться. Не выдержав, я снова двинулся вперед. В частой дробь дождя мне слышался чей-то голос — шипящий и враждебный. При кратком блеске молний он прятался, натягивая на себя мрак, а потом, когда гремел гром, снова осторожно вылезал наружу. Я прибавил скорости. Дворники плясали как сумасшедшие. Вдруг рядом справа от меня промчался, рассекая воду, поезд. Почему так близко? Как получилось, что я выехал к железнодорожному полотну? Неужели я не туда свернул? Я же вообще не поворачивал, а всё время ехал прямо! Но другого объяснения не было — я оказался на проселочной дороге, которая шла вдоль какой-то речушки и железной дороги. Ничего страшного — по ней тоже можно добраться до Бове, хотя она и не в лучшем состоянии. Жалко было гробить машину по такой дороге, но больше всего меня беспокоило, как там Маргрет. Надеюсь, она не взяла маленького. Мы договаривались, что она оставит ребенка с моими родителями, но кто знает — вдруг что-то изменилось, вдруг ей пришлось взять его с собой... Я выругался и полез за сигаретой. Надо прекратить себя накручивать и воображать Бог весть что. Гюнтер-младший сейчас уже спит в Магдебурге, а Маргрет отлично поужинала в гостинице и, может, тоже заснула после дороги. Под дождем мокну лишь один я, и то мокну довольно условно — мокнет бедняга «Опель», а я сижу внутри. Главное теперь — не свалить дурака и выбраться на дорогу, которая идет от Крийона до какого-то городка со смешным названием, чёрта с два выговоришь, а уж от этого городка до Бове и пятнадцати минут не будет. Понятия «близко» и «далеко» поменяли свое значение после Восточного фронта. Близко — это от Шталино до Харькова, триста километров, здесь же, во Франции расстояния просто кукольные.

Наконец я добрался до мокрой, захлебывающейся в воде деревушки — я не знал, как она называлась, впрочем, она тоже не знала, как меня зовут. Я был безымянным ночным гостем, который торопился поскорее ее проскочить. На улице не было ни души. Я не был уверен, была ли улица. Всё, что я видел сквозь воду, были лишь серые тени домов, подгоняемые перестуком колес проезжающих мимо составов. Тени водили вокруг меня хороводы, не давая дороги. Дороги, как змеи, расплзались в разные стороны. От пятой или шестой сигареты пошла кругом голова, я опустил стекло, чтобы глотнуть свежего воздуха, и в салон тут же ворвались холод и дождь. Сделав петлю по деревне, «Опель» выехал на шоссе и понесся вперед черным призраком, сливавшимся с асфальтом. Гроза стала стихать, и справа я различил большой массив деревьев. Лес? Я посмотрел налево — и слева тоже виднелся частокол стволов. Я весь похолодел. Откуда здесь лес? Здесь не может быть леса — на подъезде к Бове есть аэродром, лес давно вырубил и построили аэродром. Но деревья всё плотнее обступали дорогу. Мне опять померещилось, что в глубине, за деревьями кто-то прячется и тайком крадется за мной, быстро и бесшумно. Я нажал на газ, чтобы скорее проехать этот жуткий лес с его черными ухмылками и острыми мордами — и тут в глаза мне ударил свет фар! Впереди машина! Не видя практически ничего, я крутанул руль влево, со всей силы впечатывая педаль тормоза в днище машины. Не дожидаясь удара, я отпустил руль и, закрывая голову, нырнул вниз, на пол. Удар пришелся в правую часть капота, посыпалось стекло, затем послышались громкие крики. В другой машине, ехавшей с большей скоростью, кто-то серьезно пострадал. Но жив.

Я выскочил из «Опеля» и неожиданно лес отступил, в десятке метров показались крыши домов, на фоне светящихся окон темнели силуэты людей, услышавших удар и крики. Я бросился к стонавшему и вопившему французу. Он сам кое-как выполз из своего «Ситроена» и попытался подняться. У него была сильно повреждена левая нога, он не мог на нее наступать; от промежности до ступни всё было залито кровью. Кроме того, всё лицо у него было в крови, и руки тоже. Автомобиль его тоже пострадал сильнее моего. Пока я спрашивал «Как вы?», к нему уже подбежали несколько местных. Он продолжал что-то кричать в мою сторону, один из подошедших мужчин попытался взять его под руку, но тот, несмотря на ранение, вырвался. Я не понимал, в чём дело. Я не говорю по-французски, но нетрудно было догадаться, что пострадавший француз очень зол. Я был готов извиниться, но не понимал: за что? Я выехал на встречную? Здесь одностороннее движение? Я не видел знаки, Господи, да в такую грозу вообще ничего разобрать не возможно! Я не имел ни малейшего представления, где я. Кто-то протянул пострадавшему французу платок, тот отер лицо, и на какое-то мгновение мне показалось, что я узнал его. Я хотел было спросить, не обознался ли я, но он вдруг рывком метнулся к своему «Ситроену», выхватил винтовку и прицелился в меня.

Он успел выстрелить и перезарядить, прежде чем сработали мои солдатские навыки и я упал в лужу на дороге. Он выстрелил еще раз, снова перезарядил; я успел откатиться на обочину и уже думал, что придется бежать в лес, но третий выстрел ушел в землю. Соотечественники остановили безумного стрелка. Я поднял голову и увидел, что тот выронил винтовку и оседает на руках у державших его сограждан. Меня спасла темнота — днем при хорошей видимости он бы обязательно попал. Про свой пистолет я вспомнил, только когда уже всё закончилось. Всё равно он был не заряжен.

Стрелок потерял сознание. Я поднялся и осторожно приблизился к группе французов, продолжавших что-то живо обсуждать на своем тарабарском языке.

- Что это за город? — я указал рукой на дома и уходящую вдаль улицу. — Как называется?

Я повторил свой вопрос еще раз.

- Крийон, — наконец ответил мне кто-то.

Крийон? Как я мог оказать в Крийоне? Но сейчас это даже и не важно. В Крийоне наш штаб, мне надо добраться до него, только добраться и я снова на своей территории среди своих людей.

- Где мельница? — спросил я. — Старая мельница. Улица... — как же ее по-французски — Мулен! Рю дю Мулен!

Один из французов что-то рявкнул стоявшему рядом с ним подростку и тот ответил:

- Я провожу.

Что-то доверия у меня эти физиономии не вызывали.

- Это ваше? — подросток протянул мне фуражку.

- Да, спасибо, — я автоматически взял фуражку и сжал ее в руке. — Давай быстро — у меня нет времени...

Потом вызовем полицию. Раненого, сильно походившего на зрителя нашего замка, унесли в ближайший к дороге дом. Его судьба меня не сильно волновала, его всё равно вздернут, так что лучше ему скончаться от кровопотери. Я был зол на этого идиота, из-за которого мне пришлось вывалиться в грязь. С какой стати он стал в меня стрелять? За то, что я помял его машину? Мне совершенно не хотелось сейчас думать о следствии, о даче показаний, я хотел только одного — смыться с места преступления, принять душ, переодеться в чистое, выпить шнапсу и перевести дух. Да, и позвонить Маргрет. Надо узнать номер той гостиницы... Все мои мысли были устремлены к зданию штаба, расположившегося рядом со старой мельницей. Дождь едва моросил и в компании местного парнишки я быстро дошел до старой мельницы. Я дал парню несколько свернутых банкнот, даже не успев посмотреть, сколько именно, и попросил присмотреть за машиной. Он, к моему счастью, понимал по-немецки и с готовностью кивнул. Мне бы не хотелось, чтобы к утру от «Опеля» осталась только рама.

Штаб встрепенулся при моем появлении. Большинство еще не спали, а занимались чёрт-те чем, в основном пили и играли в карты, потому что ни командира, ни адъютанта не было не месте. Меня сразу же обступили, как газетчика со свежими новостями, — я едва вывернулся от их расспросов. Мне не хотелось рассказывать, потому что не хотелось заново переживать весь этот кошмар.

- Он выскочил мне наперерез словно из засады, — когда Ирион спровадил своих подчиненных, я кое-как умылся и переоделся в одолженную Доллингером рубашку, затем мы сели пить кофе. — Я даже не знаю, куда я его ударил, думаю — в водительскую дверь. Я не успел ничего понять, потому что этот псих выхватил винтовку и стал палить...

Я машинально теребил в руках фуражку.

- Я вообще ехал в Бове. К жене. Какой-то ужасный день, просто ужасный. И машина... Что я теперь скажу Хайну?

Конечно, мы с ним друзья, но у всего есть предел.

- «Опель» — это пустяки, у нас ремонтники такие волшебники, сделают лучше, чем было. А вот то, что этот тип покушался на жизнь немецкого офицера... Кстати, что за тип?

- Что за тип? — не задумываясь повторил я и стиснул фуражку. И тут меня осенило. — Господи, это же не моя фуражка! Моя — в «Опеле». А эта... Эту мне дали французы. Она была в другой машине.

Я вскочил. Примерил фуражку — и она оказалась мне великовата. Да и без примерки было видно, что фуражка не моя. Моя со шнуром. Лихт приехал к нам в пилотке, у Бальбо размер такой же, как у меня, если не меньше. Это была фуражка Хайна. Сто процентов. Амзель, еще был Амзель — он тоже носил точно такую же фуражку без шнура, может быть, даже такого же размера, но я был уверен, что это фуражка Хайна.

- Додо, дай мне кого-нибудь из людей, чтоб подкинули меня до Сонжона? Что-то не могу я сегодня больше крутить руль.

- Мы со швиммвагеном к твоим услугам.

- Ты просто ангел.

- Я всё равно не сплю, — ответил унтерштурмфюрер Доллингер.

Беспокойство холодными лапами прошло по диафрагме, тронуло сердце и стало подниматься выше, стесняя дыхание. Кто это пришел к замку и заглядывает в окна? Явно не саперы. Я кивнул доктору и пошел к двери. Перед тем как взяться за ручку, я снял перчатку и оглянулся в поисках какого-нибудь оружия. Мой пистолет наверху, доктор с утра не надевал кобуру... Рихард? Его принесли из подвала в одной рубашке, без ремня и кителя. Я вышел в столовую и скорее почувствовал, чем услышал, как хлопнула входная дверь. У меня за спиной были совершенно беззащитные Рихард и Вольфганг. Я дошел до середины столовой, когда с противоположной стороны вошли двое — Гюнтер и Доллингер. У меня отлегло от сердца. Фредди выглядел растерзанным и вываленным в грязь. Это его бледное, вытянутое лицо я увидел сквозь оконное стекло.

- Что случилось? — спросил я и вместо ответа получил вопрос.

- Доктор? А где все остальные?

- Где командир?

- Рота эвакуирована, потому что в замке бомба. Командир ... роты? — они про Рааша спрашивали? — отправлен в Сонжон со специальным заданием. Теперь вы мне докладываете, что вы здесь делаете?

Они с недоумением посмотрели на меня, потом друг на друга, потом снова на меня.

- Хайн? — спросил Фредди.

Большим и указательным пальцами я оттянул маску вниз.

- Бомба? — переспросил Доллингер.

- Да, здание заминировано. Ваши умственные способности меня разочаровывают. Выкладываете, с чем приехали, и проваливайте побыстрее.

- Это твоя фуражка? — Фредди протянул мне фуражку. Я взял ее и повертел в руках. — Она была в машине у нашего француза, этого мсье, как его, забыл... Я врезался в него, мы столкнулись во время дождя... Я заблудился немножко, неважно, он схватил винтовку и стал в меня стрелять. А в салоне его машины лежала вот, фуражка... Ну, я и подумал, мало ли что. Он же просто псих, этот Делиба — вот, вспомнил, Делиба его фамилия.

- Да, это моя. Я заметил ее пропажу, когда Делиба выехал за ограду замка. Очевидно, вы разминувшись с колонной. Я отправил всю роту с машинами в Крийон...

- Мы встретили их по пути, едва разъехались.

- Но никто не объяснил, в чем дело, — говорят, учения, ночной марш.

- Извини, пожалуйста, но почему ты так странно одет? — Фредди ни за что не уймется, пока не выяснит все до конца.

- У Лихта травма, доктор его сейчас там оперирует, — я мотнул головой в сторону кухни, — я ... помогаю, что-то вроде того. Кстати, француз, которого ты сбил, он в каком состоянии?

- Он ... он... да он просто монстр! Кровища хлещет из всех дыр, а он хватается за винтовку... Не знаю, кажется, когда я убрался оттуда, он был уже без сознания. Надеюсь, он сдохнет. Меньше бумажной волокиты будет. Мне жалко «Опель», а не его. Прости, Хайн, Там бампер, правое крыло, фара, радиатор... Мне действительно жаль.

- Хельмут, вы не позвоните еще раз в Кремвилль, не уточните, спят там наши саперы или едут?

Доллингер вышел, а я, понизив голос, сказал Фредди:

- Если в округе работают партизаны, то важно накрыть всю сеть, а не наказывать одного виновного. Нам надо переговорить со Свободой — это наш новый командир зенитного взвода, бывший сотрудник крипо, он сможет разузнать, сотрудничает ли с партизанами местная полиция. Если это псих-одиночка, а может быть и такое, то громкий скандал с покушением опять-таки нам не на руку.

Он понимающе кивнул.

- Ты же помнишь ... Ефремовка, — это слово я практически сглотнул. Я посмотрел ему в глаза. Он опять кивнул. Он понял. Он тоже не хотел, чтобы история повторялась.

Доллингер вернулся, и не один, а с оберштандартен-юнкером Брауэром, следом за которым в столовую замка ввалились его подчиненные — служащие саперного взвода. Я опять повернул левое запястье, чтобы посмотреть на часы, которых там не было.

- Бомба на кухне, в небольшом потайном помещении за камином.

Брауэр тут же потребовал, чтобы мы все оставили замок. Я согласился насчет Гюнтера и Доллингера.

- Но есть одна тонкость. Пожалуйста, снимите обувь и верхнюю одежду, — я придерживал ручку двери, не давая Брауэру пройти на кухню. — Там идет операция. Все случилось одновременно. Адьютант батальона получил травму, доктор сейчас оперирует. С другой стороны, там еще и бомба. Но, — я через силу улыбнулся, — не знаю, что опаснее: сто килограмм тротила или взбешенный доктор.

- Ну, ничего, рискнем, — в ответ улыбнулся Брауэр и, сняв обувь и мокрый от дождя китель, пошел на кухню.

Вполне ожидаемо из кухни тут же раздался возглас Вольфганга:

- Сюда нельзя! Идет операция.

На что Брауэр резонно ответил:

- Очистите помещение — идут саперные работы.

Вместо ответа раздалось раздраженное клацанье и гневное звяканье брошенного под стол инструмента. Через минуту Брауэр вышел, позвал еще одного с собой. Еще через пару минут он появился снова с нахмуренными бровями и махнул еще одному саперу, чтобы шел за ним. Не знаю, поместятся ли они втроем в потайной комнатухе? Остальным Брауэр приказал проверить весь замок от подвала до чердака. Саперы разошлись. Через пять минут Брауэр вышел, а помощники выкатили бомбу в столовую.

- Всё? — не верилось, что всё закончилось так быстро и так просто. Я почувствовал легкость, словно замок свалился у меня с плеч.

- Здесь да, — Брауэр и рядовой саперного взвода поставили бомбу вертикально и громко рассмеялись. — Ну и художества — первый раз такое вижу!

Корпус бомбы был разрисован красной краской. С одной стороны была нарисована красotka с обнаженной грудью, французская школа, с другой — какая-то змеюка с разинутой пастью.

- Вырвали мы твой ядовитый зуб, — Брауэр потряс перед носом у змеи взрывным устройством, вынутым из бомбы. — Мы пойдем на этажи, посмотрим, как там дела, — сказал он, обуваясь.

Они ушли.

Я заглянул на кухню, чтобы спросить доктора, не могу ли я чем-нибудь помочь.

- Лед нужен, — буркнул доктор.

- Вы заканчиваете?

Смиловитившись, он ответил:

- Стабилизировалась гемодинамика. Закрываю.

- Отлично, просто отлично.

- Я дам ему морфин, пусть отдыхает. Но ему всё равно необходимо в госпиталь для наблюдения...

- Разумеется.

Я вышел наружу и дошел до въездных ворот, чтобы посмотреть, не едет ли еще кто-нибудь.

Говорят, у кошек девять жизней. Я принялся считать.

Во время городских боев в Риге в мае девятнадцатого — мне было семь — в метре от меня взорвалась ручная граната. Она снесла половину черепа какому-то латышскому коммунисту, но могла бы запросто оторвать мне голову. Раз.

В сентябре двадцать седьмого мы попали в затяжной шторм, судно и экипаж объявили пропавшими без вести; двоих смыло за борт, одному упавший рей проткнул насквозь ногу, он умер от потери крови. Это был мой первый шторм. Я выжил просто чудом. Два.

В двадцать восьмом — ножевая рана в Шанхае, в двадцать девятом — желтая лихорадка. Три-четыре.

В январе тридцать пятого во время учений в полку «Германия» пуля скрикошетила от дерева и прострелила мне фуражку. Пять.

В мае сорок первого — английские бомбы: один осколок ударил в шлем, другой пролетел в сантиметре от моего носа. Шесть.

В июле сорок четвертого советский осколок все-таки добрался до моей головы. Семь.

Сегодня... В счет? Сегодня — восемь? Сегодняшняя бомба унесла бы массу жизней, получается, я их выторговал у смерти, обменяв на одну свою.

- А что будешь делать ты, когда я умру?

Зачем я сказал это вслух? Он ничего не ответил, только посмотрел через плечо желтыми, горящими в темноте глазами. Глупый вопрос.

- У нас осталась одна жизнь на двоих, дружок. Давай не будем строить иллюзий, это ненадолго.

Я присел, чтобы обнять его.

- Я устал. Устал ждать, когда прилетит очередной осколок.

С дороги донесся шум приближающегося автомобиля. Я встал. Свет фар скользнул рядом, не задев меня. Унка ощерился, выгнув спину и задрал хвост.

- Рааш где-то нашел «санитарку», — сказал я ему, погладил по загривку и пошел открывать ворота. Ягуар растворился в черно-зеленой ночи сада. Из машины повыскакивали Рааш, Оппс и Хаупт.

- Штурмбаннфюрер!

- С вами всё в порядке?

- Тут где-то леопард! Вы видели леопарда? Мы только что видели...

- Здоровый такой...

- Здесь нет ни одного леопарда, уверяю вас.

- Он мелькнул тут, у ворот, в свете фар...

- Подгоните машину прямо к двери замка.

Хаупт снова сел за руль, а мы с Раашем и Оппсом пошли пешком.

- Это машина саперов? — спросил Рааш, когда мы уже подошли к замку. Я кивнул. Хаупт припарковался рядом с саперами.

- Одну бомбу обезвредили, сейчас ищут остальные. Хотите взглянуть? Любопытный экземпляр.

Они пошли в столовую, а я вытащил на улицу стул дежурного, сел и закурил. Я уже порядком подзабыл, что такое радость, и сейчас мне было трудно определить, что именно я ощущаю. Я словно после крена, рысканья и килевой качки снова возвращался в состояние равновесия.

Не прошло и минуты... Чёрт — надо сходить за часами... Из замка на свежий воздух вышел доктор. Я встал, чтобы уступить ему стул. Он снял маску и перчатки и выглядел, как будто его пропустили через соковыжималку.

- Я поставил Хаупта у двери, чтобы никто не входил...

Я развязал ему завязки халата, он скинул его и сложил прямоугольником.

- Буквально три минуты — и мы едем: сейчас докапает бутылка, поставлю новую — и едем...

- Садитесь.

- О нет, что вы, я не могу...

- Садитесь, — я нажал ему на плечи, усаживая на стул.

- Как ваша голова?

Я практически забыл, что у меня болит голова. Сейчас, когда доктор напомнил, снова вернулось тяжелое, давящее ощущение в висках, но не такое сильное, как днем. Мне словно вынули из черепа двухсотпятидесятикилограммовую занозу. Это значительно улучшило осадку, ходкость и в целом управляемость. Задул свежий бриз, и воздух запел танго. “Schön ist die Nacht, die lauschige Nacht”²⁹. На мгновение мир словно замер в хрупком равновесии, прислушиваясь к мелодии. Это был хит в тридцать девятом; я вспомнил, как мы танцевали под него с Алекс, и у меня появились отличная идея, как можно утилизировать нашу бомбу.

- Голова? Пока на месте.

- Это хорошо, — сказал Вольфганг. Затем он встал и собирался добавить еще что-то, но вдруг вскрикнул и попятился. — Это еще что такое! Змея?

Я открыл дверь, чтобы свет из дверного проема осветил дорожку, подпер ее стулом и подошел к тому месту, куда указывал доктор.

- Пф-ф-ф... Змеюка.

- Разве они здесь водятся?

- Понятия не имею. Они везде водятся.

К нам присоединился Оппс, который сначала пнул змею, а потом наклонился и потрогал руками.

- Она мертвая, штурмбаннфюрер. Голова отгрызена, на лоскутке кожи держится...

- Давай только без подробностей! — воскликнул появившийся Гюнтер.

- И не забудьте помыть руки с мылом, — тут же педантично заметил доктор.

- Надо отшвырнуть ее подальше, незачем ей тут валяться, — Оппс схватил мертвую змею и бросил далеко в траву. — Птицы склюют.

- Ага, давайте еще стервятников прикармливать, — проворчал Фредди.

- Немаленькая змея-то. Кто бы мог подумать... Интересно, кто ее так уделал? — удивился натуралист Оппс.

У меня было одно предположение, но я не стал ничего говорить.

Затем пришел Брауэр и доложил, что весь замок проверен и больше взрывных устройств не обнаружено.

- Благодарю за службу, — сказал я и пожал ему руку. — А теперь грузите бомбу в машину, туда же унтерштурмфюрера Гюнтера — и едем в Бове. Унтерштурмфюрер отправится по своим делам, а мы с вами и с бомбой — в гости к начальнику аэродрома. Да, по дороге заедем в Крийон, заберем оберштурмфюрера Свободу. Он нам понадобится во время беседы с начальником аэродрома.

Наша авиационная бомба попала к французам не иначе как с нашего военного аэродрома в Бове. Если один француз украл одну бомбу — сколько бомб украдет сотня французов? Некоторый софизм вопроса, я надеялся, начальник аэродрома в час ночи разгадать не сможет. Мы атакуем его внезапно, без артподготовки. Главное — прорваться к нему в спальню в образе карающей десницы. «Спите, любезнейший? А я вот не могу спать. Маки мне под кровать бомбу засунули». В любом случае один вид офицера госбезопасности, пусть и бывшего, способен внушить опасения, что в округе орудуют вооруженные банды партизан. «Кстати, бомба случайно не ваша?» И если начальник тут же развернет полномасштабное расследование с проверками и комиссиями, то, значит, он человек порядочный и ответственный, и округ Бове может спать спокойно. Ни один винтовочный патрон больше с аэродрома не улизнет. Но если он начнет юлить, попытается все спустить на тормозах, начнет рассказывать, что он сам во всем разберется, то я ему объявлю, что эта бомба весит на три экстренных полета Бове — Берлин — Бове — Берлин. Пусть в субботу, тринадцатого, отправит самолет в Берлин и привезет Алекс. А четырнадцатого отвезет обратно. Встреча с женой поможет мне забыть ночной кошмар с бомбами, будильниками, французами и подпольными организациями. Неприятно надеяться на непорядочность

²⁹ Ночь прекрасна (нем.).

человека, но опыт мне подсказывал, что второй вариант вероятнее первого, и я наконец-то увижусь с Алекс.

Часы, которые мне принес Хаупт, показывали ровно полночь. Через секунду начнется новый день, в котором мы, по замыслу Делиба, должны были быть мертвы, но вышло всё наоборот.